

Проф. И.Н. Никодимов

Воспоминание о Киево-Печерской Лавре

(1918-1943 гг.)

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
1. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ	3
2. УПРАВЛЕНИЕ ЛАВРОЙ.....	15
3. ЛАВРСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ.....	17
4. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛАВРЫ	25
5. КУЛЬТЯРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАВРЫ	31
6. БРАТИЯ ЛАВРЫ	33
7. ГАЛЕРЕЯ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ПОРТРЕТОВ	41
8. УБИЙСТВО МИТРОПОЛИТА ВЛАДИМИРА	53
9. НАСТОЯТЕЛЬ ЛАВРЫ АРХИМАНДРИТ КЛИМЕНТ	58
10. ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЛАВРЕ	60
11. ЭКЗАРХ УКРАИНЫ МИТРОПОЛИТ МИХАИЛ.....	62
12. ЛАВРА ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	65
13. ЛАВРА ВО ВРЕМЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ	74
14. СКИТ «ПРЕЧИСТАЯ ЦЕРКОВЩИНА».....	79

Настоящая книга И. Н. Никодимова об истории Киево-Печерской Лавры 20-40-х годов уникальна. До недавнего времени этот период был практически «закрыт» не только для широкой публики, но и для историков. Знаменательно, что книга, по известным обстоятельствам, никогда не публиковавшаяся на родине, впервые увидела свет именно в Лавре. В ней читатель узнает о прошлом известнейшего на Руси монастыря, жизни его братии, хозяйственном укладе, о его расцвете в Православном государстве и уничтожении при безбожной власти. Автор жил в эти годы на территории Лавры и, как ее юрисконсульт, был непосредственным свидетелем многих описываемых событий.

Книга будет интересна для историков Церкви, учащихся духовных учебных заведений, широкого круга читателей.

Проф. И.Н. Никодимов родился в 1895 г. Окончил юридический факультет варшавского университета, доктор права, профессор гражданского права, автор многих научных работ, сотрудничал с институтом по изучению СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мирная пристань душ человеческих, Печерская обитель, созданная преподобными Антонием и Феодосием под покровом Пречистой Богородицы, за время тысячелетнего существования вынесла на своих плечах по образу Христова крестоношения не одну тягостную богоборческую бурю. Противники Креста Христова, воюющие на Его Святую Церковь, чаяли стереть образ Христов не только с камней и дерева, но более с самих душ человеческих. Гонения на христиан последнего столетия превзошли, видимо, по силе своей и объему ожидания самих врагов Евангелия. Свободомыслие, либерализм, множество демократических свобод, попрание нравственных устоев, веры Святой Руси переполнило чашу гнева Божия, повлекло за собой бурный рост горчайших плодов греха и смерти. *«Что сеет человек, то и пожнет...»*

Увы язык грешный, людие исполнении грехов, семя лукавое, сынове беззаконнии, остависте Господа, и разгневасте Святаго Израилева, отвратистесь вспять. Что еще уязвляется, прилагаяще беззаконие? Всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль: От ног даже до главы несть в нем целости, ни струп, ни язва, ни рана палящаяся: несть пластыря приложити, ниже елея, ниже обаяния. Земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжены, страну вашу пред вами чуждии поядают, и опусте низвращена от людей чуждых (Ис. 1, 4-7).

Огонь очистительных страданий зажегся и в Великой Чудотворной Лавре Печерской. Вместе с несчастным, заблудшим народом страдала Церковь Христова, страдала за народ.

«Страдания Христа продолжаютя в страданиях Церкви Христовой». — говорит в эти страшные дни (1906 год) будущий митрополит Киевский Владимир, священномученик. И Христос не оставил людей своих, но даровал крепость, веру, мужество нести этот крест, так что Церковь Христова засияла еще ярче, еще отчетливее начертались ее святые истины, еще более прославлялся Христос в верных рабах своих. Эти годы были для христиан временем испытания твердости веры, ибо открылись помышления сердец человеческих, и многие, образ имущие благочестия, явились в стане Христовых распинателей.

И ныне мы, рассеянное и немощное семя христианское, собравшиеся на едва держащийся на водах всемирного потопа зла корабль воинствующей Церкви Христовой, отверзем уши свои, внимая гласу Божию:

Измыйтеся и чисти будите, отымите лукавства от души ваших пред очима Моима, престаните от лукавств ваших. Научитесь добро творити, взыщете суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдате вдовицу. И приидите, и истязежся, глаголет Господь: и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю. И аще хотите, и послушаете Мене, благая земли снесите; Аще же не хотите, ниже послушаете Мене, меч вы пояст; уста бо Господня глаголаша сия (Ис. 1, 16-20).

Дарованное нам, по молитвам святых новомучеников и страстотерпцев, время покаяния используем с благодарением и страхом Божиим для осмысления происшедшего и происходящего ныне, для бодрствования и дел спасения. *Бдите и молитесь, да не внидите в напасть... близ есть, при дверех (Мф. 24, 33)*, — всегда взывают и к нам слова святого Евангелия. *Во онъ же час не мните, Сын Человеческий приидет...*

Камни и уцелевшие стены святой Лавры Печерской — свидетели воздыханий, слез, скорбей и подвигов Печерских подвижников, по их молитвам, пусть согреют наши мрачные и хладные сердца любовью к Великой обители Пресвятой Богородицы, любовью к Богу и Святой Церкви.

Взирая на краткость и переменчивость, ничтожность нашей земной жизни, *предадим души свои Христу, делая добро*, и если *страждем по воле Божией* (см. 1 Петр. 4:19), борясь с грехом, то утешают нас сладчайшие слова: *побеждаяй не имать вредитися от смерти вторья... и дам сести со Мною на престоле Моем...* (Откр. 3: 21).

Состоя в течение ряда лет (1919-1923) юрисконсультom Киево-Печерской Лавры и проживая в ней, я хотел поделиться с читателями тем, что осталось в моей памяти об этой величайшей святыне православного мира.

1. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

По своему топографическому положению Лавра делилась на четыре части¹. Такое деление соответствовало ее историческому росту. Самая древняя ее часть, расположенная, как и вторая — Ближние Пещеры, ниже двух других, почти у Днепра, известна под названием Дальних Пещер. Она действительно отстояла от новой Лавры на расстоянии около километра пути. Второй, по времени возникновения, частью являлись Ближние Пещеры. Затем была воздвигнута Лавра (в узком смысле этого слова), или новая Лавра, с Великой Успенской церковью и колокольной. Наконец, была построена гостиница. Она составляет четвертую часть монастыря. Позднее две части Лавры, или Пещеры, стали называться Нижней Лаврой, в отличие от расположенной выше новой Лавры, которая приобрела название Верхней Лавры.

Известное всем предание гласит, что около тысячи лет тому назад (1051 г.) на живописном берегу Днепра, среди дремучих лесов, на том месте, где сейчас расположены Дальние Пещеры, поселились великие основатели монастыря: преподобный Антоний², а затем и преподобный Феодосий. Для характеристики дикой природы, которая окружала в то время те места, приведу следующее сказание. Сравнительно недалеко от Пещер возникло «село» Берестово с храмом Спаса на Берестове — летняя резиденция князя Владимира святого. Летопись говорит, что это село отстояло от Киева в трех верстах, окруженное болотами и непроходимыми лесами, в которых водились дикие звери и скрывались разбойники. По этой причине прямая дорога (нынешняя Цитадель-улица) была настолько затруднительна для проезда, что князь предпочитал идти со своей дружиной кружным путем, через нынешнюю Демиевку, где, по преданию, останавливался на ночлег. В настоящее время храм Спаса на Берестове непосредственно примыкает к Экономическим воротам Лавры. Сравнительно недавно там производились с большим успехом раскопки. Храм и до сих пор сохранился прекрасно.

С восточной стороны Лавра граничила с обрывами, крутыми спусками к Днепру, с севера же примыкала к городу, вернее, к окраинам города Киева. Слово «Цитадель», — название улицы, на которой стояла Лавра, — как известно, означает крепость; и правда, эту улицу пересекал большой вал, который был сооружен для защиты Киева. Перед валом расположен глубокий ров, который, по преданию, в случае нападения врагов наполнялся водой. Улица Цитадель переходит в Никольскую улицу, которая ведет вниз, к центру города, а дальше, еще ниже, — к Подолу, части города, которая живописно расположилась, действительно, как бы подолом у Великого Киева. В древнее время город (укрепленное место) занимал лишь небольшую часть нынешнего Киева, именно, пространство, лежащее около древнего Софийского собора. С одной стороны этот «град» был ограничен Золотыми Воротами (руины их сохранились и до сего времени), Большой Подвальной и Малой Подвальной улицами, а с другой стороны — Андреевским собором, Владимирской горкой и обрывами, ведущими к Днепру и Подолу. Все остальные части нынешнего Киева представляют собой или позднейшие постройки, или соседние поселения, которые при разрастании города слились с ним; именно такими были Лавра, «село» Берестово, село Демиевка и др.

Слава о святой жизни преподобных Антония и Феодосия быстро распространилась далеко за пределы города Киева. К ним стали стекаться как богомольцы, так и братия, желающая подвизаться вместе с великими святыми. Так как жилище преподобных состояло из пещер, вырытых ими в горах, то новые члены монастыря рыли себе под земные жилища дальше. Таким образом поселилось около

¹ Рассказываю в прошедшем времени, так как сейчас Лавра разрушена.

² Преподобный Антоний происходил из города Любеча. Он пришел в Киев уже монахом с Афона.

30 монашествующих. Образовался сложный подземный лабиринт ходов и келий. В земле же были вырыты три церкви и трапезная. Росло число подвижников. По благословению преподобных несколько дальше от Днепра и ближе к нынешней верхней Лавре под землей был основан новый монастырь, получивший название Ближних Пещер. И здесь быстро выросла целая сложная система коридоров и подземных келий. Были вырыты также три церкви и трапезная. Значительно позже возникла Верхняя Лавра с Великой Успенской церковью и лаврской колокольной. Во времена гетмана И. Мазепы Лавра была обнесена крепкой стеной. Кроме того, Верхняя Лавра была отделена стеной от Нижней Лавры и гостиницы, а Пещеры — от гостиницы. Со стороны Днепра и юго-западной границы стены были снабжены бойницами и не раз спасали монастырь от нападений. Гетман И. Мазепа проявлял заботу о Лавре. Его стараниями построены многие монастырские здания, так что в Лавре установился даже определенный «мазепинский» стиль архитектуры — стиль украинского барокко. Лавра чтит этого гетмана и молилась за него. Великая киевская Лавра всегда занимала центральное место или одно из центральных мест во всей истории, жизни и системе русского иночества. Прежде всего она была матерью монастырей древнего периода русской истории, Киевской Руси. Позже она была оплотом Православия и очагом подвижничества в эпоху литовского и затем польского владычества на берегах Днепра. Наконец, с освобождением от иноверного ига, Киево-Печерская Лавра вновь достигла высокого духовного процветания. Таинственные нити связывают ее с возрождением иноческого делания и подвигов в России XIX в. Особенно известным Печерским подвижником XVIII в. был знаменитый старец Досифей, который около 30 лет провел в строгом затворе и преставился в 1776 г. Именно он указал преп. Серафиму, пришедшему 20-летним паломником в Киево-Печерскую Лавру, спасительный путь в Саровскую пустынь. Он же преподавал будущему знаменитому старцу Паисию Величковскому совет уйти в Молдавию к старцу Керкульского скита Василию и там посвятить себя монашеской жизни. Через несколько десятков лет Досифей, пребывая в самых суровых подвигах в своей темной пещере, направил к Паисию Феофана, ставшего впоследствии затворником Соловецким, преставившимся в 1819 году. Из этих многозначительных данных видно, каким средоточием всероссийской духовной жизни был старец Досифей, великий сын и представитель Киево-Печерской Лавры. Он оставил в пещерах киевских после себя достойных продолжателей своего подвига. Его учеником был известный схимонах Михаил, скончавшийся в 1815 г. Его духом был проникнут также схииеромонах Вассиан, которого особенно почитал император Александр I, имевший с ним в 1816 г. продолжительную беседу.

Не меньшей духовной высоты, чем Досифей, достиг во второй половине XIX в. другой великий подвижник Киево-Печерской Лавры, схииеромонах Парфений (1790-1855), завещавший своим ученикам и последователям в качестве единственной христианской добродетели постоянную молитву. В 1898 г. Лавра опубликовала его жизнеописание, «Сказание о жизни и подвигах старца Киево-Печерской Лавры иеромонаха Парфения». В этом сказании говорится о чудных видениях, которых удостоился этот подвижник. В одном из них старцу предстала Богоматерь и на его вопрошение, в чем состоит заповедь схимонаха, он получил ответ: «Беспременно молиться за весь мир». Но иноческие добродетели процветали в Печерском монастыре и после Парфения, ими украшена история Лавры и в начале XX в. Многие схимники по-прежнему спасались и в Дальних, и в Ближних Пещерах, и неудивительно, что Лаврой была перед первой мировой войной переиздана знаменитая книга старца Илариона «На горах Кавказа», ставшая столь известной в истории русского монастырского мистицизма.

[Верхняя Лавра. Святые врата]

Начнем наше краткое описание монастыря с Верхней Лавры. Центральным входом в Лавру являлись Святые врата. Они несколько углублялись в стене Лавры со стороны улицы Цитадель (№ 9-11), образуя в стене как бы каре. По боковым стенам этого каре были изображены все святы Лавры: справа — Дальних Пещер, а слева — Ближних. В прежнее время через Святые ворота разрешалось

проходить лишь князьям и высшему духовному начальству. Для прочих же, в особенности для мирян, по обеим сторонам врат были устроены калитки, в последнее время не сохранившиеся; осталась лишь традиция при проходе через Святые врата снимать головные уборы. В нише Святых врат постоянно дежурил монах с кропилом и святой водой. Богомольцы, входя в Лавру, прикладывались к стоявшей на аналое иконе и их окропляли святой водой. Над Святыми вратами расположена стариннейшая Свято-Троицкая церковь с изумительными фресками. Они поражают зрителя своими красками и яркостью образов. У меня перед глазами до сих пор стоит нарисованная на стене храма картина, изображающая изгнание Христом торгующих из храма. Было как-то необычно, странно видеть в древнем храме среди поблекших тонов такие выразительные, яркие, динамичные и красочные изображения. В этой, как и в других церквях Лавры, по стенам были установлены так называемые «формы», то есть специальные перила со спинкой и откидывающимся сидением. Таким образом можно было сидеть и стоять, не выходя из «формы». Многие подвижники, схимники, так и проводили всю свою жизнь, не ложась. Помню, как, проходя по Великой церкви, я с трепетом увидел схимника Вассиана, который после службы продолжал оставаться в «форме»: глубокий старик стоял в схимническом облачении. Из-под куколя блестели глаза, над которыми нависали густые седые брови. Его вид при вечернем освещении был особенно суровым, возвышенным. Так иноки строгой жизни проводили свои дни в молитве и размышлениях.

В правой арке Святых врат были расположены две крохотные кельи вратарей. Это, действительно, древние кельи: толщина стен их была более метра, а вся площадь каждой не превышала четырех квадратных метров.

На обязанности вратарей лежало поочередное дежурство у врат, а при отсутствии «кропильщика» — и окропление верующих святой водой. На моей памяти вратарями были монах Иллирик и послушник Дмитрий. Оба они бесконечно любили Лавру и с громадным рвением и трудолюбием выполняли свое тяжелое послушание по охране Лавры. По своей должности они подчинялись благочинному и, кроме основного послушания, несли еще и дополнительное в виде разнообразных его поручений. Здесь я упомянул слово «послушание». Следует отметить, что одной из основных добродетелей монастырского жития и устава во все времена являлось именно послушание, то есть полное, беспрекословное и безропотное повиновение начальству, точное выполнение воли его и в первую очередь воли своего старца.

[Лаврский двор. Благочиннические и еkkлесиаршие келии]

Святые врата вели на широкий лаврский двор. По обеим сторонам его были расположены стариннейшие корпуса Лавры; один из них носил название благочиннического, а другой — еkkлесиаршего, по той причине, что возглавляющие их кельи в одном — принадлежали благочинному, а в другом — еkkлесиарху. Если кельи вратарей поражали своей теснотой и убогостью, то кельи в названных корпусах, наоборот, отличались простором и удобством. Эти корпуса были построены фундаментально. Толщина наружных стен доходила до одного метра. Каждая келья состояла из нескольких комнат. При ней были расположены келейничкая, то есть помещение для келейника, стеклянная терраса, выходящая в сад, который носил название «задворка», несколько передних, ванная, кладовые, погреб и надворные постройки. В стенах такой богатой кельи было устроено несколько (4-5) весьма удобных шкафчиков.

По преданию, наименование упомянутых садиков «задворками» вполне оправдывалось их первоначальным назначением в прошлом, так как эти небольшие, отгороженные забором пространства в то время представляли собой не сад, а именно хозяйственные дворики для проживающих в кельях монахов. Невольно возникает вопрос, почему в двух шагах от убогой кельи вратарей размещаются столь богатые покои, которые предназначены для монахов и также претендуют на скромное название «кельи»? Ответ на этот вопрос мы находим в одном из преданий, которое рассказывает, что в давнее время эти кельи предназначались для сосланных и принудительно

постриженных опальных князей, бояр и других именитых людей. Одевая монашеский клобук и рясу по принуждению, они в значительной степени не оставляли и в монастыре своего широкого образа жизни. Во всяком случае в обустройстве этих келий отразились их требования и привычки в миру. Летом в таком старинном здании жить было прекрасно, прохладно, но зато в зимнее время — невероятно холодно. Мне пришлось несколько лет, будучи лаврским юрисконсультom, жить в такой келье. Обыкновенно зимой я ограничивал свои апартаменты самой маленькой комнаткой. Натопить огромные печи не представлялось возможным: для того чтобы в келье стало тепло, в такую печь, по свидетельству монахов, нужно было положить зараз, по крайней мере, целый воз дров.

На стенах в келейничкой у меня были иконы Нерукотворенного Спаса и Богоматери старинной живописи. Келья была темная, стены массивные, со стальными сводами. В то время как толщина наружных стен доходила до одного метра, а внутренних — до 3/4, в верхней точке потолка прокладка была лишь в один кирпич. Когда случилась бомбардировка Лавры и я в своих «казематах» чувствовал себя, казалось, в полной безопасности, неожиданно ко мне залетел легкий снаряд, совершенно просто пробив потолок. Толщина стен возбуждала предположения, что в них скрыт клад, золото и т.д. Когда в первые годы советской власти у меня в келье матросы производили обыск, они особенно тщательно простукивали стены, считая, что там несомненно скрыты большие ценности.

Я проживал в благочинническом корпусе. В нем было пять келий, аналогичных моей. С другой стороны лаврского двора за входом в так называемый больничный Никольский монастырь расположился еkkлесиарший корпус. И по своему возрасту, и по своей архитектонике он вполне походил на корпус, в котором жил я. В восточной стороне корпуса находилась келья еkkлесиарха, а затем проходила улица в направлении Экономических ворот, которые были обращены на северо-восток. С правой стороны этой улицы был расположен так называемый экономический корпус, более новый по постройке и стилю, чем вышеупомянутые корпуса. С одной стороны его, в направлении Великой церкви, находилось крыльцо и вход в канцелярию Духовного Собора Лавры. К западу от экономического корпуса были расположены хозяйственные постройки: кузница, слесарная, склады, конюшня и т.д. Впрочем, главные конюшни Лавры размещались несколько поодаль от монастыря по Никольской улице, именно там находился лаврский конюшенный двор.

[Здания просфорни и типографии]

Почти вплотную к Духовному Собору примыкало здание лаврской пекарни и просфорни, построенных по последнему слову современной им техники. В верхних этажах здания пекарни были размещены жилые кельи для рабочих и прочего обслуживающего пекарню персонала. В годы, когда с топливом было туго, эти помещения были особенно удобны, так как жар из пекарни распространялся по всему дому и в кельях пекарей было очень тепло.

Несколько глубже, за зданием пекарни, высилось старинное здание лаврской типографии в стиле украинского барокко. Она являлась самой старой по возрасту типографией в югозападном крае, но была оборудована новейшими машинами, выписанными, главным образом, из Лейпцига. До закрытия Лавры эта типография играла значительную просветительную роль — здесь было выпущено много прекрасных художественных изданий. К востоку зданием лаврской типографии и заканчивался комплекс монастырских построек. Дальше высилась лаврская стена, а за ней крутыми уступами спускался к Днепру берег, покрытый кустарником и травой.

Прямо против Святых ворот из-за густых зеленых каштанов величественно возвышалась Лаврская Великая церковь. К ней от Святых ворот вела прямая, выложенная каменными плитами дорожка. Весь двор был покрыт также камнем, но мелким, наподобие кирпича.

По ассоциации вспоминаю один характерный эпизод. Это было в 1921-1922 гг. Изъятие величайших лаврских ценностей к тому времени уже было закончено. Как-то вечером, часов в десять,

ко мне как юрисконсульту Лавры приехали заведующий киевским коммунальным хозяйством Василий Яковлевич Введенский и прокурор Киевщины Михаил Васильевич Михайлик (впоследствии прокурор УССР, а затем, как и Введенский, расстрелянный). Подобные приемы у меня были не редки. Это делалось с ведома и разрешения лаврского начальства. Благоволение и покровительство сильных мира сего для монастыря было в высшей степени необходимым. Монахи по своему положению не могли принять и угостить высших советских чиновников; это поручали мне. Я не скажу, чтобы это мне доставляло удовольствие. Приходилось играть роль гостеприимного хозяина и одновременно тактично проводить линию защиты интересов монастыря. С другой стороны, светское начальство любило совершать прогулки в Лавру. Помимо того, что сама Лавра как памятник глубокой старины представляла и для властей известный интерес, там они встречали радушный прием и угощение. Так было и на этот раз.

Михайлик, принимавший участие в изъятии церковных ценностей и помнивший с какими неприятностями он встретился при секуляризации, боялся народной мести и потому оставил свою машину метрах в ста от Святых врат Лавры (приблизительно около памятника убиенному митрополиту Владимиру). Гости вышли от меня часов в 12 ночи. В это время Лавра представляла собой изумительную, чарующую картину. Все уже спали, и царил полная, торжественная тишина. Только около Святых врат бодрствовал вратарь отец Дмитрий, чтобы открыть ворота и пропустить гостей. Ярко сияла луна, заливая своим светом золото лаврских куполов. Введенский, по своей природе романтик, очарованный картиной, которая открывалась перед нашими глазами, остановился и сказал: «Ну разве, Михайлик, это место не свято? Подумай, сколько слез, радостей, горя и страданий, надежд и веры несли люди со всех концов необъятной страны за много верст сюда, в Лавру. И все они проходили по этой залитой сейчас лунным сиянием дорожке к этому величественному храму. Хотя мы и не верим в Бога, но, право, это место свято — оно веками освящено лучшими стремлениями человеческого духа...» «Ну-ну, идем скорее! Как бы, чего доброго, не побили», — возразил Михайлик, которому постоянно мерещилось нападение раздраженных изъятием церковных ценностей верующих.

Многие, рассматривая олеографию с изображением лаврского собора, часто не верили ярким зеленым краскам вековых каштанов, которые величественно росли среди лаврского двора. Между тем они были именно такими. Густота их в летнюю пору была настолько велика, что во время облав, которыми сопровождалась всевозможные мобилизации, лаврские послушники, как птицы, с успехом скрывались среди их ветвей. Над Экономическими воротами, подобно Святым вратам, была расположена церковь, однако, и стиль ее, и возраст были много моложе Свято-Троицкой над Святыми вратами. Все движение транспорта в Лавру и из Лавры происходило именно через Экономические ворота, так как — я об этом уже упоминал — через Святые врата могли проходить только пешеходы, и то обнажив голову. Впрочем, большевики еще в период существования Лавры не раз нарушали эту традицию и въезжали в Лавру через Святые врата даже на грузовиках. От этого прекрасные чугунные плиты, которыми был выложен проход в воротах, провалились и его пришлось вымостить простым камнем.

С правой стороны Великой церкви на переднем плане высилась величественная лаврская колокольня. Вся Лавра своим расположением и местоположением представляла изумительную художественную композицию — сочетание богатой природы с искусством архитектора. Вся она со своими златоверхими куполами, дивным сочетанием Великого собора и колокольни на фоне окружающей природы представляла чарующую картину. Она занимала доминирующее положение на правом берегу Днепра. Недаром принято считать, что Лавра занимает самое высокое место в Киеве. Если учесть, что высота лаврской колокольни равнялась более чем сорока пяти сажням, можно себе представить, какие живописные виды открывались с этой точки. С третьего этажа колокольни разворачивалась фантастическая панорама на много километров вокруг. Все предметы, самые величественные храмы и другие здания с высоты колокольни казались миниатюрными, адвигающиеся

люди — прямо-таки ползающими букашками. Зато просторы раздвигались необъятные, а воздух опьянял своей чистотой и движением. Чем выше мы поднимались, тем шире открывались горизонты и, наконец, сверху видели мы такие предметы, о существовании которых и не подозревали, оставаясь на земле. Вот второй этаж, где мирно и мерно раскачивается исполинский маятник лаврских курантов. На нем, бывало, по двое любили кататься канонархи. Там уже висел царь-колокол, весом в 1600 пудов. Его колоссальный язык обыкновенно начинали раскачивать два дюжих монаха задолго до начала звона. Выше этажом, где расположен механизм курантов и колокольные гаммы курантов, висят остальные колокола. Здесь же находилась маленькая келья дежурного звонаря. Он в течение всей ночной службы оставался на колокольне, прислушиваясь к сигнальному колоколу, который висел у алтаря Великой церкви. В соответствующие моменты службы пономарь из алтаря дергал веревкой за язык колокола. Это было сигналом для звона. В ответ с лаврской колокольни раздавался гул колокола. Звуки, мягкие и ласкающие, лились в мрак ночи, пробуждая в людях святые и чистые чувства. В ночное время несколько раз спускаться по длинной лестнице колокольни, чтобы затем через час-два снова туда подниматься, было нецелесообразно. Ведь в полиелейную службу ночью приходилось звонить трижды: к началу Богослужения, на кафизмы (или полиелей) и на девятую песнь канона.

Находиться на колокольне во время звона с непривычки было очень тяжело. Сила звуковых волн буквально оглушала и следовало открывать рот, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

В подвальном помещении колокольни был расположен свечной склад, а в первом этаже — старинная лаврская библиотека, в которой были ценнейшие памятники: встречались интересные миниатюрные рукописные экземпляры Библии, микроскопическими изящными буквами были нанизаны тоненькие, точно линии, строчки. Кто был мастер, выполнивший такую кропотливую работу? Неужели он не потерял зрения, создав подобный труд? Что руководило им, когда он принимался за него? Быть может, любовь к рукописному искусству, желание послужить Богу, а, может быть, он выполнял данный им обет?

Лаврская колокольня была построена (1731-1745) по плану архитектора Иоганна Шеделя. Замысел рисунка колокольни весьма своеобразен. Она представляет собой высокую башню, увенчанную лукообразным золотым куполом, причем каждый этаж колокольни поддерживается колоннадой, выполненной в особом стиле. Таким образом, в одном этаже мы видим дорические колонны, другой носит отпечаток ионического стиля и, наконец, третий снабжен колоннадой в коринфском стиле. Эта композиция, оригинальная по замыслу, была очень удачно выполнена.

Справа перед Великой церковью под изящным ажурным навесом был устроен артезианский колодезь, который снабжал многочисленных богомольцев прекрасной водой. (В советское время здесь был поставлен киоск с продажей прохладительных напитков.)

Справа от Великой церкви высилась покрытая широким куполом Трапезная церковь. Это постройка в современном церковном стиле. Живопись внутри нее в духе васнецовского рисунка была выполнена проф. И.С. Ижакевичем. В храме доминировали светлые тона, было много воздуха и хорошая акустика. Особенно замечателен был иконостас нежно-розового цвета, сделанный из мрамора в Милане и привезенный с большими трудностями в Киев. Церковь была соединена с трапезной огромной аркой с раздвигающейся стеклянной стеной. По мере надобности эта стена отодвигалась, и тогда из церкви и собственно трапезной получался один огромный зал. Помещение трапезной было расписано в стиле той же васнецовской школы с преобладанием светлых тонов и позолоты. Свет лился через огромные окна. Потолок трапезной поддерживался высокими колоннами, сверкавшими золотом. В трапезной двумя длинными рядами стояли столы и скамьи для братии Лавры. Посередине трапезной находились столы и стулья для соборян и высшей братии, отчего эти столы получили название «соборных». Перед выходом на возвышении стоял аналой. Около него чтец во время трапезы читал соответствующие данному дню Жития Святых. У наружного входа в трапезную висел небольшой

колокол, который созывал братию на трапезу. В старое время монахи, в духе общежития, собирались в трапезную для вкушения пищи дважды в день. Однако по мере того как вопрос питания в Лавре становился все острее, стали готовить лишь обед. С каждым днем и этот обед становился все скромнее. Все же традиция общей братской трапезы сохранилась до последних дней Лавры. Наконец, на обед стали готовить лишь один жиденький борщ. Большинство монахов предпочитали брать его на дом, чтобы затем «подварить», сдоблив его картошкой и «поджаркой», то есть жареным на масле луком. И до последних дней в трапезную собирались на обед несколько монахов. В большинстве своем это были или бедные старцы, которым нечего было «подваривать», или те, кто свято соблюдал общежительные традиции Лавры.

Из трапезной в соседнюю кухню вели двери и специальные окна для подачи пищи. Подавали обед монахи и послушники в больших мисках, а ели из тарелок деревянными и металлическими ложками. В том же здании над кухней проживали повара и прочий монастырский персонал, обслуживавший трапезную и кухню.

К зданию трапезной примыкала митрополичья церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, где на хорах было устроено еще два престола, а под землей в том месте, где стоял главный храм, находилась еще такая же по размерам церковь в честь св. Михаила. В ней служили во время бомбардировок Лавры, так как здесь было сравнительно безопасно. Митрополичья церковь, как показывает и само название, являлась домовою церковью митрополита. В задней стене надземного хода были устроены крытые хоры с проделанными в стене тремя большими окнами. Там митрополит из своих покоев слушал богослужение, а затем благословлял народ. Из митрополичьих покоев в церковь вела широкая лестница, по которой митрополит спускался для совершения богослужения. Митрополичьи покои были отделены небольшим проходом от дома наместника и здания библиотеки имени митрополита Флавиана.

Главное место на лаврском дворе, в самом центре занимала величественно высившаяся Великая церковь во имя Успения Богоматери.

Начало этой церкви было положено преподобными Антонием и Феодосием, основателями Печерского монастыря. На этом основании в 1073-1089 гг. была построена при игумене Стефане каменная церковь, освященная киевским митрополитом Иоанном. Это древнейшее здание храма было разрушено при татарском погроме в 1240 г. Второе каменное здание Великой Успенской церкви было воздвигнуто при литовском наместнике князе Симеоне Александровиче в 1470 г.

После нового запустения Великая церковь обновлена в половине XVI в. и затем, в последний раз, после страшного пожара всей Лавры в 1716 г., она была восстановлена в 1729 г. при киевском архиепископе Варлааме Вонатовском и архимандрите, настоятеле Лавры, Иоанникии Сенютовиче. После того производились только перекрытия и покраски куполов и глав. В этом своем окончательном виде Великая церковь представляла собой великолепный художественный памятник в величественном стиле украинского барокко. Она имела семь глав с куполами, средний из которых (до креста 22 сажени в высоту) вместе с главою был покрыт позолотой, а прочие купола — листовым червонным золотом. Внутри Великой церкви, кроме главного алтаря Успения, было 9 приделов — 5 внизу и 4 на хорах. Из придела святого апостола Стефана ход вел вниз, в усыпальницу, где было в течение столетий погребено много князей, гетманов, воевод, вельмож и епископов. Величайшей святыней Великой церкви и всей Лавры почиталась чудотворная икона Успения, древнегреческого письма, с изображением почившей на одре Божией Матери, Спасителя, держащего в пеленах душу Матери, апостолов Петра и Павла и двух ангелов по сторонам главы Спасителя. Украшение этой главной иконы Лавры было настолько же великолепным, как горяча была любовь к ней верующих. Она вся, кроме лиц и рук, была покрыта ризой из чистого золота, венцы на Спасителе и Божией Матери были унизаны крупными бриллиантами, а изображение одра окружено большими алмазами. Бриллианты и крупные

яхонты были также наложены и по краям иконы, вставленной в большой позолоченный круг также с изображениями, усыпанными бриллиантами. Икона находилась над царскими воротами, перед ней всегда горела неугасимая лампада. Чтобы дать возможность богомольцам приложиться, икону вместе с окружающим ее звездным кругом опускали на шелковых шнурах вниз, а затем вновь поднимали на свое место.

Иконостас Великой церкви, пятирусный, состоял из большого количества икон разновременного происхождения, многие из которых были покрыты позолоченными ризами с драгоценными камнями, и только верхние иконы были украшены серебряными венцами. Некоторые из икон нижнего яруса имели, по своему происхождению в иконостасе, особое историческое значение, как, например, икона благословляющего Спасителя под золотой ризой с венцом из 25 бриллиантов, которую Екатерина II вручила князю Г.А. Потемкину при его отъезде в 1788 г. на театр военных действий с турками. Царские врата, серебряные под позолотой, были сооружены в 1713 г. Таким же великолепием блистали престол и жертвенник в алтаре, главное паникадило, а также серебряные раки — главы князя Владимира Святого, святителя Михаила, первого, по преданию, митрополита Киевского, и преподобного Феодосия. В Великой церкви находились, кроме того, многие саркофаги знаменитых исторических деятелей, в частности, князя Константина Острожского, борца за православие и покровителя Лавры, скончавшегося в 1533 г. Тут же был погребен фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский, архимандрит Печерский Иннокентий Гизель и др., а в притворе — княгиня Наталия Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Б.П. Шереметева. С отдельным входом, ведущим со двора, к собору примыкала древняя Иоанновская церковь, поражающая прекрасным старинным резным золоченым иконостасом. Она находилась в одном здании с собором под одним кровом, но была изолирована от него стеной. Она также называлась приделом Великой церкви, хотя, по-видимому, возникла независимо от собора. В этом еще больше убеждал внешний вид наружной алтарной стены ее, которая выходила в левый придел Великой церкви. Да и в смысле стиля она представляла собой нечто совершенно своеобразное и оригинальное.

За Трапезной церковью была расположена площадка, на которой стояла лаврская «живописная», то есть живописная мастерская. Под ней были расположены лаврские погреба глубиной в пять этажей, где хранились всю зиму лаврские соленья, квашеная капуста, огурцы и т.д. С этой площадки открывался чарующий вид на Дальние и Ближние пещеры Лавры, виднелись все стены Лавры, а за ними сверкал Днепр и расстилалось Заднепровье, уходящее на много километров вдаль. В темные теплые майские душистые ночи здесь особенно обворожительно пели соловьи. Екклесиарх Димитриан, большой знаток их пения, объяснял мне его сложную гармонию. Оказывается, среди этих «композиторов» и «певцов» были настоящие мастера дела и те, что мы называем ремесленниками. Последние пели довольно однообразно, точно повторяли: «фи-липп, фи-липп...» Настоящие же солисты выводили свои непередаваемые трели и выполняли столь сложную гармонию звуков, что трудно было уловить вьющуюся нить мелодии.

За алтарной стеной Великой церкви — спуск к Пещерам. Внизу перед выходом из Верхней Лавры справа был расположен самый большой лаврский книжный и иконный магазин, а затем здание прекрасно оборудованных электрической и телефонной станций. Рядом высился корпус для обслуживающего персонала. Недалеко разместилось здание лаврской фотографии.

Выйдя из стен Верхней Лавры, попадали на дорогу, ведущую к лаврской гостинице и на Пещеры. Это, так сказать, большая проезжая дорога (род улицы, хотя я не помню, чтобы в прежние время кто-либо по ней ездил), так как на Пещеры вел и другой, кратчайший путь. Приятнее было пройтись живописными дорожками через монастырские сады или крытыми галереями, о которых речь будет впереди. Против входа, ведущего в Верхнюю Лавру и запиравшегося на ночь железными

кованными воротами, были расположены ларек для продажи просфор и хлеба и двухэтажный дом, в котором помещалась иконная лавка. Вход в гостиницу на ночь также запирался большими воротами.

Ближние Пещеры представляли собой увенчанный золотым куполом храм Воздвижения Честного Креста (построен в 1700 г.) с расположенными вокруг него братскими корпусами. Большинство из них имело два этажа, были новой постройки с коридорной системой и кельями в одну-две комнаты. Отдельно нависал над обрывами домик блюстителя Пещер. Здесь же была устроена домовая церковь. Рядом со входом в главную церковь Пещер находился вход в Пещеры и в три древние подземные церкви.

На Дальних Пещерах, носивших имя преподобного Феодосия, возвышалась церковь Рождества Богородицы, построенная в современном виде на месте сменявших друг друга деревянных церквей в 1696 г. с колокольной, а к северо-востоку от нее — теплая церковь Святой Анны, тоже старинная по своему началу и освященная, после многих переделок, в 1811 г. Рядом с ней помещались кельи блюстителя Пещер и братские корпуса.

Ближние Пещеры соединялись с Дальними Пещерами мощеной проезжей дорогой, однако и здесь была устроена крытая деревянная галерея, а также удобная каменная дорожка. Обе они проходили через заросшие лаврские сады и парки. Это было одно из наиболее прекрасных мест Лавры. Собственно говоря, вся Нижняя Лавра, то есть Пещеры, утопала в садах, разведенных заботливой рукой какого-нибудь монаха. В летние дни в воздухе кружились и жужжали пчелы с монастырских пасек. Недалеко блистал своими струями Днепр. Воздух был напоен благоуханием цветов, к которому присоединялся какой-то особый почти материально ощутимый аромат покоя, тишины и благостной сосредоточенности...

В Ближних Пещерах, связанных по преимуществу с именем преподобного Антония, был погребен и сам основатель Печерского монастыря, но мощи его никогда не были открыты. Тут же почивали мощи преподобного Варлаама, первого игумена Печерского, Никона Великого, четвертого Печерского игумена (+1088 г.), святителя Ефрема, епископа Переяславского (с 1089 г.), преподобного Алипия иконописца, Моисея Угрина, Поликарпа, архимандрита Печерского, и многих других, всего до 80 святых, из них 71 открыто почивающих и 9 в затворе. В Дальних Пещерах погребены 46 святых, из них 33 почивающих открыто и 13 в затворе. Из них большинство древних святых, не описанных в Киево-Печерском патерике, мало известны исторически, а только по имени и по краткому обозначению их сана или подвига.

На Дальних Пещерах или, вернее, в долине между Ближними и Дальними Пещерами, у самой лаврской стены находились два колодца, которые, по преданию, были вырыты руками самих основателей Лавры. Поэтому один из них назывался колодцем преподобного Антония, а другой — преподобного Феодосия. В большие праздники сюда из Лавры приходил торжественный крестный ход. Здесь происходило освящение воды. Вода в этих колодцах была необыкновенно чистая, и народная молва приписывала ей целебную силу. Не знаю почему, верующие имели обыкновение бросать в эти колодцы металлические монеты. В прежнее время около колодцев в тени высоких густых старых деревьев всегда можно было видеть пеструю толпу богомольцев. Зато в последнее время здесь царили тишина и покой. Богомольцев уже не было, а проезжая дорога лежала далеко.

Пещеры, которые носят название Ближних и Дальних, далеко не единственные в Лавре. Так, например, от Пещер ответвляются подземные ходы, которые нуждаются в исследовании. Как-то раз утром мне сообщили, что в течение трех ночей в Лавре производят осмотры агенты НКВД, так как найдены какие-то тайные планы, указывающие на подземные ходы, ведущие из внутренней стены митрополичьего дома и спускающиеся под Лавру. В данном случае обнаружить ничего не удалось, но, конечно, много, много тайн еще хранит в себе Лавра, в которые не проникло человеческое око. Много пережила она за свой древний век и много видела в течение своей долгой жизни.

У древнего Пскова стоит старинный монастырь, который носит родственное Киево-Печерской Лавре наименование, именно, он зовется Псково-Печерским монастырем. Когда монах водит вас по пещерам, по своей архитектонике весьма похожим на пещеры Киево-Печерской Лавры, то, наконец, доводит до места, где проход до крайности суживается и упирается в установленную большую икону. Здесь проводник останавливается и многозначительно заявляет: «По преданию, этот ход ведет в пещеры Киево-Печерской Лавры». Конечно, это — фантазия, однако, говорят, что и здесь подземные ходы еще недостаточно изучены. Мы знаем, что сравнительно недавно вблизи Киева в густом заросшем лесу совершенно случайно был обнаружен подземный ход, который после раскопок привел в сложный лабиринт монастырских Пещер. Полагают, что в древнее время на этом месте существовал монастырь, тоже основанный преподобными Антонием и Феодосием.

Лаврские Пещеры заслужили всемирную славу. Построенные тысячу лет тому назад, они первоначально служили жилищем первых иноков. Пещеры прекрасно сохранились. Позднейшие поколения монахов, желая оградить Пещеры от разрушения, облицевали их стены, а пол покрыли железными плитами. Однако это произошло сравнительно недавно. Наконец, совсем в последнее время, уже при советской власти, Пещеры были электрифицированы, отчего сильно пострадала их романтика. Обычай прежних отшельников, подвижников поселяться в вырытых пещерах известен издавна. Земля давала подвижникам уединение, тишину, освобождала их от мирского окружения и вместе с тем еще при жизни подготавливала к смерти: «Земля еси, и в землю отыдеши...» Кроме нескольких примеров, приведенных выше, могу указать на пещеры, вырытые неподалеку от лаврской пустыни Китаево в горе Китай подвижницей Досифей-девицей. Эти пещеры можно наблюдать в полной неприкосновенности. Они не облицованы и даже как следует не раскопаны.

Обыкновенно Пещеры рыли без определенного плана и по тому они не отличаются симметрией или какой-либо заранее продуманной системой. Рыли их постепенно, по мере поступления в подземный монастырь новых монахов. Расположены они были также не на одном уровне: в некоторых местах они опускались вниз, а в некоторых — вели наверх. В общем, они находились недалеко от поверхности земли, и, конечно, досужей фантазией являлись замечания некоторых проводников по Пещерам, которые, останавливая богомольцев, приглашали прислушаться к шуму днепровских волн, которые якобы текут над Пещерами. Когда во время налетов и бомбардировок мы хотели укрыться в Пещерах, к нашему удивлению нас предупредили, что Пещеры являются слабой защитой от бомб, так как расположены в земле не так глубоко.

Из-за разного уровня поверхности Пещер в некоторых местах ходы приобретали сильные уклоны, а в некоторых местах были даже устроены лестницы. Вследствие обилия подземных ходов, а также из-за отсутствия правильной системы, ориентироваться в них было трудно. Когда я отставал от богомольцев (которые шли с проводником) или пробовал пройти в Пещерах самостоятельно, мне стоило многих трудов и страхов найти правильный выход. К сознанию, что заблудился, примешивалось естественное чувство мистического трепета, который еще усиливался полной темнотой. Поэтому в прежнее время богомольцев сопровождали два монаха: один шел спереди и вел партию, а второй следил сзади, чтобы никто не отстал или не повернул неправильно в какой-либо боковой ход. И монахи, и богомольцы в руках держали зажженные свечи, которые можно было приобрести у входа в Пещеры. Там же дежурили монахи-проводники, которые сопровождали богомольцев, когда собиралась значительная группа. В прежнее время, когда было много богомольцев, желающих помолиться у мощей, в Пещеры спускались сразу несколько групп, которые шли в разных направлениях и иногда встречались под землей. Коридоры были шириной около метра; высота Пещер была также достаточная, так что я при своем высоком росте проходил всюду, не нагибаясь. Около некоторых мощей дежурили так называемые «гробовые», то есть монахи, которые несли стражу у мощей или молились. Среди них было много схимников. Вид этих старцев, облеченных в куколь и мантии с белыми надписями, неожиданно выступавших из мрака, производил сильное впечатление.

По обеим сторонам коридора или, вернее, подземного хода в нишах стояли раки со святыми мощами. В последнее время часть мощей была открыта, и их можно было отчетливо видеть через стекло. Святые были облачены в иноческие мантии. Почивали они с руками, сложенными, как при всяком христианском погребении, накрест. Сами мощи были обернуты в шелковые пелены. Раз в году, именно, в первую неделю Великого поста, ектесиах Лавры совместно с пономарями осматривал мощи, для чего их выносили в вышеупомянутые деревянные галереи³, соединявшие Пещеры между собой и с Верхней Лаврой. Тогда же их переоблачали в новые пелены. Согласно православным воззрениям, факт нетления останков подвижника не является абсолютным свидетельством его святости и основанием для причисления к лику святых. Для канонизации необходимы особые условия, в частности чудотворения. Например, мощи святого Владимира сохранились лишь в виде костей головы. Тем не менее князь Владимир является одним из наиболее чтимых святых Православной Церкви. Между тем, останки святителя Павла Тобольского, почивавшего под левым приделом Великой церкви, сохранились настолько хорошо, что я был поражен, когда мне как-то открыли его лик: он был точно похож на изображение Павла Тобольского, сделанное при его жизни. Правда, как у большинства мощей, телесные покровы были сильно высохшими, однако черты лица можно было узнать легко. Несмотря на очевидное нетление останков, все же святитель Павел Тобольский, хотя и был весьма почитаем, однако не был приобщен к лику святых, и перед его гробом каждый четверг совершались торжественные панихиды.

Как известно, в первые годы существования советской власти по СССР прокатилась волна «вскрытия мощей». Это «вскрытие» носило подчас форму резкого и грубого издевательства над чувствами верующего человека. Конечно, и Лавра не могла избежать общей участи. Правда, к этому акту в отношении Лавры подходили весьма осторожно, так как известно было, что лаврские мощи очень хорошо сохранились, да и слава о них была слишком велика. Сначала была проведена «подготовка» к вскрытию мощей в виде обработки общественного мнения. В местной советской прессе появились статьи с требованиями уничтожения мощей, вроде «Треба знищити святих небіжчиків» и т.д. Потом был произведен осмотр, и мощи перешли в ведение антирелигиозного музея. По замыслу безбожников в Лавре была создана «фабрика мощей», которая во всех путеводителях стала фигурировать как образец обмана монахами широких кругов населения. Народ знал, что это не соответствует действительности и что подобная «фабрика» является лишь недобросовестным изобретением антирелигиозной пропаганды, однако «фабрика» продолжала существовать и демонстрировалась экскурсантам. Там были созданы всевозможные «приспособления» для «фабрикации мощей» и т.д. Пещеры осветили электричеством и стали за особую дополнительную плату к билету на вход в антирелигиозный музей показывать их посетителям. По этому поводу происходили неприятные для экскурсоводов разговоры с посетителями. Не раз, после горячей антирелигиозной пропаганды гидов, которой они пытались убедить народ, что основной функцией монахов было выкачать от населения побольше денег, кто-нибудь залавал вопрос: «А брали ли монахи за вход в Пещеры обязательную плату, как делаете вы?» На это сконфуженный экскурсовод принужден был отвечать отрицательно. Вообще состав этих экскурсоводов не отличался интеллигентностью и настоящим знанием прошлого Лавры. Как-то раз приехала родственница известного Наркомпроса РСФСР А.В. Луначарского София Николаевна Луначарская, весьма умная и серьезная женщина, коммунистка. Мы пошли осматривать Лавру, а затем присоединились к группе посетителей, направлявшихся в Пещеры, которую сопровождал один из экскурсоводов. Он употреблял чрезвычайные усилия, чтобы провести свои объяснения в духе антирелигиозной пропаганды. Однако, будучи бескультурным, делал это грубо, оскорбляя святыню и искажая факты. Среди экскурсантов было много верующих, которые приходили в Пещеры не из любопытства, а ради молитвы. Услышав подобные «пояснения», С.Н. Луначарская была глубоко возмущена и сейчас же

---

³ Эти галереи при большом наплыве богомольцев служили также приютом для них на ночь.

заявила об этом начальству музея. В результате несколько подобных экскурсоводов были сняты с работы.

В ряде случаев святые были погребены в пещерах-кельях, в которых они жили. Так было с затворниками. Проходя по пещерным коридорам, можно видеть по обеим сторонам маленькие оконца, ведущие в крохотные пещеры. Над оконцем надпись: «Затворник имя рек». Здесь в течение многих лет, не выходя из своей пещеры, спасался этот затворник. Связь с внешним миром ограничивалась этим маленьким окошечком: через него ежедневно затворнику подавали просфору и ковш воды. О его смерти узнавали, когда поданная пища оставалась нетронутой. Нужно заметить, что и над каждым гробом преподобного висела надпись с указанием имени святого, его послушания и звания. Например: врач, просфорник, канонарх, молчальник, князь и т.д. Среди множества угодников на Ближних Пещерах покоятся останки преподобного Нестора Летописца. Над его гробом старанием Российского Исторического Общества сооружена мемориальная доска. Встречались и не лаврские святые, даже, например, часть останков одного вифлиемского младенца (перенесенная в Лавру в 1620 г. Иерусалимским патриархом Феофаном).

Как в Дальних, так и в Ближних Пещерах под землей находились древние миниатюрные храмы, а также кельи преподобных Антония и Феодосия и трапезные для братии.

В прежнее время в Пещерах совершались ранние литургии ежедневно, во время же немецкой оккупации — только по воскресеньям. При входе в Пещеры покупаешь просфору и затем по темным переходам идешь в церковь. Направление пути указывает доносящееся из-под земли пение. Вот замелькали огоньки свеч. Это из темноты выступил храм. Пробираешься сквозь толпу богомольцев, которые, не уместившись в церковке, стоят в темных проходах, в смежной келье, и проходишь в алтарь. Там настолько тесно, что священнослужители, передвигаясь, должны соблюдать сугубую осторожность, чтобы не задеть ризами священных сосудов. Пение, окружающая обстановка, ризы — все очень скромно. Служба быстро заканчивается, так как поет не хор, а несколько монахов и им подпевают богомольцы. Обновленный и радостный выходишь наверх.

По старой традиции на Ближних Пещерах хоронили настоятелей Лавры, иначе говоря, митрополитов, а на Дальних Пещерах — наместников Лавры, архимандритов. Из этого правила, впрочем, делали исключения: именно, с высочайшего соизволения на Дальних Пещерах можно было погребать и светских людей. Конечно, в большинстве случаев это были титулованные, знатные люди. Таким образом на Пещерах выросло кладбище. Расположенное высоко в ограде церкви, обросшее столетними деревьями и украшенное прекрасными надгробными памятниками, иногда в виде усыпальниц и часовен, это кладбище было излюбленным местом для прогулок. В советское время с особого разрешения митрополита здесь же были погребены епископ Димитриан и убиенный архимандрит Николай. Также, как исключение, в Верхней Лавре у северной стороны Трапезной церкви похоронен Петр Аркадьевич Столыпин, в 1911 г. смертельно раненый в киевском оперном театре и в Киеве же скончавшийся. К сожалению, в последние годы прекрасные памятники, мавзолеи с трогательными изречениями из Евангелия подверглись гнусным оскорблениям: памятники разбиты, кресты сброшены, часовни превращены в уборные и т.д. Появились надписи непристойного характера.

Наконец, пришли «любители чужой собственности» и в погоне за ценностями стали разрывать могилы и снимать с трупов золотые кольца, кресты и др.

Пять часов утра... У Святых врат — движение. Собралась толпа богомольцев. Это — ранние молитвенники ожидают открытия Лавры (как правило, на ночные службы Лавра не открывалась). Снимая головные уборы, истово крестясь, в благоговейном молчании они по очереди подходят к иконе, стоящей в нише врат, а затем прежде всего направляются в Великую церковь к этой маленькой чудотворной иконе, с которой у каждого из них связано столько любви, веры и надежд. Икона, висящая над царскими вратами, до литургии (9 часов) спущена вниз. Около нее стоят в мантиях два монаха, которые поддерживают ее, обтирают полотенцами и наблюдают за порядком. Икона укреплена на

прекрасных шелковых голубых лентах. На иконе одета скромная риза, так как драгоценная хранится в ризнице. Под иконой висит множество «привесков», то есть разнообразных драгоценностей, которые верующие приносят в дар, — главным образом, кольца, цепочки, кресты и т.д. Перед иконой скопилось много молящихся. Среди них светские люди, но много и монахов. Среди братии принято монастырский день начинать с молитвы перед этой величайшей святыней.

Великая церковь представляла собой как бы исторический музей. Каждый шаг был связан с воспоминаниями о великих событиях. Вот Игоревская икона Божией Матери. Она висит в правом приделе Великой церкви. По преданию, святой князь Игорь Ольгович был убит, когда со слезами молился перед нею, отчего она и получила свое название. А вот живописная скульптура, изображающая известного защитника православия князя Острожского. Фигура высечена из мрамора и весьма тонкой работы, однако, поза князя и весь замысел изваяния при всей своей художественности не отвечали, не гармонировали с общим настроением, и потому Духовный Собор постановил заставить ее религиозным изображением. Впоследствии, при советской власти, когда Лавра из монастыря была превращена в музей, изваяние было вновь открыто. Вот мраморный бюст-барельеф графа Румянцева-Задунайского. Бюст сооружен, как гласит надпись над барельефом, «от благодарного Росса». Вот рака равноапостольного князя Владимира, просветителя Руси. Вот рака преподобного Феодосия, вот, наконец, эта великая икона, к которой в течение тысячелетия со всех концов России стекались верующие люди, неся к ней свои сокровенные чувства, желания, скорби и слезы.

2. УПРАВЛЕНИЕ ЛАВРОЙ

Киево-Печерский монастырь, основанный преподобными Антонием и Феодосием на строгих началах студийского общежительного устава, в течение веков пользовался правами самоуправления. Братия сама избирала своего настоятеля, каковой первоначально, до половины XII в., именовался игуменом, а с 1159 г., в силу грамоты великого князя Андрея Боголюбского, — архимандритом. Та же грамота предоставляла Печерскому монастырю титул Лавры и права ставропигии, то есть независимости от местных епископов, митрополитов Киевских: он должен был впредь подчиняться только великому князю и патриарху Константинопольскому. Этот титул и права вскоре пришли в упадок вследствие татарского разорения и зависимости от Литвы, но уже польские короли после 1569 г. постепенно возвратили Лавре часть ее старых привилегий, доходов и земельных владений. Титул Лавры и права ставропигии были вновь признаны Иеремией в 90-х годах XVI в. и другими восточными патриархами XVI-XVII вв. После присоединения Киева к России и подчинения Лавры Московской патриархии привилегии Лавры были подтверждены патриархом Иоакимом в 1688 г., и в грамотах она именовалась царской и патриаршей ставропигией, оставаясь независимой от митрополитов Киевских и управляясь выборными настоятелями, архимандритами, которым были присвоены особые преимущества в богослужении.

Императрица Екатерина II, следуя принципам просвещенного абсолютизма, в 1786 г. ликвидировала эту самостоятельность, установив власть митрополитов Киевских как настоятелей и священноархимандритов Киево-Печерской Успенской Лавры. Таким образом, существенное демократическое право лаврской братии выбирать угодного себе настоятеля было заменено принципом назначения. Для непосредственного оперативного управления Лаврой в помощь митрополиту назначался наместник Лавры из числа монастырской братии. Практически власть митрополита распространялась на все важнейшие стороны лаврской жизни: протокол Духовного Собора Лавры без его утверждения не имел силы.

Третьим важным органом управления Лавры был только что названный Духовный Собор Лавры, состоявший из соборных старцев, или соборян. В состав соборян входили монашествующие как по должности, так и по сану. По обыкновению соборными старцами состояли: наместник, эконо-

епископ, благочинный, начальники Ближних и Дальних Пещер, казначей, келарь и правитель дел. В мое время по своему сану и авторитету входили еще типограф о. Филадельф, архимандрит Варсонофий и начальник гостиницы о. Иадор. Для объяснений и консультаций Собор приглашал и других монашествующих лиц. Все управление Лавры делилось на ряд ведомств. Это разграничение проводилось довольно последовательно, так что, например, на решетке ограды, окружавшей главный парк Пещер, красовалась надпись: «Братии других ведомств вход воспрещен».

В ведомство епископа входили все храмы, ризница, пошивочная мастерская, ювелирная, позолотная, свечной завод, колокольная, пономари и т.д. В ведомство эконома, составлявшее большое хозяйственное управление, входили все сельскохозяйственные угодья, сады, леса, скотный двор, конюшни, кузница, столярная и слесарная мастерские и пр. В частности, эконом ведал также ремонтом Лавры. К ведомству келаря относились трапезная, кухня, пекарня, закупочный аппарат, склады и т.д. Лавра потребляла значительные количества продуктов, и снабжение ее населения и многочисленных богомольцев продуктами питания представляло собой далеко не второстепенную функцию хозяйственного управления. Благочинный, кроме своей основной деятельности — наблюдения за благочинием, порядком и благонаравием в Лавре, ведал воспитательной работой среди юных певчих. В его обязанности входили также хозяйственные заботы о них. Его ведению подлежали вратари, а также сохранение выморочного имущества.

Особо стояло ведомство казначей. Правителю дел канцелярии Духовного Собора был подчинен ряд столов канцелярии со столоначальниками во главе, поддерживавшими всевозможную переписку с внешним миром, внутри Лавры и прочее делопроизводство, включая и ведение личных дел. Существовали еще больничное ведомство, типография, ведомство начальника Дальних Пещер, ведомство начальника Ближних Пещер, ведомство начальника Голосеевской пустыни, ведомство начальника Китаевской пустыни, ведомство начальника Преображенской пустыни, ведомство начальника Жукова острова, ведомство гостиницы.

Над этим управлением монастыря возвышалась фигура настоятеля Лавры, митрополита Киевского и Галицкого. По императорскому указу, митрополит получал содержание от Лавры в виде третьей части всех лаврских доходов, или «монастырской кружки», и натуральные обложения в пользу митрополита и его двора и свиты в виде масла, молока, рыбы, овощей и т.д. Правда, у митрополита были и значительные расходы. Так, например, известна широкая благотворительная деятельность митрополита Флавиана, соорудившего на свой счет школу и прекрасную новую библиотеку, получившую название Флавиановской. В огромную сумму выливались и расходы по содержанию штата, по приемам, по представительству митрополита. По его положению было необходимо соответствующим образом принимать и угощать посетителей. Дорого обходились и поездки митрополита по епархии, а также в Петроград, где он состоял постоянным членом Святейшего Синода. Ведь с ним обыкновенно ехала свита, а иногда даже и митрополичий хор.

К дополнительным натуральным расходам Лавры относились содержание и ремонт митрополичьего дома в Лавре, а также его летней резиденции в Голосееве.

Картина митрополичьего выезда была в высшей степени величественной. К крыльцу митрополичьего дома подкатывала карета, запряженная шестериком. Тотчас же собиралась толпа богомольцев. При появлении митрополита на пороге дома раздавался мощный звон во все колокола. Митрополит был облачен в рясу и белый клобук, в одной руке держал посох, а другой благословлял народ. Захлопывалась дверца кареты, красивые кони двигались по широкому лаврскому двору, а колокола все ревели и гудели и не смолкали еще долго, пока карета не скрывалась из вида по направлению города.

Также и при приближении митрополичьего поезда дежурный звонарь давал сигнал и снова все лаврские могучие колокола встречали своего начальника до тех пор, пока он не скрывался в подъезде своего дома.

3. ЛАВРСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Лаврские богослужения доставляли величайшее религиозное и эстетическое наслаждение. Совершались они по особому чину в обстановке древнейшего монастыря в величественных храмах. Великолепны были и звон лаврских колоколов, зовущих на молитву, и дивные, художественные облачения на духовенстве, и гигантские свечи, таинственно освещающие старинные своды, древние иконы, позолоту иконостасов и, наконец, своеобразное обаятельное пение лаврских хоров.

Лавра встречала день молитвой очень рано. В час ночи раздавался благовест, зовущий к утрени. Эта служба продолжалась до половины четвертого. Уже в половине шестого начинались ранние литургии. С девяти часов совершалась поздняя литургия в Великой церкви, которая продолжалась иногда до часу дня. Наконец, в четыре часа в том же соборе и на Пещерах совершалась вечерня, а в других храмах вечерня с утреней. В кануны великих праздников и воскресений в соборе служили всенощную, которая начиналась в шесть часов вечера и кончалась около двенадцати, а то и позже. Каждая деталь этого богослужения гармонировала с прекрасным целым. Такова была уже встреча митрополита. Шесть часов вечера. Завтра воскресенье, и сегодня в Великой церкви Успения Богоматери совершается всенощная митрополичьим служением. От входа в храм и до дверей митрополичьего дома разостланы широкие красные сукна. По ним торжественно шествует для «великой встречи» «со славой» многочисленное духовенство. Вот впереди, непосредственно за жезлоносцем, свещеносцем и крестоносцем медленно, торжественно и важно движется могучая, массивная фигура архидиакона Иоакима. Его громохочущее «Достойно есть» состязается с потрясающим гулом больших лаврских колоколов. Он облачен в золотой кованый стихарь, а богатырская его грудь накрест перепоясана широчайшим красного бархата с золотом орарем. По его сторонам в таких же прекрасных облачениях с дикириями и трикириями шествуют иподиаконы Пантелеимон и Никон — лаврские «соловьи», для которых, казалось, в гамме не существует предельно высоких нот. Сосредоточенно и важно выступают попарно лаврские старцы, члены высшего органа правления Лавры, Духовного Собора, или, как их называли, соборяне: наместник Лавры архимандрит Климент, начальник старейшей на Украине, позже в юго-западном крае (свыше 300 лет) типографии архимандрит Филадельф, казначей Лавры архимандрит Анфим, всегда озабоченный экононом Лавры архимандрит Вонифатий, величавый ектлесиах Лавры архимандрит Димитриан, подвижный и несколько нервный архимандрит Варсонофий, благочинный Лавры архимандрит Алексей, правитель дел иеромонах Аполлос... Вот следуют иеромонахи Моисей, Ипполит, Пахомий и др. Все облачены в черные мантии и клобуки и только у архимандритов на мантиях, в зависимости от их положения, выделяются красные или зеленые «скрижали». Торжественной процессии сопутствует лаврский великоцерковный хор под руководством опытного, бесконечно любящего свое дело и преданного пению уставщика правого клироса архимандрита Флавиана. Величественно разносятся слова Успенского тропаря «В Рождестве девство сохранила еси, во Успении мира не оставила еси, Богородице...» Впереди идут мальчишки-канонархи, с длинными волосами и в подрясниках, а за ними — сонм певчих-монахов и послушников. Народ, уже давно на лаврском дворе ожидавший начала богослужения, обступил красную дорожку ковра, по которой шествует процессия. Через несколько минут эта процессия возвращается, но ее уже возглавляет митрополит Киевский и Галицкий, настоятель Киево-Печерской Лавры. На нем надет белый митрополичий клобук и прекрасная светло-лиловая с белыми полосами шелковая мантия. При его появлении на пороге митрополичьего дома раздается непередаваемый могучий и мелодичный лаврский «красный звон». Это — весь грандиозный оркестр лаврских колоколов приветствует Первосвяителя церкви. Колышутся огромные высокие лаврские восковые свечи (около 25 килограммов каждая), курится фимиам, блестят при свете заходящего солнца ризы, и мелодичная гармония звуков наполняет воздух... Многие плачут, становятся на колени... Ведь для этой молитвы, для этих слез умиления люди часто проходили тысячи

километров. Запыленные, усталые, загорелые, но бодрые духом, они несли в течение длинного, продолжительного и трудного пути в своих сердцах глубокую веру и любовь...

Уже оба клироса стали на свои места по обеим сторонам амвона, уже могучие своеобразные лаврские мелодии разливаются под уходящими ввысь сводами древнейшего храма... Медленно на прекрасных лентах опускается для лобызания митрополита величайшая святыня православного мира, чудотворная икона Божией Матери... Колеблющиеся тени, запах ладана, лампы, свечи⁴, силуэты монахов в мантиях под аккомпанемент чарующего пения настраивают торжественно, возвышенно и сосредоточенно... Столь же торжественным было начало богослужения, когда в волнах фимиама с возженной пудовой свечой белого воска архиерей Иоаким провозглашал свое мощное «Восстаните, Господи благослови», и происходил выход сонма духовенства в клобуках и мантиях во главе с митрополитом и с возженными свечами. Как красочен был выход архиерея с массивным пудовым кованным Евангелием в сопровождении двух иподиаконов и его прокимен, подхватываемый попеременно обоими клиросами! А затем задумчивое, мелодичное Славословие и необыкновенно гармоничное и смелое по своим модуляциям «Святый Боже», которые исполнялись обоими клиросами совместно посередине храма... Этот момент наступал около половины двенадцатого ночи. Все знали о нем по мощному звону лаврского колокола «на девятую песнь».

Кроме упомянутых богослужений в определенные дни недели совершались торжественные панихиды и молебствия. Особенно памятны соборные акафисты перед чудотворной иконой Божией Матери по средам и такие же панихиды перед гробницей святителя Павла Тобольского по четвергам.

Однако самым большим церковным торжеством в Лавре был день Успения Божией Матери 15 августа. К этому дню за многие тысячи километров из Сибири, с Кавказа и из других отдаленных частей России стекались огромные массы богомольцев. Шли поодиночке, шли и организованно, партиями, иногда с крестным ходом во главе со своим духовенством. Шли поклониться чудотворной иконе, неся в своих сердцах радость, а больше скорбь, печаль и слезы, но неизменно — моления, надежды и горячую веру. И все эти чувства заставляли людей в течение месяцев проходить многие километры трудного пути, чтобы затем принять участие в великом торжестве и помолиться вместе с тысячами других. Запыленные, загорелые, но бодрые духом, они располагались в монастырских гостиницах, в упомянутых выше деревянных галереях на Пещерах, а то и просто на открытом воздухе, но всегда в стенах Лавры, чтобы таким образом быть ближе к цели путешествия, дорогой святыне. Но когда Лавра перешла в руки созданной большевиками так называемой Живой церкви и наступил праздник Успения, группы паломников, узнав при приближении к Лавре о совершившихся переменах, останавливались перед обителью, молились на нее и возвращались вспять.

Накануне Успения праздновалась память преподобного Феодосия. Таким образом великое торжество усугублялось. Еще задолго до Успения вся Лавра, а особенно лаврский двор перед собором, представляли собой как бы огромный лагерь людей в разнообразных уборах: здесь были и серые армяки русских крестьян и колоритные наряды украинцев, а особенно украинок, и белые косынки, и цветные платки, и модные дамские шляпы, и офицерские эполеты, и скромный подрясник издалека пришедшего послушника. Среди этого множества выделялись группы монахинь. Обыкновенно они сопровождали приехавшую на богомолье игуменью своего монастыря. Игуменья шла с посохом, на груди у нее висел крест. Все монахини были в рясах и черных «апостольниках», из-под которых, однако, выглядывали праздничные, белого цвета косынки. Море голов колыхалось самыми разнообразными, пестрыми волнами, самыми яркими красками. В воздухе стоял сдержанный, ради святости места, гомон. Звуки сливались как бы в одно гуденье. Однако среди них выделялись своеобразные, обращающие на себя внимание. Это было исполнение слепцами-лирниками старинных

---

⁴ До советского времени в лаврских церквях не горело ни одной электрической лампочки. Церкви освещались исключительно свечами. Впоследствии было проведено электричество, от чего сильно пострадало благолепие вечерних богослужений.

песнопений на библейские темы под аккомпанемент бандур, народных цитр, сопилек, лир, а то и переносных фисгармоний. Встречались большие знатоки старинных мелодий. Их своеобразная спокойная, монотонная, но весьма гармоничная песня, полная трогательного содержания и задушевности, оставалась надолго в памяти. Вот народ толпится около ларька с иконами, духовной литературой. Кто желал сделать покупку в больших размерах, тот направлялся в иконные магазины. Там находил он и ладан, и свечи, и масло, и лампады, и тонкой ювелирной работы крестики из драгоценных металлов, и олеографии видов Лавры, и прекрасные работы лаврской живописной мастерской, и облачения, и плащаницы, и целые иконостасы. Дальше располагались хлебные и просфорные ларьки, откуда несся привлекательный аромат свежесдобитого лаврского хлеба и просфор. Последние продаются начиная с размеров в грецкий орех и кончая колоссальной величиной в несколько фунтов весом.

Часовая стрелка продвигается к шести часам. В ряде лаврских церквей уже происходит торжественное предпраздничное богослужение, однако, в Великой церкви, где должно состояться всенощное бдение, пока тишина. Храм еще с утра набит богомольцами, заранее занявшими места. Все, кто остался на дворе, а таких, естественно, большинство, слушали богослужение и молились под открытым небом. Вот лаврские куранты мелодично проиграли четыре раза гамму, бой часов и вместе с последним звуком их раздался мощный, густой удар большого лаврского колокола. Много эпитетов можно было бы приложить к лаврскому звону: это был бархатный, и мелодичный, и величественный, и необыкновенной силы звон. Он сливался в один непрерывный звук, гул, в котором нельзя было различать отдельных ударов, а слышались лишь волны звуков. Своей могучей музыкой он доставлял неизъяснимое эстетическое удовольствие.

С первым ударом колокола вся масса богомольцев заколыхалась. Кто сидел, встал; пение прекратилось. Все стали набожно креститься. В это же время со стороны Великой церкви по направлению к митрополичьим покоям по широким разостланным красным суконным дорожкам двигалась процессия духовенства для «великой встречи» митрополита. Через несколько минут эта же процессия, но уже возглавляемая митрополитом, прошла обратно. В Великой церкви, среди массы возженных восковых свечей, в клубах душистого афонского фимиама, с поднятым орарем, архидиакон провозглашал свое мощное «Благослови, Высокопреосвященнейший Владыко»... Беспрерывно до часу ночи шла служба, и многочисленный народ в духовном экстазе незаметно для себя простаивал всю службу до конца, и не только те, которым посчастливилось пройти в церковь, но и те, которые стояли во дворе и лишь урывками слышали богослужение. Центральным пунктом служения являлось погребение Божией Матери, которое состояло из чтений и умирительных музыкальных песнопений лаврского распева. Несколько духовных песен выполняли лучшие голоса посредине храма. Все стояли со свечами, паникадила горели множеством огней. При общем пении чудотворную икону опускали с ее места над иконостасом. На ней была налета знаменитая бриллиантовая риза, горящая при блеске свечей множеством искр и огней. Все опускались на колени в горячей молитве. Даже во время кафизмы, когда обыкновенно многие выходят из храма, в этот день никакого движения заметить было нельзя: все стояли сосредоточенно на своих местах. Даже ночью в этот раз жизнь в Лавре не замирала совсем, так как разговоры и пение богомольцев не прекращались до рассвета.

На следующий день утром торжество начиналось рано, в половине шестого, служением литургии в нескольких церквях. Однако, опять-таки, главное торжество начиналось несколько позже. В восемь часов митрополит в сопровождении сонма духовенства и множества народа под могучий звон всех лаврских колоколов совершал крестный ход вокруг лаврской стены. Это было грандиозное и внушительное зрелище. На углах лаврской стены крестный ход останавливался для совершения краткого богослужения и чтения Евангелия. После крестного хода и водоосвящения в Великой церкви совершалась митрополичьим служением поздняя литургия. В это время на широком лаврском дворе, под густыми сводами каштанов расставляли длинные столы и скамьи. Столы покрывали холщевыми

скатертями. Множество богомольцев садились за них. Каждому давали деревянную ложку и большой кусок ароматного лаврского хлеба. Так Лавра, следуя заветам преподобных основателей монастыря, устраивала праздничный обед для всех странников и богомольцев. Эта традиция общей братской трапезы, пришедшая из седых времен, свято соблюдалась братией монастыря даже в самые тяжелые для Лавры годы⁵. Под звон лаврских колоколов в сопровождении сонма духовенства из Великой церкви выходит митрополит. Народ застыл в ожидании. Митрополит благословляет трапезу. Сразу после благословения множество послушников и монахов устремляется из лаврской кухни с большими деревянными мисками, наполненными монастырским борщом, дымящимися на свежем воздухе. Рядами за столом расположились богомольцы. Тени каштанов бросают блики на разнообразные краски платков и одеяний. После длинного молитвенного бдения люди устали и проголодались. Многие говели, соблюдали Успенский пост. С аппетитом вкушался монастырский борщ, за ним в прежнее время следовали рыбный суп и каша.

Гостеприимные монахи угощают и приносят щедрой рукой все новые порции. От чашек исходит ароматный запах рыбы и жареного подсолнечного масла. Митрополит после службы отправляется в свои покои. Обыкновенно в этот день у него собиралась на обед высшая лаврская братия, духовенство и приглашенные светские лица. Позже, когда в Лавре не стало митрополита, в эти праздничные дни обед устраивал наместник Лавры. В лаврской трапезной происходило угощение братии. Торжественно справляла эти праздники Лавра. Еще три дня продолжалось духовное торжество. Постепенно богомольцы расходились по другим монастырям и на поклонение святыням, а кто собирался и домой. Однако долго еще в жизни Лавры чувствовалось праздничное оживление.

Как мы уже упоминали, весьма торжественные службы совершались также в праздники преподобных Антония и Феодосия, на Пасху, Рождество и в двенадцатые праздники. В Лавре почти всегда гостили епископы, и потому торжественное архиерейское богослужение не было редкостью. Благолепию этих молений содействовала стройность богослужений, совершаемых по особому монастырскому чину, великолепные песнопения, горение множества свечей и необыкновенная красота и богатство облачений. Каждому празднику соответствовало облачение особого цвета. Так, в мученические праздники одевалось облачение розового оттенка, в богородичные голубого, в праздники Господни зеленого, в Пасху ярко-красного цвета, иногда красного бархата, иногда красного с позолотой, в Рождество — золотое кованое с серебром.

Можно представить себе разнообразие и богатство лаврской ризницы, если иметь в виду, что комплект для архиерейского служения в Лавре состоял из облачений для митрополита, нескольких епископов, 20-30 священников, 15-20 диаконов, иподиаконов и др. Такое большое количество дорогих облачений требовало надлежащего хранения, ухода и починки. Эти функции входили в ведомство еkkлесиарха Лавры; для реставрации и починки существовали специальные мастерские. Необыкновенно красивы были облачения художественного шитья. Рисунки, тона и весь вид их поражал глаз своей высокой художественностью и нежностью.

Служба на Пасху обыкновенно начиналась в половине двенадцатого ночи. После полунощницы служилась заутреня, которая заканчивалась около трех часов утра. Затем следовал перерыв до восьми часов утра, когда совершалась торжественная поздняя литургия. В других лаврских церквах служили по-разному: в ряде храмов следовали тому же распорядку, а в других литургию совершали сразу после пасхальной заутрени. Между заутреней и литургией было принято не ложиться спать. В этот великий праздник всю ночь бодрствовали. Многие ходили на высокие места любоваться восходом солнца: по древнему преданию, в это святое утро солнце особенно ликует и «играет» на восходе. Непосредственно после окончания литургии братия отправлялась в трапезную, а митрополит угощал высшее духовенство и гостей чаем, а затем, как полагалось, обедом.

---

⁵ Такие общие трапезы устанавливались не только на Успение, но и в дни преподобных Антония и Феодосия.

На Рождество порядок богослужений в Великой церкви оставался тот же: ночная заутреня, а затем после перерыва поздняя литургия. Особой умиленностью отличались богослужения в Лавре в Великом посту. В Прощеное воскресенье (перед началом Великого поста) в Лавре совершался трогательный обряд «прощания». В обед подавались последние блины, заговлялись (у кого было) маслом, творогом и до вечерни отдыхали перед длинным периодом поста, молитвы, строгого воздержания. Как всегда, в четыре часа вечера звонили к вечерне. Служба происходила во всех храмах при большом стечении молящихся. В конце ее все духовенство и монахи прощались друг с другом и народом. Земными поклонами и троекратным лобызанием со словами «Прости, брат, мне» или «Прости мне, отче» выражали желание загладить грехи перед своим ближним. Кончалась служба. Народ расходился, прощаясь с Лаврой на целую неделю, так как вход в эти дни в Лавру был строго воспрещен и все ворота Лавры, начиная с шести часов вечера прощеного воскресенья и до четырех часов субботы первой недели Великого поста, оставались закрытыми. Таков был завет основателей Лавры.

Тем временем вся братия собиралась в трапезную, чтобы последний раз вкусить горячую пищу. Скромный ужин на этот раз дополнялся разукрашенной и нарезанной тоненькими ломтиками редькой. Это блюдо, думаю, символизирующее начало воздержания в пище, всегда вызывало веселое оживление и искреннее удовольствие среди мальчиков-канонархов, которые как члены братии присутствовали на трапезе. После окончания трапезы, около семи часов вечера, раскрывалась стеклянная арка, соединяющая собственно трапезную с храмом. Все монахи облачались в мантии. Митрополичий хор выстраивался с левой стороны посередине церкви. Начальствующая братия, то есть члены Духовного Собора Лавры, наместник, начальники ведомств, архимандриты, игумены, старшие иеромонахи становились в ряд в центре храма. К ним поочередно подходила вся братия Лавры — несколько сот человек. Тихо, бесшумно опускались иноки друг перед другом и со словами «Прости мне, отче» троекратно лобызали друг друга. Полумрак храма сгущался, свечи таинственно мерцали, раздавалось хватающее за душу пение в тоскливых, иногда грозных тонах церковного песнопения: «Седе Адам прямо Рая...». Сотни бесшумно опускающихся ниц монашествующих в мантиях и клобуках составляли незабываемую картину. После окончания обряда прощания все в безмолвии расходилось по домам, чтобы после полуночи возобновить усердную молитву.

В Великий пост праздничные в ризах иконы вынимались и заменялись иными, исполненными в темных, траурных тонах. Облачения одевались также траурные, то есть фиолетовые, иногда черные с серебром.

Раздавался протяжный звон постного колокола, вызывавший в душе печаль и наводящий на размышления. Зато в Пасху ежедневно в течение светлой недели с утра (после поздней литургии) и до вечерни каждые пятнадцать минут (по звону лаврских курантов) раздавался красный звон во все лаврские колокола.

Лаврское церковное пение хорошо известно любителям духовной музыки. Мелодии, которые лежат в основе этих напевов, насчитывают не одну сотню лет. Они создавались постепенно в течение всей истории Лавры. Я был близко знаком со знатоком и гармонизатором лаврских напевов иеромонахом, а впоследствии игуменом и архимандритом Флавианом. Он всей душой отдавался своему любимому делу. У него в келье хранился старинный лаврский обиход, написанный в старом альтовом ключе, причем ноты изображены были в виде квадратиков. Отец Флавиан очень любил показывать этот обиход посетителям и давал весьма интересные пояснения, как из старинной ведущей мелодии, написанной для одного голоса, в которой, однако, уже скрывалась вся художественная полнота лаврских напевов, под пером опытного чуткого гармонизатора вырастала дивная многоголосая гармония лаврского хора. И должно признать, что обработка лаврских мелодий о. Флавианом действительно производилась с большой бережностью и стремлением сохранить точность и своеобразие старинных напевов. Это, однако, сделать было не так легко. В лаврских напевах

чрезвычайно много особенностей, и правильно передать оригинальность мелодии было задачей нелегкой. Когда слушаешь эти распевы, то реально ощущаешь их мощь и величие. Они многогранны: в них чувствуются и беспредельность и раздолье украинских вольных степей, и грусть и тоска мятежной кающейся души, и величие религиозных настроений, и хоралы торжества победы духа над материей, и звуки народных песен. Все это слилось в одну стройную, подкупающую своей художественной простотой, строгой гармонией и величием прекрасную мелодию. Для подобных мелодий был нужен и своеобразный по своей конструкции хор, именно такой хор, в родной для которого среде веками создавались эти мелодии. Таков был лаврский великоцерковный хор. Он состоял из теноров (первых и вторых), басов (первых и вторых октав) и альтов-канонархов. Появление в лаврском хоре последних относится к весьма древнему времени и объясняется следующим обстоятельством: в старину, когда книгопечатания еще не существовало, книга представляла собой большую редкость. На клиросе, в котором числилось около семидесяти певчих, имелся один рукописный экземпляр текста песнопений. Совершенно понятно, что написанный не всегда разборчиво, он читался с трудом. Если учесть, что в прежние времена храмы освещались исключительно восковыми свечами, становится понятным, что по одной книге столь большой хор петь был не в состоянии. Для облегчения певчих один из них, обыкновенно тенор, а впоследствии альт, на высокой ноте в тональности пения читал нараспев или, вернее, речитативом слова песнопения, соответствующие одному стиху или одной музыкальной фразе. Немедленно вслед за этим весь хор повторял прочитанное. Таким образом исполнялось все песнопение, причем канонарх, несмотря на изменение тональности песнопения, не модулировал, не изменял первоначального тона и только в заключительном стихе заканчивал повышением голоса. С распространением печатных книг смысл такого канонаршества в значительной степени был утрачен, но традиция осталась. Теперь канонарх не только канонаршил, но и участвовал в хоре в качестве альта. Голоса у канонархов были сильные и звонкие и на фоне гармонии мужского хора очень выделялись. На большой хор бывало достаточно одного-двух канонархов. На оба клироса (или, как монахи называли, «крылоса») Великой церкви по штату числилось двенадцать канонархов, однако, фактически состояло сначала восемь, а затем шесть, причем они в обычные службы чередовались. На Ближних Пещерах в мое время оставалось всего два канонарха, а на Дальних Пещерах они были и вовсе упразднены. В период немецкой оккупации после реставрации Лавры в хоре принимал участие всего один канонарх.

Некоторым любителям более изысканного церковного пения не нравились лаврские распевы, не нравился и лаврский хор, но большинство богомольцев и слушателей были очарованы этим пением, поддавались гипнозу его чудесной гармонии, и память о нем оставалась у них навсегда. В большинстве лаврских церквей исполнялись именно эти лаврские распевы, хотя в небольшом составе и без канонархов они звучали не так выразительно. Хор, в котором процветали мелодии нового стиля, был хор митрополичий. Это был также великолепный хор, возглавляемый весьма опытным регентом и композитором иеромонахом Иадором (именно под этим именем широко известны его произведения). В исполнении этого хора чувствовались влияния новой музыки, мелодии в стиле Велеля, Архангельского, Бортнянского. Сообразно с выполняемыми номерами и хор был построен по типу четырехголосного с дискантами и альтами, мальчиками. Как-то раз митрополит Антоний организовал интересный концерт, в котором попеременно принимали участие и митрополичий, и великоцерковный хоры. Этот концерт вылился в своеобразное соревнование двух разных по типу и по исполнению вокальных ансамблей и окончился триумфом лаврского великоцерковного хора. Сначала выступал митрополичий хор с какой-то очень трудной, замысловатой гармоничной мелодией. В ней было много чисто светской романтики и нежности. Бесспорно, исполнение и само музыкальное произведение произвели на слушателей большое художественное впечатление. Замерли последние мелодичные кадансы. На смену зазвучал великоцерковный хор. Он исполнял с участием «уставщика» и канонарха, по всем правилам и традициям лаврских клиросов «На реках Вавилонских». Сначала вступал мощный и низкий бас, который пел соло слова «На реках Вавилонских». На высокой ноте в тональности

песнопения канонарх подхватывал «тамо селухом и плакухом». Вслед за этим раздавалось могучее величественное пение двух, соединенных в один хор клиросов, которые повторяли произнесенные канонархом слова. Содержание, как нельзя лучше, гармонировало с мелодией, а исполнение было выше похвал. Тоска по потерянной родине, безмерная грусть и стенания сменялись торжественными хорами гордости и любви к отечеству. Конечно, тонкие нюансы сложных мелодий, быть может, были менее доступными для подобного хора и едва ли были бы исполнены так, как это сделал бы митрополичий хор. Однако лаврские мелодии выковывались на протяжении веков именно для подобного хора; они создавались в среде именно этого хора, и здесь и распевы, и сам хор как нельзя лучше соответствовали друг другу. А акустика и настроения Великого собора дополняли впечатление. В некоторых местах песнопений мелодия разрасталась как бы в море звуков, на которые набегали все новые и новые волны; силу ее можно было ощутить лишь благодаря великолепному резонансу Великой церкви. Часто хор давал только «звуковые толчки», а заканчивала гармонию акустика. Благодаря этой же акустике иногда на правом клиросе пело всего пять-шесть монахов, а получалось впечатление полного большого хора. На правом клиросе Великой церкви пел иеродиакон, а потом иеромонах Иерадион. Он обладал необыкновенным громающим басом. В тех местах песнопений, где именно нужно было дать упомянутые «акустические толчки» под своды Великого собора, он испускал потрясающей силы рыкающие звуки, которые долго колебали и сотрясали воздух храма.

А звуки лились, разливались, заполняли все уголки храма Благовещения, где проходил концерт. Они проникали глубоко в душу и оставались в памяти навсегда, то могучие и сильные, как шквал, как ураган протестующей души, то обессиленные, нежные и тихие и всегда льющиеся, непрерывные. Точно исполнителем мелодии был не хор, а какой-то мощный орган, умеющий, однако, передать все сложные модуляции человеческого голоса. Хотя акустика Благовещенского храма и ослабляла силу впечатления, но успех великоцерковному хору был обеспечен. Многоголосное «ах» раздавалось, когда замирали последние звуки песнопения.

Лаврские богослужения отличались продолжительностью не только потому, что точно выполнялся устав монастырской службы, но и в силу своеобразия лаврского пения. Оно было протяжным и изобиловало многочисленными повторениями. Так, например, «аминь» перед «Херувимской» повторялось двенадцать раз. Как при Великой церкви, так и в других храмах Лавры состоял уставщик, или регент. Само название регента «уставщиком» говорит о том, что в прежнее время уставная сторона пения, то есть знание порядка богослужения, являлась основным и заслоняла музыкальную сторону. Теперь же уставщиком в первую очередь назывался именно регент (дирижер) хора, конечно, хорошо сведущий и в уставе. Тем солистом, или попросту, запевалой, который в «Блажен муж...», «Хвалите имя Господне», «На реках Вавилонских» первый нараспев произносил слова песнопения, теперь в большинстве случаев являлся уже другой певчий, обладающий сильным басом. На обыкновенные службы уставщики ходили по очереди, так как у каждого из них было по два подуставщика. Подуставщики вообще являлись помощниками уставщика и заменяли его во время его отсутствия, когда уставщик совершал богослужение.

Для уставщика и его помощников на клиросе были устроены возвышения и «формы»; такие же «формы», но без возвышений, были установлены вдоль всего клироса и для певчих, однако, в праздничные службы певчих было значительно больше, нежели «форм», и потому остальные стояли без этой опоры. На моей памяти уставщиком правого клироса и вместе с тем уставщиком всего великоцерковного хора являлся опытейший регент и знаток лаврского пения, гармонизатор лаврских мелодий архимандрит Флавиан. После его смерти его заменил игумен Валерий, ставший потом настоятелем Лавры. Оба они обладали прекрасными голосами. На левом клиросе уставщиком до последних дней существования Лавры был иеромонах, а затем игумен Харлампий, обладавший прекрасным тенором и красивой головой римского патриция. Подуставщиками на правом клиросе

были тенора иеродиаконы, а потом иеромонахи Никон, Пантелеимон, Леонид, а также иеродиакон, впоследствии архимандрит Иерон, обладавший мягким басом красивого тембра.

Любители лаврского пения не раз просили запечатлеть прекрасное исполнение хора Великой церкви на граммофонных пластинках. Наконец, какой-то настойчивый предприниматель уговорил о. Флавиана приехать с хором в студию и исполнить ряд мелодий. На автомобилях хор был доставлен в лабораторию граммофонной записи, и таким образом лаврское пение было увековечено. Правда, из-за этого о. Флавиану пришлось перенести объяснения с митрополитом, который был недоволен, что лаврское пение будет исполняться на граммофонах.

Лаврские певчие не были выделены по своему месту жительства наподобие митрополичьего хора, который занимал отдельный корпус. Этот корпус, расположенный непосредственно около Святых ворот, состоял из дортуаров для мальчиков и келий взрослых певчих. Там же находились певческие комнаты, классные комнаты для занятий и др. Канонархи Великой церкви имели общежитие в Верхней Лавре, а канонархи Ближних Пещер — на Пещерах. Певчие митрополичьего хора ходили в подрясниках или, если это были монахи, в рясах. Мальчики также носили подрясники, подпоясывались монашеским ременным кушаком и на голову надевали остроконечную скуфейку из черного бархата. У канонархов одеяние было такое же, однако, в отличие от мальчиков митрополичьего хора, они носили длинные волосы. Митрополичьи певчие на праздничных богослужениях пели в синих кунтушах, из которых впоследствии для них были сшиты изящные синие костюмчики. В рядовые дни оба хора, и митрополичий, и великоцерковный, принимали участие в богослужении лишь частями, по очереди.

В последние перед окончательным закрытием Лавры дни хоры распались. Прежде всего в них перестали участвовать мальчики. Органы Наркомпроса категорически возражали против участия детей в церковных богослужениях и предполагали их всех взять в свои интернаты. Однако протест пришел совершенно неожиданно со стороны самих юных певчих: они проявили себя необыкновенными патриотами Лавры и заявили, что никуда не пойдут из обители. Несмотря на уговоры и угрозы, они продолжали посещать церкви. Однако это становилось небезопасным для Лавры, и потому они должны были уйти из хора. Встречаясь впоследствии с многими из них, я мог убедиться, что в их сердцах сохранилась большая привязанность, любовь и благодарность к Лавре. Родители этих детей поручали их с большим доверием заботам Лавры, иногда отдавали в монастырь по обету и, конечно, не хотели, чтобы вместо монастыря их дети попадали в сомнительные советские пансионаты. До последних дней Лавры некоторые канонархи по собственной инициативе продолжали участвовать в богослужении, благодаря чему сохранялся стиль великоцерковного хора. Когда митрополичий хор перестал существовать, силами самих прихожан был организован «любительский» хор с участием женщин. Несмотря на несомненные достоинства и усердие певцов, в стенах Лавры хор был встречен не особенно дружелюбно: монахи считали, что появление на клиросе монастырского храма женщин нарушает обычаи и устав монастыря, и в сущности это было правильно.

Все монахи-певчие на клиросе стояли в клобуках и лишь в торжественные моменты снимали их, кладя на плечо. Особенно торжественное и величественное пение звучало во время исполнения песнопений соединенными клиросами. В определенные моменты богослужения оба хора (правого и левого клиросов) выходили на середину храма и под управлением уставщика правого клироса выполняли с канонархом или без него богослужебную мелодию. Так бывало на Богородичных, на «Хвалите имя Господне», на Славословии, «Тебе поем» и т.д. Объединенный хор звучал мощно и величественно. Во время этих песнопений все монахи обнажали головы.

Послушание великоцерковных певчих было значительно утомительнее, нежели певчих митрополичьего хора, так как в первом случае само пение из-за сложности и силы было тяжелее, а продолжительность богослужений доходила иногда до семи часов. Кроме того, все певчие великоцерковного хора должны были по очереди участвовать в ночных богослужениях. Ввиду этого

для подкрепления сил было принято накануне больших праздников и воскресных дней выдавать всем великоцерковным певчим по куску осетрины.

На группу мальчиков-певчих назначался особый воспитатель, который назывался смотрителем. Так, смотрителем канонархов Великой церкви был о. Леонид, смотрителем канонархов Ближних Пещер о. Аггей и над певчими митрополичьего хора стоял о. Закхей. На Дальних Пещерах почивали мощи св. Леонтия и св. Геронтия. Их маленькие гробики со св. мощами можно и сейчас видеть в Лавре. Ежедневно, отходя ко сну и вставая по утру, канонархи читали молитву своим покровителям, и в этом было нечто весьма трогательное. По преданию святые канонархи скончались внезапно, во время вечернего богослужения на стихирах на «Господи воззвах». Один из них возгласил стих «Изведи из темницы душу мою...» и после этого преставился, а другой ответил другим стихом: «Мене ждут праведницы, дондеже приду...» и также почил.

4. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛАВРЫ

Хозяйственная деятельность столь большого и сложного организма, как Лавра была весьма разнообразна и занимала важное место в жизни обители. В самом деле, удовлетворить потребности братии большого монастыря, огромного количества богомольцев, число которых иногда доходило до десятков тысяч, снабдить двадцать семь храмов необходимым инвентарем, вином, ладаном, свечами и т.д., организовать ремонт как движимого, так и недвижимого имущества Лавры — все это представляло собой весьма сложные, большие по объему и разнохарактерные задачи. Вопросами хозяйства монастыря ведали эконом, келарь, казначей и отчасти ектесиаρχ. Правда, и среди функций других ведомств встречались хозяйственные вопросы, например, у благочинного, начальника больницы и т.д., однако, там они играли второстепенную роль.

Одной из важных проблем хозяйственного характера в Лавре было питание братии, численность которой в мирное время доходила до трех с половиной тысяч, считая хутора и пустыни, а равно многочисленных богомольцев. Продукты частью закупались на стороне, частью производились на территории Лавры и лаврских хуторов. Сахар, соль, соленую рыбу, крупы, муку, подсолнечное масло, вино и пр. Лавра приобретала у поставщиков, большей частью евреев. В погоне за лаврскими заказами поставщики конкурировали между собой, а чтобы снискать расположение монастыря и получить выгодный подряд, жертвовали значительные суммы на церкви, а то и сами строили храмы. Поставки с коммерческой стороны были действительно весьма выгодны: размеры закупок были огромны, и в то же время Лавра являлась исправным кредитоспособным плательщиком. Одной соленой рыбы, которую Лавра приобретала на стороне, требовалось столько, что ею наполнялась доверху большая башня, что была расположена поблизости от келарни с северо-западной стороны монастыря. Овощи, молоко, фрукты Лавра получала со своих хуторов. И эти продукты заготавливались в громадных количествах. Так, за трапезной под землей находился пятиэтажный погреб, который осенью заполнялся всевозможными соленьями домашнего приготовления: здесь и капуста, и огурцы, и помидоры, и яблоки — все отменного качества, приготовленные по особому монастырскому рецепту. Для лаврского стола требовалось такое большое количество картофеля, что специальная группа послушниц целый день с раннего утра и до поздней ночи только и занималась тем, что чистила картофель. В этой работе им помогали штрафные монахи. Чистка на кухне картофеля считалась трудным послушанием и выполнять эти обязанности должны были те монахи, которые в чем-либо провинились. В лаврской канцелярии мне приходилось видеть рапорты благочинного о предосудительном поведении того или иного монаха с резолюцией: «На кухню чистить картошку». Другим наказанием за нарушение монастырских правил являлась ссылка в Китаевскую пустынь, которая, однако, по своему местоположению и красоте природы, а равно по воспоминаниям о прежних святых вовсе не оправдывала подобного назначения. Основными сельскохозяйственными

единицами, которые снабжали Лавру продуктами, были Голосеевский и Китаевский хутора, расположенные около одноименных лаврских пустыней, хутор Самбурки (невдалеке от Преображенской пустыни), а также ряд садов вблизи Киева и заливные прекрасные луга на Жуковом острове и др.

Во главе хуторов стояли начальники, обыкновенно из знающих сельское хозяйство и обладающих в достаточной мере административными талантами монахов. По хозяйственной линии они подчинялись эконому Лавры, а в части духовной — начальнику или игумену соответствующего монастыря или пустыни. Таким образом, например, Голосеевский хутор в хозяйственном отношении подлежал ведению эконома Лавры, а личный состав братии, работающей на хуторе, в отношении монастырского устава, участия в молитве, богослужениях и т.д. подчинялся начальнику Голосеевского монастыря. Называю эти пустыни монастырями, так как они и по размерам, и по своей организации именно напоминали довольно значительные монастыри. Каждый такой монастырь был обнесен каменной стеной, имел несколько церквей и ряд братских жилых корпусов. При Голосеевской пустыни находилась летняя резиденция митрополита с прекрасным садом, домом и церковью. При Преображенской пустыни расположилось большое монастырское кладбище, так что вошедшее в обиход монастырского разговора выражение «повезли на Преображение» означало, что монах умер. При Китаевской пустыни состоял монастырский инвалидный дом с интернатом и домовою церковью, где все богослужения ежедневно совершались престарелыми иноками. И на хуторах, и в пустынях были свои трапезные и кухни, в которых ежедневно варились монастырские борщи, каши и т.д. Благодаря непосредственной близости к продуктовым базам, эти блюда на хуторах и в пустынях бывали несколько питательнее и добротнее, нежели в Лавре в мое время. При каждой пустыни были устроены монастырские гостиницы. Нельзя обойти молчанием расположенной рядом с хутором Самбурки прекрасной монастырской пасеки, которой заведовал опытейший и ученый пчеловод иеромонах о. Тимофей. Это он снабжал Лавру прекрасным душистым пчелиным медом, а свечной завод воском высокого качества. Его считали угрюмым, нелюдимым и чрезмерно экономным, однако, я вынес от встреч с ним обратное впечатление: со мной он был неизменно ласков, радушен и щедро снабжал медом.

Свечной завод находился рядом с Китаевской пустынью. Это был действительно прекрасный завод, выделывавший свечи высшего качества, разных окрасок, начиная со снежно-белых и кончая пасхальными ярко-красными и погребальными зелеными. Свечи делались и с позолотой, и с художественными рисунками, изображениями Спасителя, Божией Матери и святых. Тонкость работы, чистота отделки, выразительность красок и художественность изображений были изумительны. Завод выпускал большое количество свечей; ведь необходимо было удовлетворить огромные и разнообразные требования Лавры и ее церквей. Я видел там свечи самые тоненькие копеечного «достоинства» и огромные пудовые, которые при выходах с трудом нес сильный пономарь. На моей памяти во главе свечного завода стоял иеромонах о. Кельсий. Он был великим знатоком свечного дела и жил около завода среди прекрасного сада в небольшой скромной хижине-келье. Келья была разделена на две изолированные части: в одной проживал сам о. Кельсий, а другую занимала старая монахиня, которая, работая на заводе, одновременно помогала старцу по хозяйству. Отец Кельсий рассказывал мне о фабрикации свечей, показывал художественные образцы своих работ, объяснял химическую обработку воска и т.д. Меня всегда поражала тонкость изображений на свечах. Оказывается, наиболее простым способом производства подобных свечей было переснимание на свечу так называемых переводных картинок, вроде тех, которые так занимают детей. Отец Кельсий был последним начальником свечного завода. Вскоре после прихода к власти большевиков завод закрыли. Отец Кельсий принял схиму, старица умерла. Отец Кельсий поселился в инвалидном Китаевском доме, там он и скончался.

Свечи, которые производил лаврский свечной завод, отправлялись в Лавру и поступали в большой свечной склад, который был расположен в подвале колокольни Великой Лаврской церкви. Запас их был значительным, так как и потребление свечей в Лавре было не малое: все церкви освещались свечами, множество их покупалось богомольцами. Особенно велик был расход свечей в Страстные и Пасхальные службы.

Кроме братии, в пустынях и на хуторах проживали монахини и послушницы Лавры. На хуторах женский труд был необходим: послушницы окапывали, «сапали» огороды, мыли белье, готовили пищу. Ближайшей к Лавре пустыней был Голосеевский монастырь. Он был расположен среди прекрасных лиственных лесов в трех километрах от Киева, недалеко от него стояла Преображенская пустынь с Самбурками и Китаевский монастырь. И они были расположены среди лесов и гор. Целая система монастырских «ставков», то есть прудов, в прежнее время изобиловавших рыбой, украшала эти и без того очаровательные места. В самих монастырях и на хуторах опытными монахами-садоводами были разведены богатые сады. Там же производилась в широких размерах сушка фруктов для узвара. Китаевская пустынь в прежнее время была расположена на правом берегу Днепра. Река вплотную подходила к монастырю, так что из Киева в Китаев ходили пароходы. В течение последних десятков лет русло Днепра повернуло от Киева влево, таким образом Китаевская пустынь оказалась отстоящей от реки на три километра.

Большую материальную поддержку для лаврского хозяйства оказывали заливные луга, особенно расположенные на Жуковом острове, одном из любимых мест прогулок киевлян. Здесь действительно было прекрасно: лиственный лес сменялся широкими лугами с высокой ароматной травой. Река омывала остров тихими струями со всех сторон и образовывала много удобных мест для любителей купанья. Песчаные отмели служили пляжами. В реке водилось много рыбы. Начальник Жукова острова о. Иаков занимался рыбной ловлей и снабжал своим обильным уловом братию Лавры. Когда открывался сенокос, на лугах кипела горячая работа. Братия монастыря косила, сушила сено, делая богатые запасы для лаврских конюшен и скотного двора.

Недалеко от Лавры, почти в черте города, также были расположены монастырские сады и уголья. Два сада носили название Виноградные сады, так как в них разводился виноград для лаврского винного завода. Однако эти пробы выращивания винограда в условиях киевского климата не давали блестящих результатов. Внутри самой Лавры руками любителей-садоводов из братии было посажено немало фруктовых деревьев. При наместничьем доме был также небольшой сад, однако, он выглядел очень скромно в сравнении с лаврским митрополичьим садом, во главе которого стоял опытный садовод о. Корион. В мое время, когда все лаврское хозяйство шло на убыль, у о. Кориона был только один помощник. Митрополичий сад примыкал к библиотечарскому корпусу и зданию, где в нижнем этаже помещались работники сада и впоследствии зверски убиенный архимандрит Николай, а в верхнем этаже жили библиотечарские работники, т.е. начальник библиотеки иеромонах Пелий и его помощник монах Руф. Здесь же была предоставлена келья и мне. Окно моей кельи выходило на юг, прямо в митрополичий сад, поэтому я имел возможность, не выходя из дома, наслаждаться прекрасным воздухом и любоваться природой, а также наблюдать, как работает о. Корион. В саду кроме открытых растений содержались и прекрасные оранжереи. Помню, что даже в трудные для Лавры годы, когда не хватало топлива, все же к наместничьему столу из этих оранжерей подавались яркие по окраске душистые лимоны.

Для нужд братии и богомольцев в Лавре были организованы собственные предприятия: здесь были макаронная фабрика, медоваренный и пивной заводы, хлебозавод, типография, портняжная, фотография, сапожная, кузнечная, слесарная и хорошо оборудованная электростанция и даже своя телефонная станция. У меня на письменном столе стояли два телефонных аппарата: индукторный, который соединял меня с митрополитом, лаврским начальством и т.д., а второй — городской. Когда я снимал трубку городского телефона, то в ответ раздавался звонкий женский голос: «слушаю», по

другому же мне отвечал суровый монашеский голос о. Феодосия: «благословите», что на светском языке означает: «слушаю, приказывайте». Это являлось обычным ответом на обращение высших духовных лиц. Так как в Лавре телефонные аппараты находились только у начальников, то подобный ответ был вполне понятен и уместен. Отец Феодосий дежурил день и ночь почти бессменно: его убогое ложе стояло тут же, у коммутатора. Он всегда, даже ночью, был наготове, чтобы сказать свое «благословите». Лаврская электростанция не раз спасала нас от мрака и тоскливых настроений. Когда весь город тонул в темноте, Лавра ярко горела сияньем электрических огней. Дело в том, что электростанция Лавры обслуживалась любовно, поломок там почти не случалось, да и были солидные запасы горючего. Между тем городские станции после войны были в значительной степени приведены в негодность, да и нефти не хватало. Только иногда в городе появлялся слабый ток, при котором нельзя было работать. Частенько ко мне приходили мои городские друзья, чтобы при свете почитать и отдохнуть.

Здание живописной мастерской было расположено на высоком месте за алтарной стороной Трапезной церкви, снабжено широкими венецианскими окнами, прекрасно оборудовано. Мастерская живописная выпускала главным образом церковные иконы и картины религиозного содержания. Она же воспитала не одного талантливого художника.

Рассказывая о хозяйстве Лавры, следует упомянуть о многочисленных монастырских магазинах, продававших церковную утварь, ладан, свечи, просфоры, хлеб, ювелирные изделия религиозного назначения, книги, картины и т.д. Каждый богомolec, посетив Лавру, желал приобрести что-либо на память: крестик, иконку, книгу, просфору. С разных сторон Росси приезжали сюда представители церковных приходов, чтобы приобрести по недорогой цене хоругви, иконы, иконостасы, ризы, издания Лавры и т.д. Естественно, что обороты этих магазинов были значительны.

Одной из главных забот эконома и келаря была забота о пропитании братии и богомольцев Лавры. В самом деле, накормить ежедневно тысячи людей являлось трудной и сложной задачей. В мирное старое время в Лавре были две основные кухни: братская, которая кормила тысячную братию и значительную часть богомольцев бесплатно, и «дворянская кухня», находившаяся в гостинице и обслуживающая часть богомольцев за минимальную плату. Вкусовые качества лаврской кулинарии были поистине изумительными. Даже в самое богатое время полного довольства и сытости, в Лавру из города приезжал богатый и бедный люд, чтобы по своему состоянию выпить прекрасного лаврского квасу, поесть чудесный ароматный (как пряник) лаврский хлеб, съесть братский обед с большими пирогами на подсолнечном масле с рыбой, капустой и грибами. За умеренную цену на дворянской кухне вам поджарят на подсолнечном масле рыбу и картофель так искусно, как это умели делать только монахи. Впоследствии, когда Лавра была принуждена сократить свои расходы до минимума, из лаврской келарни стали выдавать братии лишь по четверти фунта хлеба в день, причем его пекли с примесью всевозможных суррогатов. Однако он по-прежнему оставался вкусным и ароматным. По мере того, как умалялось благосостояние Лавры, беднее становилась и лаврская трапеза. Еще в 1918-1919 годах я застал вкусные лаврские борщи, жирные рыбные супы, разнообразные каши с маслом, а по праздникам даже жареную рыбу и отварную осетрину. Однако быстро истощались ресурсы келарни, жиже и постнее становились супы, исчезли даже пшеничные каши, и, наконец, в последние годы существования Лавры (при большевиках) ежедневно стали варить однообразно «пустые» борщи, в которых совершенно отсутствовала капуста, а плавало несколько редких картошек, да листья собранной монахами лебеды и крапивы. Но удивительнее всего, что и эти скромные борщи отличались прекрасными вкусовыми качествами и были весьма аппетитными. Я не раз спрашивал монастырских поваров, чем объясняется это обстоятельство. Каким образом из столь незатейливых продуктов им удавалось так вкусно приготовить борщ? На это они неизменно отвечали, что секрет кроется не в том, что эти борщи приготавливаются умелыми руками, а в том, что лаврский борщ — «дважды благословенный». Именно, в четыре часа утра, когда начиналась жизнь лаврской кухни, очередной

монах-повар шел в Великую церковь и от лампы, горящей перед чудотворной иконой Божией Матери, брал огонь для растопки кухонного очага. Перед раздачей братии сваренного борща дежурный иеромонах благословлял приготовленное кушанье. Это благословение происходило в торжественной обстановке братской трапезной.

Однако братия все меньше и меньше посещала трапезную, предпочитая брать обед на дом, где его «подваривали», т.е. заправляли «поджаркой» и добавляли картофель. И я мог наблюдать, как за столы обширной лаврской трапезной садились два-три старца, которым нечего было прибавить дома к скромному монастырскому борщу. Традиция, однако, продолжала жить и до последних дней Лавры. В 11 часов после окончания поздней лаврской литургии в Великой церкви раздавался призывной колокол трапезной, созывавший братию на бедный лаврский обед. Эти традиции жили и в другом прекрасном обычае, освященном практикой и заветами основателей Лавры, преподобных Антония и Феодосия. Именно, в дни памяти преподобных и по большим праздникам кормить всех желающих вкусить братской трапезы. Я вспоминаю умирающую Лавру, когда голодный тиф буквально косил братию и ежедневно уходили на тот свет по несколько человек. Дневной рацион хлеба был уменьшен до 100 граммов, и, тем не менее, в эти праздники на обширном лаврском дворе накрывалось несколько столов, за которыми с раннего утра занимались места: это — паломники и местные жители ожидали окончания богослужения, чтобы получить скромный братский паек борща и хлеба. Этот освященный воспоминаниями и стариной древний обычай в тяжелые для Лавры дни граничил с самопожертвованием и приобретал особую нравственную силу.

Большое количество братии и широкое лаврское гостеприимство создавали необходимость организовать в значительных масштабах приготовление пищи. Котлы, в которых варили, например, лаврский борщ на десятки тысяч едоков, были грандиозны: в них можно было легко утонуть взрослому человеку. В сковороды для поджаривания лука вливались ведра подсолнечного масла. Раз в год, именно в первую неделю Великого поста, упомянутые котлы чистились и лудились. В эту неделю огонь в кухне угасал, однако, производилась другая горячая работа — по ремонту котлов. Естественно, в эти дни пища для братии не готовилась, и этот обычай вполне соответствовал святым дням Великого поста. Вместо горячей пищи братия получала из келарни прекрасные соленые огурцы и квашеную капусту своего, монастырского, соления. С вкусным монастырским хлебом, слегка сдобренные постным маслом (хотя по правилам в Великом посту вкушать масла не полагалось), они были просто обворожительны.

В большие праздники, даже в годы оскудения, Лавра угощала братию торжественным обедом. Меня так же, как и некоторых почетных посетителей, приглашали к соборному столу. На Пасху на тарелке лежало одно красное яйцо, белоснежный кулич, кусочек сливочного масла, творог или сырная пасха. Это, так сказать, разговенье. Кроме того, на обед полагалось три-четыре блюда: обыкновенно подавали борщ с поджаренной рыбой, затем суп с макаронами, далее жареная рыба, а в последние годы каша с растительным маслом и поджаренным луком. Но особенно привлекательным в этом обеде был монастырский мед. Им беспрестанно наполняли высокие кувшины, и не менее быстро он исчезал. Он содержал некоторую крепость, так как бывали случаи, когда мальчишки-канонархи выходили из-за праздничного стола в повышенно веселом настроении.

Во время лаврских трапез читали Четьи-Минеи. Между отдельными блюдами или, как в Лавре называли, «переменами», раздавался удар гонга, все вставали и читали молитву. Перед обедом и после него очередной иеромонах, а по большим праздникам настоятель или кто-либо из соборных старцев, совершал также молитвословие, сопровождаемое пением всех присутствующих («Блажим Тя...»). В конце благословлявший трапезу читал ектению и молитву, а в это время все непрерывно пели «Господи помилуй» и пономарь ударял равномерно в гонг. Когда раздавался тройной удар гонга, пели тройное заключительное «Господи помилуй».

Среди лаврских хозяйственных организаций важное место занимали монастырские больницы. Одна из них находилась в стенах Лавры и иначе называлась Никольским больничным монастырем. Она представляла собой целый комплекс зданий, в которых помещалась собственно больница с двумя храмами и корпусом для обслуживающего персонала или аптекарским корпусом, так как в нем находилась лаврская аптека. Весь этот комплекс зданий был отделен от остальной Верхней Лавры каменной стеной. Вход в Никольский больничный монастырь был расположен сразу же налево от главных Святых врат Лавры. Во главе этого монастыря стоял начальник больницы, не имевший, однако, прав соборного старца и приглашавшийся туда лишь по мере надобности. В мое время начальником больничного монастыря был иеромонах Ферапонт. По своему образованию он был лишь фельдшер, однако, пользовался вполне заслуженной популярностью. Большой медицинский опыт, чутье, умение подойти к пациенту делали его лечение весьма успешным, и к нему охотно приходили пациенты из города, предпочитая его совет указаниям дипломированных врачей. Там же работал опытный фельдшер о. Феопемпт. Среди врачей были две послушницы Лавры: прекрасный хирург и чистой души человек, бесконечно преданная обители г-жа А.Н. Соллемани и г-жа Н.В. Марцинкевич. Много помогала успешному лечению хорошо оборудованная лаврская аптека под наблюдением монаха-провизора. Там были редкие лекарства, и частенько в Лавру приходили посетители из города, просившие у наместника разрешения выдать какое-либо лекарство, которого они не могли найти в городских аптеках. Лаврская больница делала большое святое дело. В самые трудные годы она продолжала работать, исцеляя многих из братии и светских людей. Успех лечения в лаврской больнице заключался не только в познаниях обслуживающего персонала и хороших медикаментах, но и в исключительно заботливом, ласковом, внимательном уходе за больными. На дело лечения здесь смотрели как на дело богоугодное, святое и отдавали все свои силы милосердию и помощи страждущим. Много помогала делу лечения и сама монастырская обстановка, полная покоя, тишины и сосредоточенного молитвенного настроения. В больничном монастыре совершали богослужения в двух храмах, соединенных коридорами с больницей, и, когда открывались все двери, больные могли слышать все церковное богослужение. Я на себе испытал всю целебную силу лаврского лечения. Как-то раз я заболел сыпным тифом. Никакие «угощения» и заботы моего келейника о. Ефрема не могли помочь мне. Отец наместник решил поместить меня в больницу. Однако, чтобы создать мне условия большего комфорта, он распорядился освободить две комнаты в гостиничной больнице для богомольцев. В одной поместили меня, а в другой устроились дежурная сестра и врач. Таким врачом оказалась послушница Н.В. Марцинкевич, а прикомандированной ко мне сестрой — дочь одного весьма религиозного прихожанина, проживавшего на Дальних Пещерах. Благодаря необыкновенно заботливому уходу, ласке и вниманию со стороны наместника, о. екклесиарха и всей братии, кризис миновал благополучно и я стал понемногу выздоравливать. Особенно меня утешали богослужения, которые я здесь мог слушать через открытые двери моей палаты: рядом помещалась гостиничная церковь, в которой по праздникам служили. По прочтении Евангелия священник и диакон приходили ко мне с Евангелием и я мог прикладываться к нему, а также и к иконе праздника. Здесь же меня и помазывали освященным елеем. Кроме этих двух больниц, Лавра соорудила изумительное здание большой больницы, оборудованной по последнему слову техники. Все палаты этой больницы были залиты светом, повсюду были сооружены транспортеры и подъемники для перевозки больных. При больнице была устроена великолепная церковь. Половина больницы предназначалась для братии монастыря, а половина — для богомольцев. Однако не пришлось Лавре воспользоваться этой прекрасной больницей, так как во время войны 1914 г. она была занята под военный госпиталь имени Кауфмана, а затем под советскую больницу.

В Лавре издавна существовала гостиница или странноприимница. Мы уже отмечали, что она составляла четвертую часть Лавры. Со всех сторон она была обнесена стеной, отделявшей ее как со стороны улицы, так и со стороны Пещер. Гостиница состояла из 14 корпусов и больницы с церковью. Это был целый поселок. Во главе гостиницы стоял начальник, в мою бытность о. Иадор. При

гостинице была своя канцелярия, которую на моей памяти возглавлял монах о. Виссарион (Величко). Все корпуса гостиницы были построены по коридорной системе. Всюду было чисто, покойно, хотя и просто. Подобные же странноприимницы, конечно, в сравнительно малых размерах существовали и в пустынях. Особенно любил я гостиницу Преображенской пустыни, представлявшую собой одноэтажное здание, разделенное коридором на две части. По обеим сторонам коридора расположились восемь номеров. При входе в гостиницу как-то сразу охватывал покой. Вся обстановка была необыкновенно мирной, сосредоточенной и уютной. Из окна комнаты были видны проезжающие экипажи, за дорогой стоял сплошной стеной лиственный лес. Воздух был очаровательно ароматен и чист. С раннего утра раздавалось пение птиц, никем и ничем здесь не тревожимых. Номер представлял собой небольшую скромную комнату с весьма простым убранством, состоявшим из деревянной кровати, покрытой одеялом, и с грубым, но чистым бельем. Два стула, стол и икона довершали убранство номера. Стол был покрыт белой скатертью грубого холста; на нем стоял чайный прибор с изображением Лавры. В коридоре расположился рукомоийник, а в углу под иконой — столик с четвертной бутылкой прекрасного монастырского квасу. По зову являлся послушник в подряснике, подпоясанном черным монашеским кушаком. Он предлагал чай, скромный обед и ужин. Как и в Лаврской гостинице, здесь все эти услуги предоставлялись бесплатно, и вы лишь могли от себя пожертвовать что-либо в пользу монастыря. В обстановке этой гостиницы можно было вполне отдохнуть. Просыпались под звон монастырского колокола, призывавшего к ранней литургии. Свежий лесной воздух шевелил легкую занавеску на открытом окне. На душе являлось ощущение благодного покоя, тихой радости, беззаботности. Все окружающее — и природа, и ласковые лица монахов, и монастырская тишина — содействовало особому возвышенному настроению. Горячая молитва в маленькой церкви под умирительное пение братии, прогулка по лесу, ранний обед. После обеда — небольшой отдых, экскурсия на монастырские ставки, посещение настоятеля монастыря, игумена Леонтия. Хорошо было бродить и по монастырскому кладбищу. Оно не производило впечатления чего-то мрачного, унылого, таинственного, с чем принято связывать представление о могиле, погребении и т.д. Это был скорее прекрасный сад с богатым урожаем фруктов. Там же на кладбище были расположены небольшие домики, в которых жила братия пустыни. В одном из таких домиков поселился регент монастырского хора иеродиакон Харисим. Кроме всего прочего, меня с ним сближала общая любовь к пению. У о. Харисима была небольшая фисгармония. Я любил садиться за нее и вместе с о. Харисимом воспроизводить лаврские мелодии. На кладбище не было величественных мраморных памятников, гробниц. Рядами стояли деревянные кресты с краткими, но полными христианского чувства надписями. Это кладбище было настолько романтично, в самом высоком смысле этого слова, в нем было столько своеобразной прелести, что впоследствии именно там Академия наук УССР решила организовать дом отдыха для научных работников.

5. КУЛЬТЯРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАВРЫ

Всем известна огромная роль Киево-Печерской Лавры в истории отечественной культуры. Она по справедливости являлась очагом религиозно-нравственной и культурно-просветительской жизни украинского и русского народов. Об этом написано много книг и, бесспорно, этот вопрос не раз еще привлечет внимание историка. В настоящем разделе мы только опишем ту культурно-просветительскую деятельность, которую я застал в Лавре перед ее концом. Конечно, она продолжала играть роль величайшей святыни православного мира и в последние годы своего существования, однако, в тесном смысле этого слова культурно-просветительская деятельность в силу внешних обстоятельств в значительной степени ослабела.

Большую роль продолжала играть лаврская типография. Издательская работа Лавры процветала и была в высшей степени разнообразна. В лаврской типографии печатались книги научного содержания, популярные религиозно-нравственные брошюры, журналы, олеографии,

открытки с видами и т.д. Следует при этом большом диапазоне изданий отметить прекрасные издания церковных книг и, в первую очередь, Евангелия. Произведения типографии поражали тщательностью их обработки и художественной красотой. Напечатанные на меловой бумаге славянской вязью с прекрасными виньетками и заставками в разнообразных красках с золотом, церковные издания вызывали чувство восторга и изумления. Перед моими глазами живо стоит богатый содержанием двухтомник проф. Ф.И. Титова «Типография Киево-Печерской Лавры», а также описание замечательной лаврской ризницы. Большинство этих изданий печатались в громадных тиражах, и к моменту ликвидации Лавры значительные запасы их хранились в больших складах. По распоряжению советских властей, книги были разброшюрованы, с той целью, чтобы они не могли быть использованы по назначению, а только проданы на макулатуру. Верующие наблюдали с печалью и болью в сердце, как в огромные листы меловой бумаги, на которых были напечатаны святые слова Евангелия, в магазинах потребительской кооперации заворачивали селедки и хамсу. Между тем, в то же время ощущался недостаток в этих книгах, и церковные приходы платили огромные деньги за экземпляр Евангелия.

История лаврской типографии насчитывает свыше трехсот лет. Таким образом, она по справедливости является старейшей типографией в юго-западном крае. Однако столь почтенный возраст ни в какой мере не отразился отрицательно на техническом уровне типографии. Заботами монахов она была оборудована новейшими машинами, привезенными из Лейпцига. Естественно, что советская власть прежде всего вместе с церковными ценностями постаралась изъять это дорогое и редкое оборудование. Из-за имущества типографии даже возгорелся спор между Академией наук, которая хотела оставить ее за собой, и трестом «Киев-Печать». Лавра в этой борьбе приняла сторону Академии наук, которая и по своему духу, и по методам работы была ближе монастырю. Все же ряд машин, в частности так называемые «американки», были вывезены из Лавры. Архимандрит Филадельф, начальник лаврской типографии, тяжело переживал это печальное событие. Он оплакивал разорение типографии, точно это было его родное гнездо. Да и правду сказать, о. Филадельф бесконечно любил свое детище, знал типографскую работу и из-под его рук вышло не одно художественное издание этой типографии. Состав рабочих типографии во времена Лавры состоял преимущественно из монахов и послушников, но рядом с ними были и вольнонаемные специалисты. Все они, однако, работали любовно и дружно, и только при этих условиях типография, несмотря на всевозможные технические затруднения и при небольшом количестве рабочих, и в последнее время могла выпускать тщательно выполненные издания. Работа типографии была тесно связана с миссионерской деятельностью монастыря. В прежнее время эта последняя была очень широка и значительна, однако, в последние годы существования Лавры она постепенно замирала: не было подходящих для этой деятельности людей, уменьшилось количество богомольцев, да и материальные возможности сократились до крайности. Тем не менее и в мое время продолжала существовать должность лаврского миссионера. Конечно, это была внутренняя миссионерская деятельность, которая выражалась, главным образом, в произнесении проповедей, в религиозно-нравственных собеседованиях, а также в составлении брошюр и статей на эти темы. Кроме официальных миссионеров этой деятельностью занимались и другие монахи, однако для последних это не являлось основной функцией. Кроме весьма образованного и наделенного светлым умом миссионера о. Антония (о нем речь будет впереди), я живо вспоминаю проповедника-миссионера о. Вячеслава. Он не обладал большим образованием, но своим упорным трудом и работой над собой, своим самообразованием добился многого. Я представляю его всегда окруженным книгами, среди рукописей, постоянно что-либо штудирующим и делающим выписки. Его проповеди, как и проповеди о. Антония, слушались с особым вниманием и любовью.

К большим культурно-просветительским учреждениям Лавры, бесспорно, следует отнести две библиотеки. Одна из них старинная, составленная из книг на церковно-славянском и латинском языках, помещалась в здании колокольни Великой Лаврской церкви. Другая, вполне современная,

известная по имени ее основателя митрополита Флавиана, была расположена в особом здании. Эта библиотека и по своим прекрасным помещениям, читальным залам, и по оборудованию и по разнообразию и ценности находящихся в ней книг могла выдержать самую серьезную конкуренцию. Печатные каталоги ее содержали в себе не только названия церковных и религиозно-нравственных книг, но и трудов по всем отраслям знаний и литературы. Как мы уже отмечали, для обслуживания ее в Лавре состоял особый штат работников.

С именем митрополита Флавиана в Лавре связана и школа для детей. Она помещалась вне Лавры, имела несколько хорошо оборудованных классов и преданных делу и знающих педагогов. В школе обучались канонархи, митрополичьи певчие и приютские воспитанники (Лавра содержала на свой счет и детский приют). Воспитание детей в приюте было поставлено на высоком уровне, так что родители охотно отдавали своих сыновей в это учреждение. Религиозно настроенным людям к тому же было приятно, что их дети получают воспитание и образование в столь славной обители. И они не ошибались в своих предположениях. Мне не раз приходилось встречаться со взрослыми людьми, которые провели детство в Лавре, получили там свое воспитание и первоначальное образование. В большинстве своем это были люди честные и порядочные, сохранившие теплую память, признательность и привязанность к воспитавшей их Лавре.

6. БРАТИЯ ЛАВРЫ

Основная масса лаврской братии, не исключая соборян, состояла из людей простых. В монастырь шли по доброй воле, а не по принуждению и не из корыстных соображений. Как я мог выяснить из бесед с монахами, этих простых людей из крестьян и мещан влекли в монастырь, прежде всего, глубокая вера, религиозное чувство, мистический склад натуры. Толчком к принятию монашества чаще всего были жизненные потрясения, неудачи, разочарования, потеря любимого человека, неудачная любовь и т.д. В своей массе, быть может, это были люди с весьма малым образованием, но в большинстве случаев чистые сердцем. Здесь, прежде всего, я должен отметить честность и добросовестное отношение ко всякой порученной работе (не за страх, а за совесть), желание помочь ближнему, радушие, гостеприимство, отзывчивость. Впоследствии, встречаясь с людьми от мира сего и сравнивая тех и других, я заслуженно оценил прекрасные стороны души рядового инока. В ней было много какой-то детской простоты и весьма мало злобы, в среде лаврского монашества я чувствовал себя неизмеримо спокойнее, чем среди мирских людей. Правда, и в монастырской обстановке бывали иногда волнения; мятежные страсти проникали и в стены Лавры, однако это должно быть отнесено лишь к отдельным лицам и часто принимало весьма безобидную и наивную форму. Рассказывают, что в обязанности вратарей входило замечать, кто из монахов во время дежурства отлучался в город и в течение какого времени он отсутствовал. Передавали, что в распоряжении благочинного состоял штат лиц, которые наблюдали за благопристойностью поведения монашествующей братии и о каждом нарушении такового неукоснительно доводили до сведения благочинного. Рассказывали, что бывали случаи слежки за отдельными монахами во время всего их пребывания в городе. Конечно, бывали случаи отступления от правил монастырского целомудрия, нарушения правил морали, но, повторяю, эти случаи являлись единичными, и с ними энергично боролись.

К числу отрицательных черт монастырской жизни следует отнести отдельные случаи местничества, известного карьеризма или того, что на языке книжной церковной морали называется властолюбием. Многие в силу смирения сознательно избегали возвышения. Однако ложное самолюбие, стремление занять тот или иной пост, получить тот или иной сан, к сожалению, проявлялись среди некоторой части в остальном вполне нравственного монашества. Часто, вопреки принципу смирения, послушник стремился скорее добиться монашества, а затем получить

иеродиаконство, и после священство: иеромонах мог мечтать об игуменстве, архимандритстве, а там и о красных скрижалях, а, быть может, и о наместничестве. Что касается доступа к высшим степеням церковной иерархии, именно епископству, то таковой для простых монахов невозможен.

Мне не раз приходилось наблюдать эту непонятную, совершенно несовместимую с подчас прекрасной монашеской жизнью жажду повышения. Был ли это своеобразный примитивизм простого человека, который «от сохи» попал в обстановку чинопочитания, каждый, всеобщего сакраментального преклонения и стремился стать возможно ближе к центру этой величественной обстановки в ореоле блестящего облачения, возжжений, поклонов, лобызаний рук? Или, быть может, здесь имели значение материальные условия жизни? Каждый из братии от Лавры получал жалованье или, иначе говоря, известную часть «кружки», то есть лаврских доходов. Размер этого жалованья колебался в зависимости от материальных поступлений монастыря в тот или иной период и, конечно, в зависимости от положения того или иного лица.

Каков был круг интересов, занятия монашествующей братии? Значительную часть дня и ночи, естественно, занимала молитва, посещение церкви и выполнение основного послушания. Много времени уходило на то, чтобы обслужить себя. Правда, при Лавре проживало около 300 монахинь и послушниц, на обязанности которых лежала стирка и починка белья; однако за всем тем у каждого оставалось много домашней работы, которую должно было выполнить самому. Многие монахи, кроме того, занимались самообразованием, сами работали над собой. Это следует особенно отметить в отношении тех, которые готовили себя в проповедники или, как их называли в Лавре, миссионеры. У некоторых из монахов оказывались собственные библиотеки. Некоторое количество братии составляла лаврская интеллигенция. Кроме миссионеров, сюда следует отнести врачей, фельдшеров, юристов, землемеров, электротехников, инженеров, пчеловодов, агрономов, бывших офицеров армии и флота и т.д. Они выполняли свое послушание или в качестве (как и я) временно трудящихся, или в качестве монахов в разных санах.

Но Лавра была богата не только умственными, но и нравственными силами: добродетели лаврского иночества, безусловно, превышали его случайные недостатки. Вот, например, образец монашеского бескорыстия и альтруизма. Судьба готовила Лавре тяжкие испытания. На обитель надвигались преследование религии, голод, тиф и, наконец, ликвидация монастыря. Но, конечно, развязка наступила не сразу. Слишком велика была внутренняя сила обители, крепко стояли веками установившиеся традиции и не так-то легко было их сломать. Много жертв среди братии унес голодный тиф. Здесь-то и обнаружилась большая нравственная сила монашества и его нестяжательность. В самом деле, мы знаем, что в Лавре были скрыты величайшие материальные ценности. Одной панагии, осыпанной бриллиантами, было бы достаточно, чтобы прокормить всю братию в течение годов. Это, как мы узнали позже, можно было бы сделать без каких-либо неприятных официальных последствий, так как многие ценности оказались не зарегистрированными в списках ризницы. Кроме того, в руках наместника было множество драгоценностей, которые богомольцы при посещении Лавры охотно отдавали в дар монастырю. Их в виде колец, брошек, иконок, крестиков, сделанных из драгоценных металлов, обыкновенно вешали к чудотворной иконе Божией Матери (отчего они и назывались «привесками»), а потом, когда их накапливалось много, снимали. Тем не менее, братия предпочитала ограничивать себя до крайности в питании, снизив свой дневной рацион до минимума в 100 граммов хлеба, а эти ценности оставляла неприкосновенными. «Это не наши ценности, а Божией Матери», — обыкновенно говаривали они в ответ на высказанное удивление.

Не раз я слышал вопрос: «Случалось ли в Лавре пьянство?» За все свое пребывание в Лавре я никогда не встречал монаха в состоянии опьянения. Мне приходилось часто бывать в их обществе, я не раз вместе трапезовал с ними, случалось и пить вино, но все это происходило в рамках умеренности.

Пробным камнем нравственной стойкости мирозерцания человека, мне кажется, в известной мере, является момент его смерти, отношение к самому факту перехода в другой мир. В тяжелые годы

голода и тифа я частенько навешал лаврскую больницу и там имел возможность наблюдать, как спокойно умирают иноки. Внутренний мир, душевный покой монаха чрезвычайно ярко проявляются в эти минуты. Приучая и готовя себя всю жизнь к этому моменту, считая, что факт смерти является лишь осуществлением наших земных извечных желаний — скорее придти к Богу и соединиться с Ним, они смотрели на смерть, как на переход в лучшую жизнь. Отсюда-то, из этого мирозерцания и вытекало столь простое и спокойное отношение монаха к окончанию земной жизни. Я никогда не встречал у монахов, отходящих от сей жизни, чувства страха перед самим фактом смерти. Был скорее радостный трепет от скорой встречи со Всемогушим. За часы и минуты до смерти они вполне спокойно говорили об этом, прекрасно сознавая свой скорый конец. Многие, чтобы не доставлять другим хлопот, сами перед смертью готовили все необходимое для погребения. Многие, отходя ко сну, ложились в гроб. Говоришь с монахом утром. Он спокойно рассуждает, а, смотришь, к обеду, он уже и преставился. И это спокойствие происходит не от отсутствия представления о скорой кончине, а, наоборот, вследствие твердой уверенности в том, что приближается светлый миг конца земной юдоли и перехода в другую, радостную жизнь. Все распоряжения на случай смерти сделаны. Да их в сущности и немного, так как все скудное имущество монаха пойдет в общую пользу монастыря и будет роздано нуждающейся братии. Остается лишь проститься, попросить прощения и святых молитв. Да и прощание это звучит не мрачно, не трагически, а скорее радостно, как слова: «До скорого и счастливого свидания там, где все мы будем». Зайдешь в больницу после обеда, смотришь, а твой недавний собеседник уже лежит бездыханный со скрещенными руками на груди. Также и у окружающих смерть в монастыре не вызывала эмоций страха и ужаса. На этот факт смотрели как на явление освобождения самого ценного в человеке, его души, от тленной тягостной оболочки. О смерти священнослужителя в монастыре узнавали по звону в большой лаврской колокол: так, по смерти иеродиакона звонили шесть раз, по смерти иеромонаха девять раз и по смерти архимандрита — двенадцать. По облачении монаха в мантию, его торжественно отпевали в храме. Обычно пел великоцерковный хор, тепло и умирительно. Пели с канонархами. Особенно меня трогала стихира: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...» В поминальные дни обыкновенно служили: накануне — парастасы, а в самые дни — заупокойные литургии. Как я уже отмечал, монахов и послушников хоронили на Преображенском кладбище, а наместников — на Дальних Пещерах.

Среди монахов и в мое время были большие подвижники. Так, славился своей прозорливостью большой аскет и молитвенник иеромонах Алексей. Представляю себе живо и схиеромонаха Вассиана, духовника наместника Лавры Климента. Он по внешнему виду был необыкновенно суров. Худой, высокий, слегка сгорбленный, всегда облаченный в схимнический куколь (вместо монашеского клобука) и мантию, во время богослужений он стоял где-либо в углу храма в «формах» и как-то исподлобья смотрел на окружающее. Из-под нависших низко бровей глядели черные блестящие глаза. Среди подвигов иноков, которые меня всегда поражали своей тяжестью, суровостью (молчальники, затворники), исключительно трудным мне казался подвиг юродства. Принявший его на себя не только побеждал, как, например, постники, свою плоть, но в первую очередь укрощал свой дух, гордый и самолюбивый. Человеку свойственно стремление казаться в глазах других людей возможно лучше, умнее, красивее. Большинство людей обыкновенно страстно желают стать хотя бы на один сантиметр выше, чем они на самом деле есть. Мы одеваемся в то, что нам «к лицу», мы стараемся сделать лучшую прическу, чтобы показаться интереснее, мы стремимся получше занимать своих гостей, говорить возможно увлекательнее, чтобы про нас сказали, что мы умные интересные люди, мы стараемся лучше танцевать, петь, играть, вести себя в жизни, словом, делаем все, чтобы очаровать других. Против этого-то горделивого человеческого «я», против свойства человека казаться лучше, чем он есть, и во всяком случае показать свои достоинства возможно выгоднее, восстает юродивый. Для победы над своим горделивым духом он избирает весьма тяжелый путь: во внешнем мире, в обществе он ведет себя так, чтобы другие люди думали, что он хуже, чем есть на самом деле.

что он глуп, неловок, мелочен и т.д. Рубише вместо хорошей одежды; беспорядок во внешнем виде вместо аккуратности и прилаженности; вызывающие смех мимика, ужимки вместо прихорашивания и позы; громко сказанная нелепость вместо разумной фразы. И все это часто при блестящем пронизательном уме и при глубоком сознании, что подобное поведение с точки зрения окружающих и неловко, и постыдно, и неприятно. Ведь как раз юродивые являлись людьми незаурядного ума, светлого рассудка, с тонко развитой интуицией и чутьем. Их поступки, их слова были далеко не так безумны, какими они казались с первого взгляда, и часто в резкой форме возвещали людям правду. Среди потока, казалось, пустых слов, в личине грубой фразы они часто смело изрекали истину, не считаясь ни с положением лица, ни с последствиями. Прикрываясь иногда с первого взгляда нелепой шуткой, они учили людей морали, предсказывали события и т.д. Я не застал в Лавре юродивых, однако, память о них сохранялась. Так, много интересного рассказывали современники о лаврском Христа ради юродивом Феофиле. Одной из его странностей было ездить обыкновенно на бычке в маленькой повозочке, причем он всегда садился задом на перед, спиной к бычку, бычок прекрасно слушался его голоса и вез его туда, куда указывал его хозяин. Похоронен этот юродивый под скромной плитой на Китаевском кладбище рядом с подвижницей Досифей-девицей.

В последнее перед закрытием Лавры время, когда она переносила самые тяжкие гонения и лишения, наблюдалась большая тяга в монашество со стороны интеллигенции. Когда она уже дышала на ладан, и положение каждого монаха являлось очень трагичным, в число братии Лавры вновь вступили многие интеллигентные образованные люди: врачи, юристы и т.д. Во всяком случае пострижение в монашество в те тяжкие для монастыря дни граничило с нравственным героизмом, подвигом.

Каждый монах, желающий поступить в Лавру, должен был пройти известный искуc и стаж. Прежде всего такой кандидат должен был подать на имя Духовного Собора Лавры прошение о зачислении его в число временнотрудящихся. Это еще не давало ему положения послушника, и он не имел еще права носить подрясник. Его зачисляли на ту или иную работу в зависимости от способностей, знаний и образования. Через некоторое время в зависимости от выполнения послушания, проявленных способностей и усердия его принимали в число собственно братии в качестве послушника. С этого момента давалось право носить подрясник, кожаный монастырский пояс и скуфью. Если новый послушник сам не имел возможности все это приобрести, то ему выдавали необходимые предметы из монастырского склада, где хранились вещи умерших монахов. Я как-то раз был в этом складе. Я увидел там белье, лампы, диваны, книги, умывальники, и, главное, большое количество икон. Как известно, монахи, кроме состоящих в епископском сане, не могли передавать свое имущество по наследству, и оно, как выморочное, переходило к монастырю. Здесь оно хранилось и по мере надобности выдавалось наиболее нуждающимся из братии. Через некоторое время пребывания в монастыре послушника могли постричь в рясофор, причем рясофор давал право носить рясу и клобук. В прежнее время это было сопряжено с изменением имени постригаемого. Тем не менее это положение рясофорного послушника еще не означало пострижение его в монашество. После определенного промежутка времени, в течение которого к послушнику присматривались и оценивали его как будущего монаха, он, наконец, согласно своему прошению, был постригаем в монашество. В былые времена существования Лавры при наместнике Клименте все эти степени монастырского послушания проходились довольно быстро. Иначе было в прежнее время. Прежде всего, не так-то легко было поступить в столь славную обитель, как Киево-Печерская Лавра. Да и дальнейшее продвижение по ступеням монастырской иерархии происходило весьма медленно. Много лет должен был потрудиться послушник, чтобы удостоиться монашеского пострига.

Высшей степенью монашеской жизни являлась схима. Схимой завершалось земное пребывание человека. При постриге в монашество и в схиму имя обязательно менялось. В прежнее время старались дать имя с той же начальной буквы, что и имя, данное при крещении. Впоследствии же этого правила

не придерживались. Таким образом, на надгробных плитах, которые мне приходилось видеть на монастырском кладбище, часто можно было прочесть надпись, вроде следующей: «Здесь покоится прах поручика Ивана Шишкова, в рясофоре Иоанникия, в монашестве Исаии, в схиме Иезекииля...»

Каждый послушник, вступая на путь усовершенствования в стенах обители, должен был выбрать себе духовника, который являлся бы в дальнейшей его жизни духовным отцом и руководителем. В монастыре понятие «духовник» совпадало с понятием «старец». Каждый шаг жизни в монастыре для послушника, а затем монаха, должен был быть освящен благословением духовника. Характерно, что на прошении в Духовный Собор о принятии монашества, пострига, в случае благоприятной резолюции обыкновенно писали «К духовнику», что было равносильно разрешению на постриг. Обет послушания символизируется при постриге весьма образно, когда постригающий трижды бросает ножницы и постригаемый трижды поднимает их. Также и впоследствии, что скажет старец, является законом и должно быть выполнено немедленно. Правда, первое время такое послушание давалось нелегко, трудно было побороть в себе дух независимости, гордости и критики. Зато впоследствии жизнь текла поразительно легко. Никакие сомнения не тревожили душу. Сознание, что разумная воля старца руководит поведением и ведет лучшими путями к лучшим целям, вносило в душу покой и равновесие: все было ясно, определено. Послушание было магическим словом в Лавре. «За послушание» совершались подвиги, самые трудные задачи. Помню, как мне и иеродиакону Вуколу от наместника Лавры было дано поручение во время обстрела Лавры и Печерска пройти в город и выполнить важное хозяйственное дело. Мы шли буквально под градом пуль и снарядов. Они ложились около нас совсем близко, и приходилось постоянно падать на землю, чтобы не погибнуть. Однако мы благополучно сходили в город и успешно выполнили данное поручение. Сделали это мы вполне спокойно, уверенно, так как цель наша была не личная, а монастырская, и шли мы не по своей воле, а «за послушание». Помню, что и другим монахам давали иногда весьма трудные и рискованные поручения и, когда они выражали сомнение в выполнимости такого поручения, то им обыкновенно отвечали: «Ничего, ничего, ведь это за послушание». И против такого аргумента возражать было в стенах обители нечего. Шли и точно исполняли приказ.

Обряд пострижения поражал своей содержательностью и торжественной красотой. После исповеди кандидата в монахи у духовника назначался день пострига. Постриг совершался в одном из подземных храмов на Дальних Пещерах наместником Лавры при участии митрополичьего хора. Богомольцы обычно на постриг не допускались. Присутствовали лишь братия, духовник-старец постригаемого и иногда родственники его. Еще при входе в Пещеры слышались приглушенные далекие звуки пения. Без свечи, ориентируясь на несущееся навстречу пение, я шел по темным, узким коридорам подземелья. Вот из мрака появляются мерцающие огоньки свеч. Это подземный храм преподобных Антония и Феодосия. Справа стоит митрополичий хор, заполняя почти половину церковки. Посредине аналой. На нем Евангелие. Перед аналоем — в полном облачении наместник Лавры. В храме невероятно темно. Горящие свечи не в состоянии рассеять мрака, сгустившегося по углам и в коридорах подземелья, которые расходятся в разные стороны от церкви. Монахи в мантиях. Где же постригаемый? Из мрака темной кельи преподобного Антония, примыкающей к храму, старец схимник в куколке и черной мантии с расписанными белыми красками символами страданий Спасителя и словами «Святой Боже...», покрывая своей мантией, выводит новопостригаемого, имеющего на себе только власяницу, в знак того, что пришел он сюда «и наг, и бден».

Митрополичий хор поет заунывные, печальные погребальные песнопения, ибо сейчас человек умирает и затем облачается как бы в новое естество. Во имя Христа он отказывается и от родителей, и от всех близких. Часто, если в это время находились в храме родственники, слышался плач об утраченном мирском человеке. Наместник читает Евангелие. Совершается постриг. Трижды обрезывает наместник волосы новопостригаемого ножницами и трижды бросает их на пол. Трижды постригаемый на приказ: «Подними ножницы и подаждь ми я» поднимает их в знак полного

послушания и покорности, этой главной обязанности инок. Постепенно на постригаемого возлагают параман, подрясник, пояс, рясу, мантию, клобук и в руки дают четки. Новый монах родился. По прежнему монастырскому уставу он должен провести, не выходя из храма, сорок дней и ночей в молитве и посте. Не может он уже и снимать парамана. Должен объяснить читателю, что параман также один из символов монастырского достоинства и обетов. Он представляет собой Крест и Плащаницу, соединенные крестообразно тесьмой или лентами. Крест носится на груди, а плащаница на спине. В прежние времена и крест и плащаница делались из массивного куска железа, а скрепления — из тяжелых цепей. Это было действительно ношение креста на плечах. От времени и тяжести цепи глубоко врезались и врастали в человеческое тело, но подвижники терпеливо для умерщвления плоти продолжали нести этот искуc. Такие параманы и сейчас можно видеть в ризницах древних монастырей и в музеях. Времена изменились, и тяжелое испытание превратилось в эмблему. Когда я серьезно подумывал о поступлении в монашество, то епископ Алексей преподнес мне параман, состоящий из легкого кипарисового креста и небольшой, вышитой на шелке Плащаницы, соединенных нежными голубыми шелковыми лентами.

Монастырский устав выдвигает ряд строгих требований, касающихся распорядка монастырской жизни, и эти требования должны неукоснительно выполняться как самими монахами, так и богомольцами. Недаром существует народная пословица, что в «чужой монастырь со своим уставом не ходят». Прежде всего устав Лавры являлся уставом мужского общежительного монастыря, и женщины допускались на территорию Лавры лишь в качестве богомолок. Это правило точно соблюдалось до последнего времени. Однако ряд хозяйственных работ, как, например, посадка и окопка овощей, стирка и чинка белья, уход за коровами и т.д. требовал женского труда. С другой стороны, у множества женщин было неудержимое, страстное желание потрудиться для величайшей святыни. Поэтому было разрешено проживать послушницам и монахиням вне стен Лавры, но вблизи нее. Так образовались группы тружениц на пользу обители на хозяйственных дворах при пустынях. Также и в лаврской гостинице был создан целый поселок-общежитие для этих женщин. Они представляли собой как бы женский монастырь. Среди них были послушницы, но были и монахини. Подчинялись они начальству Лавры. Оно же разрешало вопрос о пострижении послушниц в монашество. Это были очень верующие и преданные обители женщины. Они горячо отстаивали интересы обители и готовы были за них пострадать. Особенно ощутима была их помощь в тяжелые для Лавры времена. Я вспоминаю героические поступки некоторых послушниц и монахинь, которые жертвовали собой, чтобы спасти лаврское достояние. Когда для защиты Лавры были созданы соответствующие общины, этот женский персонал принимал в них самое горячее участие и своим присутствием создавал впечатление, что эти общины носят характер светских организаций. Сестры-коровницы, для того чтобы спасти от учета и реквизиции последних лаврских коров, которые поили молоком больных и старых, выдавали себя за собственниц этих коров, по ночам перегоняли их из одного места в другое, часто на расстояние многих километров и т.д. Вблизи Киева была расположена живописная Китаевская пустынь, принадлежащая Лавре, со старинной церковью конца двенадцатого столетия. Около монастыря возвышалась Китай-гора, откуда и произошло название самой пустыни. С этой горой связана легенда. По преданию, однажды в царствование императрицы Анны Иоанновны в Лавру пришла скромная молодая девица и обратилась к наместнику с горячей просьбой о принятии ее в число послушниц обители. Послужить величайшей святыне было заветной мечтой юной женщины. Ввиду отсутствия свободных вакансий наместник был вынужден отказать в ее просьбе. Однако, подчиняясь огромному душевному влечению, девушка несколько раз повторяла свою просьбу. Все попытки ее поступить в Лавру оставались не менее безуспешными. Вскоре после этого девушка исчезла. Через долгое время прошел слух, что на Китай-горе появился скит, который вскоре приобрел заслуженную славу. Во главе скита стоял подвижник Досифей. Жил он в строгом посте и молитве. Около него собралось еще двенадцать старцев, спасающих свою душу. Монастырь размещался под землей, внутри горы. Каждый старец рыл себе келью. Эти кельи и подземные коридоры хорошо

сохранились и до сего времени и доступны для посещения и осмотра, хотя, будучи не облицованы, они представляют собой известную опасность обвала. Слава о подвигах руководителя скита и его обитателей распространилась настолько широко, что, по преданию, сама императрица в бытность свою в Киеве посетила скит и приняла от старца благословение.

Умер старец. Его нашли лежащим на земле кельи с запиской, в которой он просил не предавать его тела после смерти обычному омовению. Когда братия скита пожелала все же выполнить традицию и разоблачила старца, то к удивлению своему увидела, что старец Досифей был женщиной. Предание говорит, что этот старец и был той девушкой, которая так много раз безуспешно пыталась поступить в Лавру. Получив от наместника отказ, она не оставила своей мечты трудиться около Лавры и выполнила ее в столь необычной, хотя и известной из истории церкви форме. Так и похоронена она в ограде Китаевской пустыни под именем Досифей-девицы. На скромной могильной плите с голубой каймой значится лаконическая надпись: «Здесь покоится прах Досифея-девицы»...

Запрещение женщинам жить на территории Лавры продолжало существовать до последнего времени, и строгость эта не ослабевала. В восемь часов вечера Святые ворота Лавры закрывались на запор и, как правило, вход и выход из монастыря не дозволялся. Никто из посторонних людей, не принадлежащих к числу лаврской братии, не вправе был оставаться на ночь. В восемь часов закрывались на запор и ворота, ведущие из гостиницы в Лавру. Часов до 9-10 оставались открытыми лишь Экономические ворота, но проезд и проход через них сопровождался строгим контролем. Таким образом, с этого времени Лавра оказывалась вполне изолированной от всего внешнего мира. Тогда Лавра начинала жить своей особой монастырской жизнью. Исчезали шляпы, котелки, кепи, платки, фуражки. На улицах Лавры, перед храмами и домами можно было видеть лишь черные фигуры монахов и послушников в рясах, подрясниках и скуфьях. Кто спешил из церкви, чтобы скорее приготовить себе скромный ужин, кто уже после вечерней трапезы вышел перед сном подышать свежим воздухом и побеседовать с соседом. Слышался сдержанный говор. Кругом царил покой и монастырская тишина. При встрече с иеромонахами, игуменом или архимандритом черные фигуры наклонялись до земли и подходили под благословение. Темнело... Все меньше и меньше движения в Лавре. Все спешат к домашней вечерней молитве, чтобы затем отдохнуть после дня послушаний до ранней утренней молитвы.

Исключения из общего правила о недопустимости пребывания ночью светских лиц в стенах Лавры случались лишь в великие праздники, когда Лавра и ночью не переставала жить церковной жизнью. Так было, например, накануне праздника Успения.

Мы уже имели возможность рассказать об убогих кельях вратарей и сравнительно обширных и комфортабельных помещениях благочиннического корпуса. Конечно, это крайние примеры; между ними лежала вся масса средних келий, в которых жила рядовая братия монастыря. Как правило, каждый из братии имел отдельную комнату. Однако от этого было много отклонений. Ввиду недостатка помещений временноотрабатывающиеся, послушники и даже монахи жили совместно по несколько человек в комнате. Иеродиаконья, иеромонахи, высшие лаврские лица, а также схимники пользовались изолированными комнатами. Впоследствии, когда население Лавры поредело, почти все члены лаврской братии жили в отдельных комнатах. Что же касается послушников и монахов на хуторах, то они жили очень скученно, и общежитие там было не редкостью. Начальники ведомств, архимандриты, соборные старцы, как правило, занимали две, а то и три комнаты, не считая помещения для келейника. Впрочем, архимандрит Николай, начальник библиотек иеромонах Ипполит и некоторые другие занимали только по одной скромной комнатке. Основное убранство кельи составляли: икона, аналой, диван или кровать («койка»), шкафчик для посуды, стол, стулья, рукомойник. Этот минимум домашней обстановки в зависимости от сана, положения того или иного монаха, расширялся: прибавлялось зеркало, письменный стол, настольная лампа, кресло, стенные часы, шкаф для книг, гардероб и т.д. На стене обыкновенно висели рясы, подрясники, клобук, скуфья,

четки. Иногда все это помещалось в специальный платяной шкаф. На окнах висели занавески, иногда стояли цветы. Во всяком случае и у высшего начальства обстановка не отличалась особым комфортом и богатством. У некоторых монахов, любителей пения, стояла фисгармония.

Даже в больших кельях, которые, например, находились в благочинническом корпусе и состояли из четырех комнат, плит для варки пищи не полагалось. Правда, всюду в больших кафельных печах были устроены духовки, однако, для варки они были не особенно удобны, так что, например, я в своей келье сложил себе собственную печь. Объясняется это тем, что в прежнее время монахи не приготавливали себе пищи дома, а пользовались лаврской кухней и трапезной. Подогреть же какое-либо блюдо, взятое от монастырского стола, можно было, особенно в зимнее время, когда печи топились, и в духовке. В мое время, когда лаврская трапеза становилась все более убогой, почти все монахи обзавелись разнообразными железными печурками, которые, требуя мало дров, вместе с тем быстро согревали помещения и были удобны для варки пищи. Последнее время в Лавре в большой моде были так называемые углевики, которые действовали без трубы на древесном угле. В летнее время прибежит монах на кафизмах или в конце богослужения домой, выставит такую углевку перед дверями кельи, быстро разожжет лучинкой, поставит на углевку вариться какое-либо неприхотливое и несложное блюдо, а сам снова побежит в церковь. Для того чтобы облегчить заботы по приготовлению пищи, бывало, два-три монаха объединяются, и один из них или же по очереди варят супы, подваривают борщи и т.д. для остальных. Стряпня была в высшей степени несложная, дальше жареного картофеля и очень редко рыбы монашеская кулинария не шла. Однако все приготовленное монахами меня поражало отменными вкусовыми качествами. Самым излюбленным жиром, на котором приготавливались все эти блюда, было подсолнечное масло, а за неимением такового, всякого рода другие растительные жиры. Для подобной домашней кухни каждый монах старался иметь скромный запас картофеля, муки (для галушек), масла и лука. Однако в те тяжелые годы далеко не все могли позволить себе роскошь такого добавочного питания. Перед едой и после еды обыкновенно молились («Ядят убозии и насытятся...», «Слава Отцу...») и благословляли трапезу, причем делал это старший из присутствующих монахов. Достать продукты в последнее время было нелегко. Иногда монахи получали кое-что из съестного от благодарных богомольцев, часто ходили на заработки, меняли кое-что из вещей в деревне, а то на время отправлялись «на приход». Последнее было доступно лишь инокам в сане иеромонаха, так как лишь они могли совершать требы. Обыкновенно в Лавру приезжали крестьяне с просьбой «дать батюшку», так как их приход без священника. Наместник намечал кандидата и предлагал ему ехать в то или иное село. Кандидат обыкновенно охотно соглашался — таким образом разрешался вопрос с питанием. Лавра, вернее братия, от такого назначения также оставалась в выигрыше, так как часть получаемых от крестьян за выполняемую работу продуктов иеромонах отсылал в свою обитель. Ввиду затруднительного в последнее время положения с питанием подобная практика посылки иеромонахов «на приход» применялась довольно широко. В большие праздники, как, например, на Пасху, Рождество, Новый год, к светским людям, имеющим отношение к Лавре, полагалось ходить с праздничными поздравлениями. Здесь нужно было проявить много такта, чтобы не пропустить никого и обойти с визитом всех, кого полагалось. Предварительно с большим вниманием составлялся список необходимых посещений.

В монастырском обиходе был принят определенный этикет, которого старались точно придерживаться. Так, при посещении кого-либо из монашествующих следовало стучать в дверь, произнося слова «молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас», на что следовал ответ «аминь», что равносильно приглашению «войдите». При обращении к кому-либо старшему с просьбой необходимо было говорить «благословите». Обращаясь к епископу, следовало говорить «Владыко святой». При прощальных приветствиях, а также в письмах к духовным лицам неудобно было «передавать приветы», «передавать поклоны», а следовало говорить или писать: «Прошу Ваших святых молитв». Благодаря за что-либо, вместо спасибо говорилось «спаси Господи». При встрече с иеромонахами и монашествующими лицами высшего сана надлежало подходить под

благословение, причем послушники обыкновенно касались одной рукой земли, что означало малый земной поклон, а затем целовали руку благословляющего. Если же отношения носили дружеский характер, то после целования руки следовало троекратное лобзание, а затем снова целование руки. Лица, имевшие иерейский сан, приветствовали друг друга троекратным лобызанием, целуя затем друг другу руки. Для этого они при приветствии держали руку в руке. Когда для дачи юридических заключений я приходил в Духовный Собор, то мне приходилось совершать ритуал принятия благословения с троекратным лобызанием лица и последующим новым целованием руки более 10-15 раз, так как все члены Собора состояли в соответствующем сани. Это занимало несколько минут, так что на это время заседание Собора прекращалось.

7. ГАЛЕРЕЯ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ПОРТРЕТОВ

Одной из самых светлых личностей среди иноков Киево-Печерской Лавры был, бесспорно, архимандрит Димитриан, еkkлесиарх Лавры. В своем управлении лаврский еkkлесиарх имел большое ведомство, называемое поэтому еkkлесиаршим. Сюда, кроме всех церквей, входили ризницы, свечной завод и склад, позолотная, ювелирная, пошивочная мастерские. В подчинении еkkлесиарха находились начальники этих мастерских, ризничий со штатом пономарей. Послушание еkkлесиарха было весьма трудным, сложным и ответственным. В его руках находились огромные богатства Лавры, все ценности ризниц, и в то трудное время в его обязанности входила сохранность их, кроме того, требовалось вовремя подготовить соответствующее облачение к непрерывно совершавшимся богослужениям (часто архиерейским), снабдить храмы свечами, вином, ладаном в то время, когда все это достать, казалось, было невозможно, следить за починкой облачений и т.д.

Внешность о. Димитриана была в высшей степени величавой и сама располагала к себе. Представьте высокого стройного старца с прекрасными ласковыми, горящими каким-то нежным светом глазами, с длинными слегка вьющимися серебряными сединами, оттенявшими благородный овал лица. Его черты были необыкновенно строги, гармоничны и в то же время мягки. У всех, кто встречался с ним, оставалась надолго в душе память о милом, ласковом о. Димитриане. Подчиненные его ведомства любили его, хотя с ними он был справедливо строг. Его суровость и строгость были лишь внешними. За его суровым словом и взглядом уже ласкала провинившегося душевная теплота. Его побаивались, но и любили. Все хорошо знали, что, когда было нужно, о. архимандрит шел навстречу. Очень требовательный к самому себе, он был снисходителен к другим. Он неудержимо привлекал к себе светских людей, мирян, понимая чужое горе, чужие недостатки и страсти и охотно прощая свои личные обиды. Иногда это качество в еkkлесиархе меня просто поражало. Он понимал, насколько труден и тернист путь ко спасению и как тяжело человеку пройти его среди мирских страстей и невзгод. По складу своего характера и ума он был весьма романтичен, глубоко чувствовал и понимал природу. Он был страстным пчеловодом. В часы своего короткого досуга сам копался в саду, ухаживал за пчелами, садил цветы. Он прекрасно пел и читал: не резко, не громко, проникновенно приятным тенором. Тонко чувствуя музыку, он не раз объяснял мне, какие бывают соловьи, как они по-разному поют. Много слушал я интересных рассказов о. еkkлесиарха и о жизни пчел, какие бывают пчелы, как они собирают мед, какие бывают сорта меда и т.д. Эту романтику, я думаю, родила и взлелеяла в о. еkkлесиархе Глинская пустынь, воспитанником коей он был на заре своей молодости. Почти всю свою дальнейшую жизнь о. Димитриан провел в Лавре. Он горячо любил обитель, нес туда все свои силы, самоотверженно и безукоризненно честно. Его принципиальность в этом отношении доходила до крайности. Так, несмотря на наше близкое знакомство и невзирая на мои неоднократные убедительные просьбы, он ни разу не показал мне ризницы. В таких случаях он становился как-то суровее и строже. Создавалось впечатление, что он недоволен даже подобными просьбами. Бывало, гостеприимно угощает вином и тотчас же приговаривает: «Не думайте, дорогой, что я угощаю Вас церковным вином. Это я сам из своей вишни и из своего сахару сделал. Не правда

ли, хорошо?» И, действительно, вино его приготовления было необыкновенно тонким на вкус и крепким, почти не отличаясь от настоящего вина.

Когда-то у меня был старый друг доктор Петр Георгиевич Коломойцев. В свое время он меня лечил. Впоследствии мы встретились с ним, когда я был уже юрисконсульт в Лавре. Он чувствовал себя очень плохо: у него была неизлечимая болезнь почек, и дни его были сочтены. Будучи человеком религиозным, он перед своей смертью хотел стать ближе к Церкви. Посещая меня в Лавре, он познакомился с о. еkkлесиархом. Задушевные беседы о. архимандрита, его ласковое слово и радушный прием произвели сильное впечатление на больного, и он всей душой привязался к нему. Со своей стороны и о. Димитриан делал все возможное, чтобы скрасить последние дни жизни доктора. Он навещал его на дому, носил ему вино, сушеные фрукты и прочие гостинцы, утешал и ободрял его. Наконец, он напутствовал умирающего доктора в вечную жизнь. Перед смертью доктор обратился с просьбой, чтобы о. еkkлесиарх его и хоронил. Когда доктор умер, о. еkkлесиарх, несмотря на свое недомогание, решил выполнить волю покойного — лично отпевать и проводить его к месту упокоения. Стояла оттепель, шел дождь, дул пронизывающий ветер. Около четырех километров шел он под дождем и по гололедице в течение нескольких часов, и, возвратясь после погребения домой, почувствовал приступы сильнейшей лихорадки, у него начался грипп. Его, очевидно, продуло, когда он возвращался на машине. Вскоре к этой болезни присоединился тиф. Это были дни невероятных страданий о. еkkлесиарха, которые он стойко переносил. Он не хотел умирать, чувствуя, что еще нужен на этой земле, что в его работе его некем заменить, что он может сделать еще много добра людям. Около полудня, совсем не в урочное время, когда в Лавре уже нет никаких богослужений, вдруг торжественно прозвучал гул большого колокола. Он ударил двенадцать раз — скончался архимандрит. Через несколько минут мне сообщили о смерти о. Димитриана. Как исключение его разрешили похоронить на Дальних пещерах, рядом с наместниками Лавры.

В Лавре еще в мое время проживало довольно много детей, конечно мужского пола. Хотя лаврский приют уже перестал существовать, однако, еще оставалось 20 мальчиков — певчих митрополичьего хора, восемь канонархов при Великой церкви и два канонарха при Ближних Пещерах. Жили они тремя группами под наблюдением специальных смотрителей. Эти обязанности, особенно для монаха, были очень хлопотливы. Дети были в возрасте от 10 до 16 лет. Нужно было позаботиться об их питании, одежде и обуви; вовремя послать их за обедом и ужином, за чаем и хлебом, «подварить» им суп или борщ; похлопотать, чтобы им дали сапоги, подряски, белье, пояса, чтобы все это было своевременно починено, заштопано, вымыто, чтобы сами мальчики ходили чистыми и причесанными и т.д. Смотритель отвечал за своевременную явку детей в их очередь в церковь. Отсутствие одного из них, особенно канонарха, сразу обращало внимание и братии, и начальства. Нужно было следить, чтобы канонархи не проспали утреню, своевременно встать, чтобы разбудить детей. Нужно следить за поведением шаловливых мальчиков. Следить за тем, чтобы они вовремя легли спать, не ссорились, учились и т.д. В случае ссор смотритель превращался в третейского судью и разбирал их недоразумения. Но ведь следовало и самого себя обслужить, приготовить хотя бы скромную еду, помыть, сшить, прибрать и т.д. Кроме того, смотритель выполнял обыкновенно еще и свое монашеское послушание. Так, например, и о. Аггей, и о. Леонид, и о. Закхей (смотрители) пели на клиросе, а о. Леонид был еще и подуставщиком. Священнослужители вдобавок «занимали седмицу» в свою очередь, когда «закажет» «нарядчик», ведущий график служений. Смотрителем канонархов при Великой церкви состоял иеродьякон, впоследствии иеромонах о. Леонид. Я живо представляю убогую обстановку кельи о. Леонида. Против входа — аналой с иконами и лампадой, справа на гвоздике ряса и клобук, налево простая деревянная кровать, широкий монастырского типа диван, стол, покрытый скатертью, несколько черных венских стульев. На полу скромный коврик. К келье примыкала небольшая передняя, которая служила о. Леониду кухней. Там стоял стол, углевка (род печки) и стеклянный полушкаф-буфет. Отец Леонид жил более чем скромно. В Лавре каждый монах имел «поминование», т.е. список близких и знакомых, которых он вспоминал в молитвах. Эти поминания

представляли собой или книжки, или наклеенные на картон листки бумаги. Писали поминания от руки, однако, старались изобразить буквы печатью или, как говорили, «печатали», то есть писали славянскими буквами или славянской вязью, причем первые заглавные буквы выводились красной тушью, а последующие — черной. Получалось четко и красиво. В Лавре были большие мастера, умевшие делать это с великим искусством. За это они получали скромное вознаграждение, которое, кажется, рассчитывалось от печатной буквы. Впрочем, часто это делали, как выражались монахи, и «за спаси Господи», то есть бесплатно или же в ответ на какую-либо другую услугу, угощение галушками, кашей и т.д. Отец Леонид был великий специалист «печатания» славянской вязью, и этот побочный заработок поддерживал его.

Я познакомился с о. Леонидом, когда он был еще в сане иеродиакона. Стать иеромонахом было его сокровенной мечтой. Пусть не думает читатель, что в этих стремлениях действующей пружиной было корыстолюбие или честолюбие. Нет. Прежде всего с саном иерея была связана великая радость молиться за всех близких и за себя лично, совершая проскомидию, творя самостоятельную иерейскую молитву. Впоследствии, когда Лавра была ликвидирована, действительно сан иеромонаха помогал устроиться в жизни. Дело в том, что на селах ввиду недостатка священников охотно принимали монахов в иерейском сане, которые предъявляли незначительные требования и служили с особым усердием. За это они получали кров и кусок хлеба. Какая была радость, когда стало известно, что о. Леонид возводится в сан иеромонаха. Начались вполне понятные волнения и хлопоты. Прежде всего нужно было купить нагрудный иерейский крест, епитрахиль, служебник, требник и т.д. Правда, в затруднительных случаях навстречу шел благочинный и выдавал необходимые предметы из склада выморочного монашеского имущества. Кроме того, нужно было выучиться и чину богослужения, присмотреться к совершению треб и т.д. для того, чтобы впоследствии самостоятельно служить в храме. После возведения архиереем монаха в иеродиакона или иеродиакона в сан иеромонаха, они должны были совершать полный цикл богослужений, то есть вечерни, утрени и литургию в течение сорока дней сначала в Великой церкви, а затем в митрополичьей. Это были страдные, но и радостные дни для нововозведенного. Отец Леонид, наконец, иеромонах. На его груди блестит серебряный иерейский крест. Я подхожу впервые к нему под благословение, хочу поцеловать его руку. Он конфузится и обнимает меня.

Между Ближними и Дальними Пещерами расстилается парк. В этом парке, затерявшись среди зелени высоких деревьев, стоял маленький домик. В нем было всего две кельи, да в полуподвальном помещении также нечто вроде двух комнатушек. Тут жил в то время (1918-1919) смотритель канонархов Ближних Пещер о. Аггей. Квартира состояла из двух комнат: в первой жили два канонарха, а во второй сам о. Аггей. Убранство кельи было убогое: в комнате канонархов висела икона, стоял диван, стол, стулья и две кровати. В келье о. Аггея кроме кровати и монастырского дивана стояли маленькая фисгармония, стол и 2-3 стула. В переднем углу, конечно, висел киот с образами. Из кельи в сад вело деревянное крылечко с маленьким навесом и несколькими ступеньками. Непосредственно около домика росли груши, яблони, сливы и рябины. Домик стоял сравнительно недалеко от южной стены Лавры, выходящей на Днепр, и с крылечка сквозь листву деревьев можно было видеть, как блистала своими струями река. Даже в самую знойную погоду здесь не было жарко, так как от солнца укрывали листья деревьев и зной воздуха умеряла прохлада близкой реки. Это было единственное место, где еще можно было спать сравнительно спокойно: сюда еще не добрались с обысками, арестами, осмотрами и т.д. Хорошо размеренная, веками установившаяся жизнь по инерции все так же покойно катилась дальше. Митрополичий хор занимал специальный дом, расположенный в небольшом дворике с правой стороны от Святых ворот. Дом имел два этажа. В нижнем помещались классные комнаты, певочные и келья смотрителя. Во втором этаже жили певчие. Помещения были обширные и соответствовали всем правилам гигиены. Смотрителем митрополичьих певчих в мое время был монах (впоследствии иеромонах) Закхей, страдавший туберкулезом легких. Данное ему послушание для него было нелегко, однако он безропотно нес его и всеми силами старался

содействовать благосостоянию митрополичьего хора. В прежнее время, при полном изобилии в Лавре, вопросы питания, снабжения одеждой, обувью и т.д. не представлялись сложными: все было привезено и принесено, смотрителю оставалось только вовремя распорядиться. Да и сам митрополит не оставлял своих певчих и проявлял о них заботу. В тяжелое же время, когда смотрителем певчих был о. Закхей, все эти вопросы выростали в большую трудноразрешимую проблему. Тем более, что о. Закхей кроме своего основного послушания, нес еще и дополнительное в качестве певчего митрополичьего хора. Около четырех часов вечера из ворот певческого корпуса чинно выходят попарно митрополичьи певчие. Впереди в подрясниках идут мальчики, за ними — старшие певчие. В прежнее время они также были обязаны, независимо от своего положения, носить подрясники, впоследствии, когда вопрос с одеждой стал острым, временноотрабатывая, да часто и послушники ходили в том, что у кого было. Вот сосредоточенно и задумчиво шествует Лука Захарьевич. Он поет басом. Раньше он был учителем детей-певчих, позднее принял пострижение с именем Антоний и вскоре стал известен как проповедник и лаврский миссионер. Человек простой духом, простой веры и недюжинного ума, он к тому же обладал прекрасным образованием. Вскоре он был уже в сане архимандрита. Свою монашескую карьеру он окончил в ссылке, разделив участь многих других из лаврской братии. Вот солидно выступает «бас-профундо» хора, низкорослый коренастый казак. Простой по натуре, он хорошей души. Торопясь, идет за ним высокий старец, монах Иоанникий. Он также поет басом. Его внешность, с длинной седой бородой и белыми длинными волосами, очень красочна и рельефна. Шествие замыкает о. Закхей и иногда регент о. Феогност. Послушание митрополичьих певчих было значительно легче, так как богослужения у них совершалось быстрее, напевы были не столь утомительны и не приходилось вставать на ночные службы. Благодаря этому здесь могли больше внимания уделять воспитанию певчих и их обучению. Также и дисциплина среди митрополичьих певчих была несколько выше. Немного при мне просуществовал митрополичий хор. Вскоре советский Отдел народного образования потребовал реорганизации детских монастырских интернатов и передачи их в ведение Отдела. С этим, однако, не могли согласиться ни дети, ни родители их, поэтому певчие разошлись по домам. Но ввиду стесненного материального положения и монастырь в дальнейшем не в состоянии был содержать хор.

Я уже говорил о гармонизаторе лаврских распевов и знатоке пения — архимандрите Флавиане. Это был человек необыкновенно простой и доброй души. Каждого он обласкает, каждому сделает что-либо приятное, каждого по мере своих сил угостит. Бывало, пригласит к себе о. Флавиан, начнет показывать ноты, старинные рукописи, объяснять, как из мелодии в один голос выросла сложная гармония лаврского многоголосого хора. Начнутся воспоминания, рассказы, и так незаметно под гостеприимным кровом кельи о. Флавиана промчится вечер. Отец Флавиан был большой молитвенник, жил по-евангельски, живо откликался на всякое чужое горе и отдавая ближнему всю свою душу. Он был далек от ригоризма и холодной формальности. В нем жила чуткая душа художника и музыканта. Будучи уставщиком великоцерковного хора, о. Флавиан не только дирижировал этим хором, но и своим могучим прекрасным басом принимал деятельное участие в самом пении.

Рядом с игуменом, а потом архимандритом Флавианом проживал монах (впоследствии иеромонах) Антоний (Манин). Кроме своего основного послушания на клиросе Великой церкви, он келейничал у о. Флавиана. Отец Антоний удивлял своей уравновешенностью, жизнерадостностью и спокойствием. Его общество умиротворяло, успокаивало и заставляло смотреть на вещи проще.

Вот передо мной стоит о. Вукол. Я помню его иеродиаконном. В монастырях, как и в Лавре, иеродиаконья совершали богослужение в камилавках. Худощавый, высокого роста, в камилавке он казался еще выше. У него был сильно вибрирующий мягкий тенор. Он был чужд карьеризма и не стремился к повышению. Это была трудолюбивая и кроткая натура, чуждая всякой рисовки и показного аскетизма, настоящей, святой жизни монаха. Он оставался со свойственными ему чертами характера как-то в тени, незаметным. Состоял он помощником архимандрита-казначая. Это светского

характера послушание он выполнял неизменно с радостью и пунктуальностью. В прошлом офицер морского флота, он без сожаления променял блестящую карьеру и красивый мундир моряка на скромную рясу монаха. Об этом я узнал стороной, так как он сам не любил рассказывать о своей жизни в миру и мотивах пострижения в монашество. Рядом с ним в архиерейских богослужениях принимал участие иеродиакон Венедикт, в последнее время возведенный в сан иеромонаха. Оба высокие в своих иеродиаконских камилавках, с кадилами в руках, облаченные в одинаковые прекрасные стихари, они производили сильное впечатление. Отец Венедикт был несколько скептик, конечно, в рамках монашеского мирозерцания. Он любил реально подойти к оценке человека и его поведения. В этом быть может сказалась его специальность — он в качестве фельдшера был причастен к медицине, хотя в последнее время и не нес послушания в больнице. Не будучи чужд политики, событий общественной жизни, он эти светские интересы сочетал со своими монастырскими стремлениями.

Как живой, передо мной стоит и старец Зиновий. Родом молдаванин, он в период нашего первого знакомства был уже дряхлым иеромонахом. Его послушание состояло в служении седмицы в Никольском больничном монастыре. С северной стороны Святых врат ему была отведена маленькая старинная келейка. Он был настоящим старцем-духовником. Старенький, седой, сгорбленный, с ласковыми глазами и приветливой улыбкой, он всегда и всем находил доброе сердечное слово ободрения, утешения. Незлобивый, тихий и всепрощающий, он напоминал преподобного Серафима Саровского, каким его рисуют на иконах. В те тяжелые годы о. Зиновий жил более чем скромно, — холодно и голодно, не ропща, однако, на свою судьбу. Не имея никакой физической возможности зарабатывать на дополнительное пропитание, он едва существовал на ничтожный монашеский паек. Тихо прошел он свой земной путь, тихо и спокойно почил в молитвах и духовном делании. Его тело погребено на новом Преображенском кладбище. После организации в Преображенской пустыни дома отдыха для научных работников хоронить братию на старом кладбище было запрещено, поэтому погребение происходило вне ограды монастыря на полевом участке, который и принято было называть «Новое Преображенское кладбище».

Весьма дружеские отношения у меня сохранялись и с о. Пероном. Я познакомился с ним, когда он был иеродиаконем. С красивой выразительной внешностью, обладатель прекрасного баса с одинаково сильными низами и верхами и музыкальным слухом, он производил внушительное впечатление при служении. Я любил его не только за нравственные качества, но и за его глубокий пытливый ум. Эта пытливость в нем граничила с постоянной тревожностью. Масса неясных вопросов беспокоила его. Беседы с ним для меня всегда были интересны и содержательны. Мы расстались с ним, когда он был возведен в сан иеромонаха. Вскоре он стал архимандритом, но затем был арестован и сослан в Усть-Сысольск. По рассказам бывшего с ним лаврского монаха, он очень тяжело переживал свое заточение. Его много раз вызывали на допросы. Один из таких допросов настолько отразился на впечатлительном и нервном о. Иероне, что он не выдержал и кончил жизнь самоубийством. Это было зимой, он отправился на реку. Долго сидел и о чем-то размышлял, затем, скинув рясу, бросился в прорубь и утонул.

Архимандрит Филадельф был начальником лаврской типографии, или, как его часто называли, о. типографом. В силу своей должности и заслуг он был также соборным старцем. Только он один, не считая наместника Лавры, был награжден на мантию красными скрижалями — высшим отличием архимандрита. Он обладал большим умом и тактом. По своему характеру о. Филадельф был человеком сильной воли, но замкнутым в себе. Почти всю свою жизнь он провел в Лавре. Там вокруг него собралась группа его полтавских земляков, которая иногда в разговорах называлась полтавской партией. Отец Филадельф являлся как бы ее лидером. Эта группа насчитывала в своих рядах несколько сот человек братии, держалась весьма сплоченно и была предана своему руководителю. В свою очередь, о. Филадельф весьма энергично использовал свои связи и влияние соборного старца, чтобы в случае нужды помочь и защитить члена своей «партии». Я был свидетелем, насколько реально была

эта помощь. Отец Филадельф считал, что именно он является законным кандидатом на пост наместника Лавры, и, хотя этой мысли он вслух не высказывал, она иногда сквозила в его поступках и словах. С другой стороны, и наместник Климент не мог не чувствовать достоинства и силы о. Филадельфа, и это сознание некоторого преимущества о. Филадельфа заставляло его постоянно держаться настороженно и недоверчиво. Через все их отношения проходила какая-то напряженность, некое соревнование. Как-то раз зимой, проходя поздним вечером по лаврскому двору, о. Филадельф поскользнулся, неудачно упал и сломал себе ногу. После этого случая он ходил и даже служил с палочкой. Это обстоятельство как будто устранило его из числа конкурентов наместника. Жил о. Филадельф напротив типографии в Экономическом корпусе, занимал в нижнем этаже его большую келью, над которой помещался Духовный Собор Лавры. Отец Филадельф вел очень простую, скромную и замкнутую жизнь, работал физически, в значительной степени сам себя обслуживал. Собеседник он был преинтересный, обладал прекрасной памятью и о многом мог рассказать.

Любопытны были у него и художественные работы лаврской типографии, которые он с большой любовью и охотно демонстрировал перед посетителями, а иногда кое-что и дарил на память.

Среди соборных старцев своей внешностью резко выделялся архимандрит Анфим. Он занимал должность лаврского казначея. Проведя в Лавре свыше сорока лет, он прошел в ней все монастырские поприща, начиная от положения послушника. Он был очень тучен, у него был тонкий голос, который был слышен издали. Он быстро и сильно реагировал на всякое явление. Настроение у него чаще всего было неровное, часто болезненно повышалось. При всем том о. Анфим был предобрым человеком. Как казначей, он берег каждую копейку и часто оказывал сопротивление даже наместнику, когда тот выписывал большие суммы. В таких случаях он попросту скрывал наличие лаврской кассы, конечно, в интересах обители. Правда, в результате такой своеобразной экономии при перемене власти и валюты в лаврской кассе иногда скоплялись большие суммы и их приходилось срочно реализовывать.

В последние годы существования Лавры, когда для спасения монастырского хозяйства была создана сельскохозяйственная артель, монахам приходилось оставаться в тени, так как подобные организации, по советским законам, должны были быть светскими. При посещении правления артели «власть имущими» братия исчезала с горизонта и монахов заменяли светские люди, послушники, послушницы. Как-то раз во время такого посещения требовалось присутствие кого-либо из Духовного Собора. Решили о. Анфима переодеть в светское платье, так как он не обладал усами и бородой, а длинные волосы спрятали под шапку. Его вид в каких-то шароварах, высоких сапогах и косоворотке, подпоясанной шнуром, был комичен. Он старательно и хорошо выполнял свою роль, как вдруг во время заседания правления совместно с приехавшим начальством вошел послушник. Не разобрав в чем дело, он попросил у о. Анфима, как у архимандрита, благословения, и тайна раскрылась.

Около Лавры, даже в самые тяжелые годы ее жизни собиралась молодежь, настроенная глубоко христиански и мечтавшая о жизни и спасении в монастыре. Эта тяга в монашество среди интеллигентных людей проявилась с особой силой в годы испытаний, гонений на Лавру. Так, когда Лавра была объявлена закрытой и монахи собрались вокруг своего настоятеля архимандрита Гермогена в Китаевской пустыни, поступали прошения о постриге со стороны врачей или юристов. Эти интеллигентные, убежденные люди готовы были идти на страдания и смерть ради христианской веры.

Среди этой прекрасной молодежи был Иван Михайлович Михайловский. Тщедушный с виду, в высшей степени деликатный, скромный и ласковый Иван Михайлович был человеком высококультурным и образованным. Хотя ему не удалось закончить курса Киевской духовной академии, так как она была в то время уже закрыта, он продолжал усиленно заниматься самообразованием и даже сдавать экзамены у уцелевших еще профессоров. Тихий, далекий от треволнений мира, в высшей степени стойко относящийся ко всяким житейским невзгодам, с радостью

и любовью выполнявший свое послушание, как бы трудно ни было, он как-то весь благоухал спокойствием и добротой. Всякое раздражение и страсть он умел своим ровным, добродушным отношением успокоить, парализовать. В этом ему помогал какой-то тонкий, еле уловимый юмор уравновешенного человека. Временнотрудящимся Лавры он выполнял самые разнообразные поручения: представительства в разных учреждениях, канцелярскую работу, чтение в церкви и т.д. Кроме того, он принял на себя обязанности псаломщика в находящейся рядом с Лаврой церкви, в которой служил известный профессор духовной академии, священник о. Николай Смирнов. Я любил посещать эту скромную церковь, а в Страстные дни даже помогал Ивану Михайловичу на клиросе. (Впоследствии я потерял его из вида. Смутно помню, что я его видел уже в монашеской мантии и в сане иеромонаха. Он достиг того, чего так страстно желал.)

Меня влекло к этой убогой церкви и к ее настоятелю. Отец Николай Смирнов бесспорно представлял собой высшей степени оригинальную, интересную личность. Человек недюжинного, весьма острого и своеобразного ума, он влачил, как истый философ, нищенское существование. Духовная академия, профессором которой он в свое время состоял, к этому времени уже перестала существовать. Храм же, в котором он совершал служения, не имел своего прихода. Обладая знанием весьма многих иностранных языков, о. Николай предложил свои услуги в качестве переводчика нотариусу товарной биржи и там зарабатывал какие-то гроши. Его эрудиция была поистине необъятна. Среди его ученых трудов выделялась диссертация на тему о судебном процессе в Иудее времен Понтия Пилата. Его проповеди поражали своей оригинальностью, смелой мыслью и меткостью. Произносил он эти проповеди со своеобразными интонациями, которые вначале казались странными, однако, эти внешние особенности его речи лишь удачно подчеркивали ту или иную мысль. Его особая манера говорить помогала той или иной идее успешнее дойти до сознания слушателя. Его богослужения собирали немного народу, и мне кажется, что широкая масса людей не в состоянии была надлежаще понять и оценить таланты о. Николая. Исчез он с моего горизонта как-то внезапно. Думаю, он разделил общую участь духовенства — был сослан.

Среди светских людей, настроенных по-монашески и проживавших в Лавре, был Николай Иванович Поликарпов. До своего поступления в обитель он был преподавателем русской литературы в гимназии. Он много работал, о чем лучше всего свидетельствует длинейший список его напечатанных работ (122). Это был человек преклонного возраста, весьма умный, большой идеалист, чистой души и глубоко религиозен. Его характер поражал меня необыкновенной кротостью, незлобием и смирением. Это была как бы воплощенная доброта и ласка. Они светились в его глазах, они проявлялись в его движениях, манерах обращения. В своей нравственной жизни он поставил себе целью по возможности следовать св. Митрофану Воронежскому. Сам родом из Воронежа или, во всяком случае, прожив значительную часть своей жизни в этом городе, он избрал себе в качестве духовного руководителя воронежского святителя. Поступив в Лавру, как и все мы, в качестве временнотрудящегося, он был командирован на библиотечное послушание, а затем, когда в Духовном Соборе возникла мысль о составлении лаврской летописи, то наиболее достойным и подходящим кандидатом признали именно Н.И. Поликарпова. В этой работе ему было рекомендовано связаться со мной, так как за последние годы существования Лавры у меня, действительно, накопился ценный материал. Осуществляя юридическую защиту Лавры, будучи представителем ее и консультантом, я, естественно, мог сообщить некоторые сведения, полезные для историка. Мы решили с ним выполнять эту работу в вечерние часы, когда я кончал свою официальную службу и мог беседовать с Николаем Ивановичем в спокойной обстановке. Вскоре он был пострижен в монашество с именем Митрофан, а затем хиротонисан во епископа Воронежского. Впоследствии он был сослан. Думаю, что при своем слабом здоровье и старости он не перенес этих страданий.

Интересна судьба бывшего благочинного Лавры о. Алексия (Готовцева). Человек образованный, с живым подвижным умом, еще совершенно молодой, он по принятии монашества стал

быстро продвигаться по иерархической лестнице. Ему еще не было тридцати лет, как он был хиротонисан викарным епископом Киевской епархии. В хиротонии принимали участие, кроме экзарха Украины митрополита Михаила, настоятель Никольского монастыря архиепископ Дмитрий и бывший ректор Киевской духовной академии и настоятель Братского монастыря епископ Василий (Богдашевский). Недолго оставался епископ Алексей на своем посту. В связи с изъятием церковных ценностей над ним был организован показательный процесс (в зале бывшего Купеческого собрания). В результате его присудили к десяти годам заключения. Вскоре я узнал, что он на свободе в роли епископа «Живой церкви». По-видимому, он купил себе свободу дорогой ценой тяжелого нравственного компромисса. Но недолго оставался он на посту епископа и в «Живой церкви». Я слышал, что Готовцев снял с себя сан и, окончив медицинский факультет, женился, обзавелся двумя детьми и где-то на Кавказе работал в качестве врача. Таков путь нетвердого молодого епископа советского времени.

После него должность благочинного Лавры занял уравновешенный, с философским складом ума, простой по натуре архимандрит Флор. Ко всем явлениям жизни он подходил просто, без какого-либо мудрствования и метафизики. Он не идеализировал жизни и людей и потому относился к окружающим весьма снисходительно, охотно прощая недостатки. Вокруг себя он как бы разливал доброту и ласку. Каждого он старался поддержать, каждому помочь. Нужны ли кому сапоги или брюки, рубаха или книга, все идут к отцу Флору, и для всякого он что-нибудь находит, к тому же каждого еще и накормит, скажет ласковое слово. В своем личном обиходе он также был прост. Сам варил, сам прибирал свою келью, сам копался в огороде, хотя, конечно, по своему положению благочинного и члена Духовного Собора он мог иметь келейника. Отец Флор был большого роста, атлетического сложения, статный, с большой рыжеватой бородой и такими же густыми волосами. Его жизненная философия, простая и чистая, выработалась в нем не только благодаря монастырю, но и из любви к природе. Он старался больше быть среди природы, находя в ней наслаждение. Часто совершал далекие прогулки. Я живо представляю себе его фигуру в простой поддевке с посохом в руке, шагающим по направлению к лаврским хуторам. В Китаеве у него был друг и ровесник, настоятель пустыни архимандрит Спиридон. Они как нельзя лучше подходили друг другу и частенько навещали один другого. В ведении о. Флора как благочинного состояли певчие митрополичьего хора и канонархи. Я имел возможность наблюдать, как дети любили о. Флора и как он просто, без излишних сентиментальностей деятельно заботился о них.

Киево-Печерская Лавра — одна из величайших святынь православного мира, исторический памятник огромной ценности, резиденция митрополитов Киевских и Галицких, наконец, богатейший монастырь, обладающий широкими материальными возможностями, — привлекала к себе людей всего мира. И, прежде всего, конечно, она являлась средоточием религиозно-нравственной жизни православных верующих людей. Сюда часто съезжались высшие духовные лица: на Собор, на какое-либо совещание, в гости к митрополиту или на богомолье. Поэтому в Лавре богослужения архиерейским чином были не редкостью. Передо мной прошло много архипастырей и с некоторыми из них я был в особо дружественных отношениях. Таким был, например, выдающийся член и секретарь Всеукраинского собора епископов архиепископ Черниговский Пахомий (Кедров). С личностью этого архиерея, о которой нельзя умолчать, у меня ассоциируется представление о беспредельной доброте и благодущии. Архиерей старого времени, человек высокообразованный, в своих отношениях с людьми он был неизменно прост и доступен. Финал его жизни был мученическим. Его арестовали и сослали, в ссылке он и скончался.

Среди моих лаврских друзей я не могу не назвать имени настоятеля Ближних Пещер, игумена, а затем архимандрита Стефана. Это был глубокий, совершенно белый, но бодрый старец, необыкновенно ласковый и сердечный. Его гостеприимство не имело границ. Проживал он на Ближних Пещерах в небольшом домике, в котором раньше спасался схимник Иннокентий, а

впоследствии были устроены покои начальника (блжстителя) Ближних Пещер. При покоех находилась уютная домовая церковь. Одной своей стороной домик выходил во двор Ближних Пещер, а другой — к обрывам, ведущим к Днепру. С этой стороны к домику была пристроена небольшая терраса. Она была укреплена на сваях и как бы висела в воздухе. Спуск к Днепру был покрыт густой растительностью, состоявшей из разнообразных деревьев, а на свободных местах чьей-то заботливой рукой были посажены кусты прекрасных роз. В пору их цветения у о. Стефана всегда стояли большие букеты. Весной здесь соловьи не давали спать. Обстановка благоприятствовала исполнению ими их концертов в тишине, среди густой листвы. Насколько я помню, о. Стефан был родом из Полтавской губернии и потому, так сказать, автоматически принадлежал к партии архимандрита Филадельфа. Впрочем, это участие его ни в чем внешне не выражалось. Умер о. Стефан еще в последние годы существования Лавры спокойно, по-монашески.

Вскользь я имел уже возможность упомянуть, что в момент моего поступления в Лавру регентом митрополичьего хора являлся иеромонах, а затем игумен Иадор. Это был, так сказать, монах-аристократ. Окончив консерваторию и обладая композиционным талантом, он быстро выдвинулся как автор церковно-музыкальных произведений, а также как умелый руководитель митрополичьего хора. Человек светского воспитания и манер, бесспорно умный и большого такта, он вскоре понадобился для другого, более трудного послушания, именно, руководителя большой лаврской гостиницы. Это хозяйство было весьма сложно и велико по своим масштабам. Гостиница представляла собой целый городок из четырнадцати заселенных больших корпусов. Здесь начальнику-монаху приходилось иметь дело с самыми разнообразными светскими людьми различных рангов и кругов. Следовало проявлять много гибкости, такта, выдержки и проницательности. Население к тому же было текуче, как и во всякой гостинице. Впрочем, в дни упадка Лавры жители гостиницы в своем составе более или менее стабилизировались. Гостиница была обнесена каменной стеной. Сразу при входе в нее с правой стороны находилась небольшая домовая церковь. В гостинице была так называемая дворянская, привилегированная кухня и столовая, а также больница для богомольцев. Среди ряда корпусов наиболее комфортабельными считались первый и третий. В этом последнем, когда в Лавре появился комиссар, его поселили с большими удобствами. Гостиница имела свой служебный персонал, состоявший из большого количества монахинь и послушниц, проживавших отчасти в очень сырых и неудобных полуподвальных и подвальных помещениях (под III корпусом), и небольшого штата канцелярии и вспомогательных рабочих. Отец Иадор по должности начальника гостиницы считался как бы игуменом над женским персоналом, приписанным к Лавре. Он же совершал постриг наиболее достойных послушниц в монахини. Уже будучи начальником гостиницы, о. Иадор получил сан архимандрита и сделался членом Духовного Собора.

После того как о. Иадор получил назначение на пост начальника гостиницы, место регента митрополичьего хора занял иеромонах Феогност. Это был бесспорно замечательный человек. Первое впечатление от встречи с ним было неопределенное. Угрюмый на вид и молчаливый, он был человеком замкнутым. Но за суровым видом скрывалось бесконечно доброе, ласковое сердце. Он самоотверженно любил свое дело, свой хор, свое пение и там, где речь шла об отстаивании дорогих для него интересов, он часто становился в оппозицию. О детях он заботился искренне и самоотверженно, однако делал это как-то незаметно и проявляя ласку лишь тогда, когда это было необходимо. Я не сразу заметил эти прекрасные качества о. Феогноста, а также его правдивость, прямолинейность и высокую нравственность. Мое внимание на это обратили светские люди, которые чаще соприкасались с о. Феогностом и могли наблюдать его жизнь. Высокого роста, с длинными прекрасными вьющимися кудрями и черной как смоль густой бородой, с блестящими огнем черными глазами, смотрящими несколько сурово из-под густых бровей, он выделялся из общей массы монашествующих. Он ушел в иной мир тихо, скромно и сосредоточенно, как, в сущности, прожил и всю лаврскую жизнь. После себя он оставил светлую память, и мне кажется, что самый злой человек не в состоянии был сказать о нем ни слова упрека.

В Лавре существовала должность нарядчика. Если не ошибаюсь, он был подчинен благочинному Лавры. Это была весьма хлопотливая должность. В обязанности его входило составление расписания служений лаврского духовенства на всю седмицу по всем храмам, не упуская вместе с тем из вида, когда и где будут соборные и архиерейские служения, панихиды, молебны и т.д. Кроме того, нарядчик, назначая к богослужению то или иное лицо, должен был считаться и с его основным послушанием, которое не должно было потерпеть ущерба. Наконец, следовало подбирать духовенство, по возможности считаясь с внешними моментами. Поэтому для соборного служения в Великой церкви нужно было составить пары иеромонахов по возможности одинакового роста и соответствующих по голосам. Также и диаконы и иподиаконы должны быть по возможности одинакового высокого роста. Следовало подобрать и голоса для исполнения величаний и пения в алтаре. Так, один из иеродиаконов при соборном служении обязательно должен был обладать басом. Священнослужители, не отличавшиеся благообразием, не четко служившие, дряхлые, назначались на служения не в Великую церковь, а в другие храмы. При составлении списка служащих соборно следовало также учесть ранги и саны «сослужащих», «предстоящих». А то, бывало, случалось и так: составит о. нарядчик расписание с учетом всех требований и правил, а кто-то отлучился, заболел или его вызвали по срочному делу в связи с его основным послушанием. Тогда все это стройное расписание рассыпалось, приходилось составлять и согласовывать вновь. Я забыл имя нарядчика, но живо представляю его всегда устремленную вперед фигуру с развевающимися по ветру лапами рясы и четками в одной руке и с большой папкой расписаний под мышкой другой руки.

С воспоминаниями о Лавре тесно связывается личность схиархиепископа Антония (Абашидзе). Я познакомился с ним в то время, когда он еще не был схимником и проживал на покое в Китаевской пустыне. Помню, как он ежедневно в священнической фелони и омофоре совершал богослужения. Глубокий старец, небольшого роста, он еще носил следы прежней красоты. Черные выразительные глаза выдавали в нем, несмотря на большую седую бороду и белые, как лунь, волосы, в прошлом темного брюнета. Его жизнь представляла своеобразный интерес. В миру грузинский князь, он получил блестящее воспитание и образование. Впоследствии, уйдя из мира, он не раз вспоминал о своих прежних высоких связях и знакомствах. Особенно охотно и с чувством глубокой симпатии он рассказывал о своих встречах с царской семьей. Вскоре после пострижения в монашество он получил назначение на епископскую кафедру. Значительную часть своего архиерейского служения он провел на Кавказе, а затем в Крыму. Последние годы его активной церковной работы прошли на Таврической кафедре. Он искренне привязался к этому краю и полюбил и знойную крымскую природу, и яркое южное небо, и ласковое Черное море, и кипарисы, и крымские магнолии. С особенно теплым чувством он вспоминал Таврический монастырь, что расположен на берегу моря в трех километрах от Севастополя.

Жил архиепископ на частной квартире, на Козловской улице (в Киеве). Славился он своей необыкновенной простотой и сердечностью. Бывали у него люди самых разнообразных взглядов и убеждений, и владыка всех без различия привлекал своей необыкновенной обаятельностью. Неизменно тактичный, гостеприимный хозяин и интересный, всесторонне сведущий собеседник, он умел занять гостей, охотно прощая им неловкости поведения, сглаживая резкие поступки и ко всем относясь с истинно христианской снисходительностью. Он уцелел от ссылки и лишь одно время находился как бы под домашним арестом. Не занимая как схимник никакой административной должности и вполне отрешившись от мира, он не привлекал внимания чекистов. Во время немецкой оккупации Киева он переселился в Лавру, которую очень любил, и занял маленький домик бывшего настоятеля, или блюстителя Ближних Пещер. В этом домике для владыки была восстановлена уничтоженная во время советской власти церковка. Здесь схиархиепископ по праздникам и воскресеньям сам служил наедине, без посторонних богомольцев. Помогали ему в этих службах его домочадцы: пело несколько монахинь, которые обслуживали домик, и его секретарь иеромонах Дмитрий. Владыка ценил эти уединенные богослужения и не любил, когда посторонние, часто из

любопытства, проникали в храм и нарушали его сосредоточенную молитву. Было много трогательного и в обстановке скромной церкви, и в умиленном импровизированном пении, и в старческой фигуре самого схиархиепископа. Немцы очень интересовались личностью схиархиепископа, и в маршруте их экскурсий по Лавре неизменно стояло посещение владыки Антония. Таких экскурсий в день бывало несколько, и эти посещения несомненно тревожили старца, однако он с неизменно ласковой улыбкой принимал гостей, каждому говорил теплое слово, любезно отвечал на все, часто неуместные, вопросы и в конце посещения по просьбе гостей даже выходил на крыльцо, чтобы сфотографироваться в общей группе. В 1942 г. в день своего Ангела он в последний раз принимал участие в богослужении в Великой церкви. К этому дню собралось много богомольцев. Все подходило к схиархиепископу под благословение и трогательно приветствовали его, точно верующие чувствовали, что владыка уйдет в иной мир. И, действительно, в 1943 г. он почил и был погребен недалеко от храма на Ближних Пещерах.

Начиная с 1917 г., на Украине власть менялась не раз. Такие перемены всегда были связаны для Лавры с неприятными событиями. Богатства древнего монастыря привлекали бандитов, и в это время делались неоднократные попытки ограбить обитель и отдельных монахов. Народ этот был безобидный, ушедший от мира и не умевший за себя постоять. Подобные попытки ограбления принимали разные формы, начиная от открытых вооруженных нападений с бросанием бомб, чтобы разбить железные ворота Лавры, и кончая покушениями на имущество Лавры и отдельных ее членов под видом официальных изъятий, конфискации, реквизиций на основании всевозможных сомнительных документов. В это темное время междувластия, когда ожидать помощи со стороны не было возможности, возникла мысль о создании в Лавре своей собственной вооруженной охраны из монахов и послушников. Вскоре эта разумная идея была осуществлена, и приходилось видеть, как бравый милиционер в форме и с винтовкой при встрече с архимандритом сразу терял свой воинственный вид и, согнувшись, подходил под благословение к старцу. Питание, одежду и помещение такая милиция, конечно, получала от монастыря, и сами милиционеры смотрели на свой труд, как на послушание для обители. Лишь впоследствии эта милиция эмансипировалась от Лавры и даже частично влилась в киевскую промышленную милицию, задачи которой состояли в охране государственного имущества. Организатором и вдохновителем создания лаврской милиции был некий Николай Николаевич Бурков. На лаврском горизонте он появился в 1917 г. в дни установления на Украине правительства гетмана Павла Скоропадского, при митрополите Антонии (Храповицком). Рекомендовал он себя не то крестным сыном митрополита Антония, не то его личным секретарем. В то время он ходил в форме офицера, кажется, в чине капитана, с орденами на груди. Человек он был любознательный, с пытливым складом ума. Его повышенное самолюбие подогревало в нем карьеризм, стремление быть на первых ролях. Ревниво оберегая свое положение и привилегии, он обладал поразительной гибкостью характера, изворотливостью и умением приспособиться к обстоятельствам и времени. Ушли гетманцы, он снял форму офицера и предстал перед нами в виде организатора полиции Украинской Народной Республики, затем мы его видели в добровольческой форме, а позже — в красноармейской шинели. Пришли польские войска — наш Бурков стал командовать отрядом монастырской милиции (из монахов же). Наконец, возвратившиеся советы застают его отряд снова в форме советской милиции. На его фуражке красуется пятиконечная советская звезда, у его дома стоит пролетка, на козлах которой восседает советский милиционер. Бурков становится уже главным начальником промышленной милиции и, таким образом, занимает большой пост. Он не был злым человеком и по-своему любил Лавру. Однако его авантюристические наклонности, а также стремление обставить свою жизнь комфортом за счет опекаемых, несколько снижали его хорошие качества. Его смелость, быстрота ума и настойчивость не раз спасали обитель от бед. Держал он себя вызывающе, не считаясь ни с кем и ни с чем. Защищая интересы обители, он вместе с тем наводил среди монахов страх, терроризировал их. Однажды при выдаче продовольственного пайка он, чтобы напугать монахов, начал стрелять из револьвера. Когда я вступал с наместником Лавры в разговор по поводу

невозможного поведения Буркова, то наместник, вздыхая, говорил: «Что же я могу сделать, когда я и сам его боюсь». Он часто называл Буркова и его милиционеров «причниками». Но благодаря такту наместника и умению ладить с людьми, отношения у Буркова с Духовным Собором продолжали оставаться удовлетворительными. Бурков не стеснял себя и свою свиту в материальных вопросах. Для этого у него были все возможности. Он неплохо обеспечил себя и своих сотрудников. Недаром перед ликвидацией митрополичьего дома целые возы скарба темной ночью перевозились оттуда в новую келью Буркова. Постепенно послушники, состоявшие в милиции Буркова, настолько «милитаризировались», что потеряли всякий монашеский облик и сделались вполне светскими людьми.

Как мы уже отмечали, по своему складу ума Бурков был разносторонний человек, во всяком случае очень начитанный и интересовавшийся разнообразными областями знаний. Во всех торжественных случаях я не представляю себе Буркова иначе, как с фотографическим аппаратом. Как ловкий репортер, он становился в самые интересные, ответственные минуты в удобных для наблюдения пунктах и делал любопытные снимки. В таких случаях он ни в какой мере не стеснялся тем, что совершается литургия, входил с аппаратом в алтарь, становился на горнее место и делал снимки митрополита и служащего духовенства. Все это ему как-то сходило с рук. Многих он умел очаровать. Нравился его живой ум, умение каждого собеседника занять, рассказать какую-нибудь сенсационную новость. Другие просто боялись, как бы не вооружить его против себя, и по своему монашескому смирению предпочитали молчать. Я не думаю, чтобы в основе подобного поведения Буркова лежало желание оскорбить святыню. Он по-своему был религиозным человеком, по-своему любил Лавру, только склад его характера и темперамента не укладывался в рамки монастырского жития. Силой событий Бурков вскоре был выброшен за борт Лавры. Закрытие Лавры, снятие его с работы в милиции заставило его с несколькими приближенными переменить свою резиденцию и переехать в Никольский монастырь. Затем он женился. Живо интересуясь церковными делами, он продолжал посещать храмы, делать снимки и т.д. Для обеспечения себя и семьи он занялся промышленной и сельскохозяйственной деятельностью. И здесь он проявил себя человеком гибким, с живой способностью приспособиться и извернуться. Однако злая судьба и здесь постигла его. В одну из ночей у него произвели обыск, изъяли много материала, а его арестовали. С тех пор он безвозвратно исчез с нашего горизонта. Так погиб человек, который несомненно представлял собой значительный интерес и мог бы быть еще более полезным для Лавры, чем он был.

«Необходимые сведения об электростанции даст вам ее начальник, о. иеродиакон Варфоломей» — такими словами напутствовал меня наместник в советские учреждения для защиты лаврской электростанции, которую собирались отнять и передать светским властям. Так состоялось мое первое знакомство с о. Варфоломеем. Блестяще окончив реальное училище и Технологический институт еще до революции, талантливый молодой инженер быстро занял место главного губернского архитектора. Не долго он оставался на этом посту. Склад его ума и характера, религиозно-философские настроения неудержимо влекли его к иноческой жизни. Он был полон созерцательных настроений и стремился к духовно-нравственному самоусовершенствованию. Поступив в Лавру в качестве послушника, он скоро принял монашество, а затем был возведен в сан иеродиакона. Соответственно его знаниям и опыту его назначили на послушание в большую лаврскую электростанцию. Отец Варфоломей отдавал своему послушанию все свои силы, знания и энергию. Однако, кроме этой работы, он для себя находил еще и иные занятия. Он беспрестанно стремился пополнить свои знания и в этом смысле был подлинно ученым монахом. Каждую область науки, за которую он брался, он тщательно и глубоко изучал, ночами рылся в книгах, выбирал необходимые материалы, делал выписки, переводы, разыскивал новые источники. Он основательно и серьезно работал над изучением астрономии, истории, а позже биологии. Причем все три науки его интересовали в аспекте его религиозных настроений, как новые утверждения бытия Божия и истинности христианства. Беседы с ним были всегда полны глубокого интереса и давали много нового. Отец Варфоломей имел обыкновение говорить быстро, нервно,

несколько заикаясь. Во время разговора он оживал, волновался. В последние годы нашего знакомства он очень страдал от костоеды, лишившей его правой руки; болезнь развивалась и дальше, подтачивала силы и доставляла сильнейшие физические страдания. В смысле питания о. Варфоломей ограничивал себя скудным монашеским пайком и буквально голодал. После того как Лавру закрыли, он отправился на родину и там пережил тяжелые годы. Во время немецкой оккупации, узнав, что монастырь открыт вновь, он один из первых возвратился в обитель и, несмотря на множество лишений и, прежде всего, голод и свою тяжелую болезнь, остался жить в Лавре, терпеливо неся даваемые ему послушания. Ему поручали разнообразные монастырские работы и, среди них, постоянное дежурство у входа в Пещеры для сопровождения богомольцев и приезжающих немцев. Это было очень хлопотливое послушание. Целый день о. Варфоломей был оторван от своей дорогой научной работы и все время находился среди чужих людей, немцев. Он неплохо владел немецким и другими языками и как человек интеллигентный был незаменимым гидом. Однако постоянное пребывание, невзирая на погоду, на улице или в холодных Пещерах неблагоприятно сказывалось на его прогрессирующей болезни. В последний раз я видел его в июле 1943 г. Мне сообщили о том, что он тяжело болен и лежит в постели. Я зашел к нему в келью. Это была очень убогая клетушка. На жесткой кровати, покрытой старыми подрысниками, лежал о. Варфоломей. Его лицо поражало своей худобой и зеленым цветом. Настроение его было тяжелым, пессимистическим. По-видимому, он очень страдал физически и от сознания своего одиночества во время болезни. Он очень обрадовался моему посещению. Я, как мог, утешил его. Мы потолковали с ним на темы его ученых работ. И я ушел от него, унося в своем сердце чувство глубокого сострадания, жалости и искренней симпатии и уважения.

8. УБИЙСТВО МИТРОПОЛИТА ВЛАДИМИРА

Одним из трагических происшествий лаврской жизни, представляющих большую важность как для историка, так и для широкой общественности, является убийство митрополита Владимира. Произошло оно 25 января 1918 г. ст. ст. И убийцы, и мотивы этого преступления остались невыясненными. В Киеве это были тревожные дни. Власть Украинской Центральной Рады ушла, появлялись большевистские «штабы» и «коменданты». В городе хозяйничали вооруженные банды, которые безнаказанно грабили и убивали людей. Человеческая жизнь в то темное смутное время ценилась весьма дешево: на улицах можно было видеть валяющиеся трупы, которых никто не спешил убирать. Каждый жил обособленно, радуясь, если день миновал благополучно и на завтра был скромный запас еды. Искать защиты, суда и расправы было негде и не у кого.

Понятно, что Лавра для бандитов была весьма соблазнительным объектом. С одной стороны, все знали, какие огромные ценности сосредоточены в монастыре, много говорили о богатстве монахов. С другой стороны, Лавра и монахи были совершенно беззащитны. Их легко можно было напугать, обидеть. В силу своего особого душевного склада далекие от всего мирского, настроенные мирно, они не умели и не могли постоять за себя. Большинство бандитов были настроены сугубо революционно, вполне по-большевистски. Монахов они считали паразитами, которых как представителей буржуазии необходимо безжалостно истреблять, а их имущество грабить. И в материалах дела об убийстве митрополита Владимира мы находим жуткие описания бесчинств, которые производились этими большевиками-бандитами в тихой обители. Является, например, в Лавру вооруженная толпа грабителей. С издевательствами, глумлениями производят они в монашеских кельях обыски, грабят, а затем выстраивают монахов рядами и объясняют, что каждого десятого будут расстреливать. И в лозунге «грабьте и уничтожайте попов и буржуев» они находили оправдание своим злодеяниям.

Было ли убийство митрополита Владимира убийством политическим? И да, и нет! Прежде всего я отвергаю вариант, квалифицирующий это убийство как расстрел контрреволюционера по официальному приказу большевистских властей. Но идеологическое «оправдание» убийства

митрополита Владимира давалось коммунистической программой, объявлявшей своей задачей беспощадную борьбу с духовенством как с реакционной частью населения. Личность митрополита, высшего представителя церковной власти, да еще такого, каким был митрополит Владимир, могла быть как бы образцовой мишенью в кампании расправы с духовенством. Он был, так сказать, «высшим попом», да еще с ярко выраженными монархическими взглядами. С ним и свели счеты. Время было темное, безответственное. Трудно было найти виновных, трудно было распознать мотивы, раскрыть следы преступления, выяснить обстоятельства дела. Из-за этого злодеяние покрыто густым туманом таинственности и неизвестности. Было сделано все, чтобы ослабить интерес к этому делу, чтобы, как говорится, замять его. Однако сохранились кое-какие материалы. Я помню людей, которые были свидетелями этого дела. Это событие произвело сильное впечатление на общественность и братию. Несмотря на то, что обстановка, как было уже описано выше, на Украине и, в частности, в Киеве в то время была тревожной и ко всевозможным грабежам и убийствам людей привыкли, тем не менее, убийство преосвященного Владимира, священно-архимандрита Киево-Печерской Лавры, митрополита Киевского и Галицкого, постоянного члена Святейшего Синода, в недалеком прошлом митрополита Московского и затем Петроградского, высоко почитаемого иерарха Русской Церкви, всколыхнуло всю общественность и, в первую очередь, весь православный мир как на Украине и в России, так и за границей.

Одновременно с судебным следствием, производившимся в общем порядке, было организовано специальное духовное следствие. Патриарх Тихон для этой цели командировал в Киев особого духовного следователя, умного и сведущего архимандрита, который горячо принялся за порученное ему дело. Я не знакомился с этими материалами, но мне известно, что духовный следователь собрал много важного и существенного по этому делу. Да это и понятно. Некоторые корни этого происшествия уходили в недра самой монастырской жизни и, естественно, духовный следователь, с одной стороны, не связанный формальностями общегражданского следственного процесса, а, с другой стороны, хорошо знающий все винтики монастырского механизма, понимающий все нюансы этого быта, наконец, имеющий неофициальные ходы к раскрытию правды, мог совершеннее проследить некоторые, доступные ему нити преступления, правильнее представить картину события. Все были потрясены кошмарным убийством святителя. Общественное возбуждение и большой интерес к этому делу выразились в организации особого расследования, которое производилось параллельно со следствиями гражданским и духовным. Руководил этим расследованием опытный судебный следователь г-н Черток. Обстоятельства военного времени не позволили ему довести дело до конца, однако и тех материалов, которые были собраны, было достаточно, чтобы, по словам Чертока, составить картину злодеяния. В своем распоряжении я, правда недолгое время, имел два тома общегражданского следствия, менее полного, но зато, думаю, более объективного и спокойного. Это дело хранилось в архиве Общих судебных установлений, находившихся в здании присутственных мест на Софийской площади. С приходом новой власти все прежние незаконченные процессы были прекращены. В здании суда были размещены какие-то многочисленные советские учреждения. Наступало зимнее холодное время, дров не было, решили в качестве топлива использовать большой запас архивного материала. Общую участь подчас ценнейших материалов должно было разделить и дело об убийстве митрополита Владимира. Совершенно случайно в тот момент, когда сотрудница учреждения собиралась положить в горящую печь два тома этого дела, мой знакомый присяжный поверенный И.П. Бессарабов заметил по фотографиям, что это дело митрополита Владимира. Он спас от огня эти два тома со всеми приложениями и взял их к себе. Остальные тома были уже объяты пламенем. Зная, что я живо интересуюсь этим делом, он любезно разрешил мне ознакомиться с ним и передал его в мое пользование. Вскоре, однако, это делопроизводство было у меня изъято прокурором республики. Думаю, что материалы эти погибли.

Наместником, затем настоятелем Лавры был тогда архимандрит Климент. Вступив в обитель в качестве послушника Константина из военных писарей, он, казалось, не обладал ничем, что могло бы

ему создать такую карьеру; тшедушный, болезненный и несколько застенчивый, он как будто не владел талантами большого административного деятеля. Однако ему нельзя было отказать в присутствии определенного такта, гибкости и сообразительности. Не получив образования, он благодаря своей пытливости и настойчивости, овладел некоторыми знаниями. В этом ему много помогло его послушание. Именно, он был определен управляющим митрополичьими домами в Киеве. Эта должность по своему характеру заставляла его быть в постоянном общении с массой разнообразного населения этих домов, среди которого было много весьма интеллигентных лиц с большим образованием и эрудицией. Общение с ними не могло не наложить отпечатка на будущего настоятеля, который к тому времени уже принял постриг с именем Климент. Он, как губка, впитывал слова, выражения, манеры вести себя, отрывки знаний. Его пытливость и желание помогали ему в этом. Конечно, он вследствие этого не стал образованным или подлинно интеллигентным человеком, но во всяком случае «отшлифовался», научился держать себя в светском обществе, вовремя сказать слово, комплимент и т. д. Наконец, что, быть может, еще важнее сталкиваясь с разными людьми, он получал большой и богатый психологический материал для наблюдений, научился обращаться с людьми в целях того или иного воздействия на них. Отец Климент весьма любил власть, стремился к ней и, получив ее в свои руки, боялся потерять. По своим социальным убеждениям, так как, в конце концов, неудобно говорить о политических убеждениях монаха, он примыкал к крайне левому крылу лаврской братии. Около него всегда группировались монахи, настроенные весьма радикально. Насколько мне известно, члены лаврской полтавской группировки во главе с о. Филадельфом относилась к о. Клименту отрицательно, как к «высочке».

Февральская революция 1917 г. получила какое-то отражение и в Лавре. Ряд оппозиционно настроенных монахов и послушников проявили известную деятельность. Естественно, эта деятельность приняла несколько другие формы, нежели это было в миру: не было плакатов или демонстраций, но внутреннее брожение умов было заметно, и оно проявлялось в собраниях, при обсуждении внутреннего положения Лавры, в частных беседах среди братии и в определенной агитации. Конечно, и содержание подобных настроений отличалось от революционных в миру. Монахи смотрели «со своей колокольни» и рассуждали о революции под своим специфическим углом зрения. Понятно, что в первую очередь мы столкнулись с теми настроениями, которые не оправдывали присутствия митрополита в качестве настоятеля Лавры. Положение осложнялось еще и тем, что в это время во главе Лавры стоял решительный, сильной воли с ярко выраженными правыми убеждениями митрополит Владимир. Он был сторонником твердой, сильной и единоначальной власти как в государстве, так и у себя в обители. Тем не менее, следуя духу времени, митрополит вынужден был сделать ряд уступок. Незадолго до убийства митрополита, под давлением о. Климента и его сторонников, был удален слепнувший, но прекрасной и чистой души истый монах, наместник Лавры архимандрит Амвросий, и под тем же давлением сочувствующих Клименту группировок был выбран братией в качестве наместника сам о. Климент. По-видимому, перед голосованием о. Климент дал своим избирателям ряд обещаний. Так, известно, что более шестидесяти его приверженцев непосредственно после его избрания получили награды и возведение в высшие саны. Об этом откровенно говорили вслух. Отец Макарий, ближайший помощник о. Климента, получил, кроме сана архимандрита, еще и наиболее важный пост келаря Лавры. По-видимому, среди климентовской группировки был намечен план и для дальнейших действий и реформ. Во всяком случае тогда можно было наблюдать в Лавре изоляцию митрополита, общее безвластие, неуверенность и неспособность лаврского руководства противостоять проникновению в стены монастыря преступных элементов и в особенности большевистствующих бандитов.

В январе 1918 г., в эти кошмарные дни убийств, грабежей, насилий население Киева чувствовало себя совершенно беспомощным, беззащитным, ожидая каждую минуту смерти. Верующие люди, естественно, собирались вокруг своей святыни в Киево-Печерской Лавре. Служили ночные службы, молились до утра. В этот роковой вечер в Великой церкви начали совершать

всеношное богослужение рано, около четырех часов, так что в семь часов читали кафизмы. Во время этих чтений обычно садились, многие же богомольцы и даже иногда монахи выходят на двор. На этот раз перед верующими, вышедшими из Великой церкви на лаврский двор, предстала необыкновенная картина. Еще не было совершенно темно, да и снег давал блики, и потому можно было отчетливо различать все окружающее. От митрополичьих покоев двигалась странная процессия: впереди с фонарем шел какой-то неизвестный солдат, а за ним окруженный четырьмя вооруженными людьми шествовал священно-архимандрит Лавры, митрополит Киевский и Галицкий Владимир. На нем была меховая шуба, белый митрополичий клобук, в руках он держал посох, никого из монастырских людей около митрополита не было, стало очевидно, что в такое жуткое время митрополита вели на что-то страшное, тяжелое. Слух о том, что митрополита куда-то увели неизвестные люди, возможно на расстрел, быстро разнесся по Великой церкви, однако, это сообщение не всеми было принято с тревогой за судьбу митрополита.

Через Экономические ворота таинственная процессия вышла из Лавры и направилась к валам улицы Цитадель, ведущей в город. Там на площадке, в ста пятидесяти метрах от Лавры был убит ее священно-архимандрит, митрополит Владимир. При судебном вскрытии тела было обнаружено более двадцати колотых и более тридцати огнестрельных ран: митрополит был убит с истязаниями. Рука его была сложена для благословения, что можно было видеть на приложенных к судебному делу фотографиях. Между прочим, в деле имеется важное показание одного жителя Печерска, подтверждающее наше замечание. «Утром рано, часов в пять, я направился из дома, что находится на Никольской улице (продолжение улицы Цитадель) в Лавру, — рассказывает свидетель. — Дома у меня было нечего есть, а я знал, что знакомые монахи дадут мне картошки. Подходя к тому месту, где было совершено убийство, я заметил, что на площадке около вала лежит что-то бесформенное, прикрытое шубой, а рядом с ним на часах стоит какой-то вооруженный человек. Когда я подошел ближе, то увидел, что около тела, покрытого шубой, лежит белый клобук и поломанный посох⁶. Часовой, заметив меня, сказал: «Вчера высокого попа убили, а он нас еще благословлял». Я сразу понял, что убили митрополита и в ужасе побежал в Лавру, чтобы рассказать о страшном злодеянии»⁷.

Весть о трагическом происшествии разнеслась по всей Лавре и городу. Большинство монахов и население Киева с горечью приняли это известие. Однако, как ни странно, наместником Лавры было отдано распоряжение совершать не панихиды, а молебствия.

Только один помощник благочинного иеромонах Моисей отважился тайно совершить панихиду о новопреставленном убиенном митрополите Владимире. Когда я прочел строки дела, повествующие об этом, я был весьма удивлен и не мог поверить этому. Немедленно я обратился к наместнику о. Клименту и попросил рассеять мои недоумения. Каково же было мое удивление, когда наместник подтвердил данные дела, не возражая, что им было отдано подобное распоряжение. Он, однако, объяснил это обстоятельство не какой-либо радостью или торжеством по поводу кончины митрополита, а большим удовлетворением, что возбужденное перед советским комендантом ходатайство о разрешении хоронить митрополита по архиерейскому чину погребения со всей полагающейся в таких случаях торжественностью увенчалось полным успехом и таковое разрешение было, в конце концов, получено. Погребли митрополита с почестями на Ближних Пещерах, как и полагалось Священно-архимандриту Лавры.

В приобщенном к следствию дневнике Рыбкина, личного келейника митрополита, говорилось, что за несколько дней до убийства к Владыке пришла какая-то делегация монашествующих во главе с наместником Климентом и келарем Макарием, «все горлопаны и головорезы»; они о чем-то громко и

---

⁶ Вещественные доказательства по делу об убийстве митрополита Владимира, в том числе шуба, посох и клобук, хранились вместе с делом в здании киевских присутственных мест. Потом они были похищены.

⁷ На месте убийства митрополита был сооружен мраморный черный крест, обнесенный оградой, который, однако, впоследствии был удален советскими властями.

горячо говорили, причем в тонах, далеких от пиетета по отношению к митрополиту. Они «наступали» на митрополита и чего-то настойчиво требовали. Когда Рыбкин вошел в залу, где митрополит принимал делегацию, то увидел, что «батюшку», то есть митрополита, «они хватают за горло». Быть может это преувеличение, но бесспорно какая-то делегация из монахов была и с какими-то весьма серьезными и настойчивыми требованиями, которые, возможно, перешли в вымогательство. Можно также предположить, что это были требования об отречении митрополита от власти настоятеля Лавры в пользу Климента и об утверждении, вернее, восстановлении в Лавре ставропигии. Во всяком случае, упомянутый разговор велся в таких тонах, что митрополит, после того как делегация удалилась, сказал: «Видишь, что они делают?», на что Рыбкин посоветовал: «Нечего здесь сидеть и ждать. Поедем отсюда». Митрополит тогда спросил: «Куда же?», на что Рыбкин ответил: «Да хоть в Выселки» (по-видимому, место отдыха митрополита). После этого разговора митрополит и Рыбкин стали собираться и складывать вещи.

По материалам следствия преступники появились в Лавре накануне преступления. Их было четверо, и с ними была какая-то сестра милосердия. Одеты они были в солдатские шинели, говорили с великорусским акцентом. В покои митрополита убийцы явились после обеда. Епископ Прилукский Феодор, который в это время гостил у митрополита, один из наиболее объективных, спокойных свидетелей по делу, рассказывает приблизительно так. После обеда они с митрополитом поднялись на верхнюю террасу, откуда открывается далекий вид на Заднепровье, и стали наблюдать за сражением, которое в это время разыгрывалось между украинскими частями и большевиками. Митрополит внимательно следил за разрывами снарядов и делал свои меткие замечания. В это время явился келейник и доложил, что пришли какие-то вооруженные люди и спрашивают митрополита. Митрополит вышел в приемную; епископ Феодор также спустился вниз. В это время митрополит с четырьмя вооруженными людьми прошел снова наверх в свои покои. Один часовой продолжал оставаться внизу. В покоях стали производить тщательный обыск, который продолжался довольно долго. Через некоторое время митрополит с вооруженным человеком прошел по лестнице вниз. Минувя епископа Феодора, он бросил: «Грозят расстрелом». Через некоторое время митрополиту было предложено одеться. Он накинул на себя шубу, надел белый клобук, взял в руки посох и в сопровождении упомянутых вооруженных людей вышел на лаврский двор.

В то время в Лавре была организована внутренняя монастырская охрана, состоявшая из одиннадцати вооруженных монахов и послушников и находившаяся в ведении наместника Лавры, поэтому епископ Феодор немедленно позвонил по внутреннему лаврскому телефону о. Клименту и сообщил о том, что у митрополита были вооруженные люди, которые произвели обыск и его куда-то увели, причем угрожали расстрелом. Епископ просил наместника о помощи и защите вверенной ему милиции монастыря. Наместник обещал это выполнить. Однако никто на защиту митрополита не явился. Митрополит был беспрепятственно выведен из Лавры и расстрелян в виду Лавры. Наместник впоследствии утверждал, что он немедленно после сообщения епископа Феодора позвонил коменданту и будто бы ему ответили, что как раз сейчас на допросе стоит какой-то высокого роста человек. По объяснениям наместника, он решил, что это и есть митрополит, которого вызвали на допрос и немедленно выпустят.

Как видно из сказанного и из материалов гражданского следствия, в Лавре существовала внутренняя оппозиция против власти и личности митрополита Владимира. В этом движении участвовал и наместник Лавры. Это внутреннее нестроение не могло не облегчить проникшим на территорию Лавры преступникам их задачи. Тем не менее нет никаких оснований обвинять архимандрита Климента в каком-либо действительном и сознательном соучастии с этими злоумышленниками. Наместник в момент трагического события обнаружил растерянность и оказался беспомощным перед происходившей катастрофой, и, естественно, его бездеятельность в этот момент вызывала впоследствии недоумения и нарекания. Но не следует забывать, что большевики тогда

фактически уже господствовали на Печерске, и один из их штабов уже обосновался в здании лаврской типографии. Климент при таких условиях считал себя не в силах противодействовать разнузданным солдатским бандам.

Убийство митрополита Владимира было преступлением, особенно взволновавшим насельников Лавры и всю общественность того времени. Но в это темное время оно было далеко не единственным. Так, в период так называемого военного коммунизма в 9 часов вечера в своей келье был убит ножом в спину чрезвычайно достойный, всеми без исключения любимым архимандрит Николай. Блестяще образованный человек, в миру морской офицер, дослужившийся до чина капитана первого ранга, он после пострижения назначается начальником Православной миссии в Китае, где изучал еще и китайский язык. Жил он убого, постоянно голодал. Его убийцы тяжело ранили еще и садовника митрополичьего сада о. Кориона, и только помощнику последнего удалось спастись и донести о бандитах.

9. НАСТОЯТЕЛЬ ЛАВРЫ АРХИМАНДРИТ КЛИМЕНТ

Оценка личности архимандрита Климента, а равно и его роли в лаврской истории должна принадлежать перу будущего церковного историка, который в том или ином разрезе не сможет обойти его фигуру молчанием. В целях объективности скажу лишь, что управление Лаврой после февральской революции на Украине с каждым днем делалось все труднее и сложнее. Отец Климент принял бразды правления как раз в то трудное и сложное время. С приходом к власти Советов становилось все яснее, что Лавра приближается к своему концу. Гонения на церковь, религию, духовенство, монастыри все усиливались. Вопросы управления Лаврой более не касались спокойного руководства и устройства внутренней жизни монастыря, а переносились в сферу энергичной, умелой и осторожной борьбы за существование Лавры. Нужно признать, что братия, далекая от мирских интересов, от политических вопросов, не всегда сознавала всю сложность положения Лавры, трудности защиты ее. Живя по старинке, монахи молились, выполняли свое послушание, часто не понимая, что жизнь монастыря движется к своему концу. Моя деятельность юрисконсульта Лавры, которая, собственно говоря, из рамок спокойной правовой деятельности была перенесена в плоскость горячей защиты монастыря, протекала совместно с работой наместника, и я мог наблюдать о. Климента на его посту. Со всех сторон подкрадывались неожиданно неприятности и опасности. Все время нужно было быть начеку, лавировать, приспособливаться. Нужно было принимать светских людей, партийных работников, начальников, в большинстве своем настроенных против монастыря, всячески задабривать их, чтобы такой ценой купить хотя бы временную отсрочку ликвидации Лавры. Всевозможные начальники отделов, комиссары тянулись к Лавре, чтобы вырвать для себя, что можно. Каждого приходилось нейтрализовать, чтобы он, если бы и не помогал, то, по крайней мере, не вредил и молчал тогда, когда нужно было молчать. Часто неизбежным было жертвовать монастырским режимом, обиходом, установившимися правилами, чтобы спасти положение. И нужно признать, что наместник о. Климент понимал это и проявлял себя не педантом и ригористом. Однако часто он перегибал палку и этим ухудшал положение. Несмотря на свою, казалось, проницательность и тонкость он иногда попадал впросак. Как-то раз перед воротами Лавры остановился шикарный шарабан. Из него вышел помощник прокурора Киевской области и направился ко мне. Он привез мне и настоятелю приглашение на ужин к прокурору. Я сразу понял, что это приглашение вызвано не какими-либо симпатиями ко мне и настоятелю, а лишь желанием лучше «обработать» монастырское начальство в желательном направлении. Поэтому я под предлогом своей болезни уклонился от приглашения. Настоятель же о. Климент с радостью принял его и еще хвалился вниманием к нему со стороны «власть имущих». Долго в этот вечер и ночь дежурил у Святых ворот келейник настоятеля о. Стефан, дожидаясь архимандрита, чтобы впустить его в Лавру. Уже было 12 часов, а о. настоятеля, уехавшего в гости в шесть часов, все еще не было. Начал беспокоиться и я. Только с первым ударом ночного колокола, зовущего братию к

утрени, в Святые врата вошел о. Климент. Увидев меня, он зашел в мою келью. Я спросил настоятеля по поводу приема. В ответ на это он рассказал, как любезно его принимали. «На днях по обещанию Лифшица (начальник чека) мне даже покажут тюрьму и я смогу лично обойти и осмотреть ее». Обещание это, замечу, Лифшиц выполнил, правда, не полностью. Именно, через несколько дней настоятель был арестован, и его посадили в эту тюрьму. Он познакомился, правда, не со всем зданием, но с одной из ее страшных камер.

Какой происходил разговор у настоятеля Лавры в гостях у начальника кровавого застенка я не знаю, однако уверен, что это не было дружеским чаепитием, чтобы за стаканом чая мирно и тепло побеседовать обо всем понемножку. Отец Климент за внешним гостеприимством представителей ЧК не разглядел их истинных намерений. Он не понял, что был нужен не как интересный собеседник или симпатичный человек, а как орудие для выполнения их планов против Церкви. И, как я замечал, это был не единственный случай его опрометчивости и ошибок.

Первое впечатление, которое о. Климент производил на окружающих, было вполне благоприятным. Высокий старец с лицом аскета, с длинной седой бородой, довольно красивый, если нужно, то и гостеприимный, говорящий тихо, искренним тоном, с постоянно ласковой улыбкой, он вначале буквально очаровал меня, и понадобилось довольно много времени жизни в Лавре, чтобы я понял его другую сторону. Я пришел к убеждению, что о. Климент не обладал твердой волей и быстро поддавался влияниям, увлечениям. Но как монах он любил молитву, пост, богослужения. Жизнь его была полна треволнений, и нужно отдать должное его трудной работе. В то тяжелое для Лавры время, когда не стало настоятеля-митрополита, он нес на своих плечах большое бремя управления Лаврой. Он часто жаловался на недостаток деятельных помощников, которые понимали бы истинное положение монастыря и поддерживали его.

После своего ареста он был сослан в Харьков на поселение. Там он служил в одной из церквей, а затем, если не ошибаюсь, частным образом. Неожиданно для некоторых он проявил необыкновенное мужество и стойкость взглядов, признав митрополита Сергия, а также всех архиереев его поставления или подчинившихся ему, неканоничными и организовав вокруг себя верующих, одинаково с ним мыслящих. Он приобрел довольно большую известность, распространив свое влияние далеко за пределами Харькова. Так, например, за святыми дарами некоторые духовные лица из Киева ездили к о. Клименту, так как считали, что благодатное таинство совершается именно у него, а не духовенством, признавшим власть митрополита Сергия. И здесь о. Климент проявил поразительную твердость и последовательность, не допуская ни малейшего в этом отношении компромисса. Я с ним встретился еще раз в период оккупации Киева немцами. Он прибыл тогда в Киев, чтобы занять вновь пост настоятеля Лавры. Впрочем, так как он не признавал (по вышеупомянутым соображениям) власти местных архиереев, то разошелся с братией, которая избрала настоятелем архимандрита Валерия. И в данном случае о. Климент оказался также твердым и не пошел на соглашение. Он организовал вблизи Киева в селе Мышеловка, небольшую общину и совершал там богослужения. Ко мне он явился с просьбой помочь ему выехать в Харьков и получить пропуск. Он сильно одряхлел, и было видно, что годы изгнания отразились на нем. В эту встречу он показался мне более духовным и чистым, чем когда-либо ранее.

Мне хотелось бы в заключение этой главы сказать несколько слов о «дворе» или окружении настоятеля о. Климента. Прежде всего следует упомянуть иеродиакона Владимира, секретаря и старшего келейника о. Климента. Он производил неприятное впечатление. Красивый брюнет, сравнительно молодой человек, он как-то отталкивал от себя. В каждом его слове, в каждом его движении сквозили неискренность, лицемерие и холодность. Он говорил очень вкрадчиво и елебно, постоянно ссылаясь на авторитет о. Климента, которого называл «батюшкой». Но, как только с настоятелем случилось несчастье, эта дружба распалась. Я не любил о. Владимира и сторонился его.

Много симпатичнее был о. Феопемпт, второй келейник о. Климента. По профессии он был фельдшером.

В дни немецкой оккупации мы с ним часто встречались в Лавре, где он занимал пост игумена и члена Духовного Собора. Наконец, третьем келейником являлся о. Степан, молодой, подвижный кудрявый брюнет-сангвиник, выполнявший обязанности швейцара и рассыльного. Эта последняя должность в то беспокойное время была нелегка, и я видел его в вечном движении и на дежурстве, при исполнении своего послушания. Это был, так сказать, ближайший штат настоятеля, однако о. Климент по своему положению начальника Лавры мог каждого монаха послать на любую работу, дать ему любое поручение. Упомянутый штат был очень хорошо вышколен и знал точно, чего хочет их начальник: кого принять любезнее, кого похолоднее, а кому просто отказать.

10. ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЛАВРЕ

Лавра представляла собой не только величайшую святыню всего православного мира, она в своих стенах заключала огромные материальные ценности. Вместе с молитвами в монастырь текли большие богатства. Каждый богомолец хотел выразить свою любовь и преданность Лавре не только духовно, но и материально: вместе с лучшими чувствами, верующие отдавали часто все, что имели ценного. Я сравниваю свои настроения. Когда я вступил в Лавру, у меня была только одна материальная ценность. Это золотая медаль за успешное окончание гимназии. Переезжая на место, прекрасный футляр от нее я выбросил, но саму медаль во имя воспоминаний о гимназических годах и как единственную материальную ценность я хранил. Эту медаль я решил отдать в лаврскую ризницу. Я прекрасно понимал, что мой дар есть капля в море драгоценностей, хранящихся в ризнице Лавры, но субъективно, отдавая все, что у меня было, я был удовлетворен и нисколько не сожалею даже и сейчас об этом поступке.

Можно себе пред ставить, сколько подобным образом богатств скопилось в Лавре. Достаточно вспомнить о щедрых приношениях и пожертвованиях русских царей и цариц, бояр, князей, верующих богатых людей и т. д. Главные богатства были сосредоточены в ризнице при Великой церкви. Это была богатейшая в мире ризница, ценнейшая, как в смысле материальном, так и в смысле религиозном и историческом. В ризницу вели небольшие массивные железные двери с правой стороны собора. Двери были зеленоватого оттенка с накладными украшениями весьма старинной работы. Ризница, как я уже неоднократно упоминал, находилась в ведении еkkлeсиарха Лавры. Он всегда говорил, что будет охранять ризницу до последней капли крови: «Только через мой труп пройдут в ризницу». Будучи смертельно больным, в бреду, он крепко сжимал в своих руках большие ключи ризницы, не доверяя их никому. Даже тогда, когда наместник вместе с митрополитом-экзархом Михаилом пришли к его одру с просьбой отдать ключи, так как нужно выдать облачение для митрополичьего богослужения, еkkлeсиарх отказал, сказав, что дежурные облачения для богослужения имеются в достаточном количестве и в пономарках. Так он и умер крепко зажав огромный ключ лаврской ризницы. И, действительно, только после его смерти вошли в ризницу свои, а вскоре и чужие люди. Около ризницы всегда дежурили монахи-сторожа, а в ночное время наряды усиливались. Ночью неоднократно сам еkkлeсиарх вставал и проверял все посты. Бывало, засидимся под кровом его гостеприимной кельи часов до двенадцати. Еkkлeсиарх надевает шубу, и мы с ним из теплой кельи идем в метель и вьюгу к Великой церкви. «Это ты, отец Матфей?» — кричит еkkлeсиарх в сторону черного силуэта, еле вырисовывающегося на фоне ночного мрака. «Я, батюшка, благословите». И фигура, наклонившись, принимает благословение от архимандрита. «Отец Парамон, где ты?» — опять раздается голос еkkлeсиарха. Точно из-под земли вырастает высокая фигура пономаря. Отец еkkлeсиарх берег лаврское добро и ревниво охранял всякую мелочь, принадлежащую монастырю. Бывало, наместник по случаю приезда ко мне гостей посылает к еkkлeсиарху записку с просьбой отпустить красного вина.

Неохотно подчинялся еkkлeсиарх этим требованиям, говоря, что вино не для угощения, а для службы Божией.

Не все лаврские ценности были сосредоточены в ризнице при Великой церкви. И в ризницах при других лаврских храмах находилось также немало богатств. Когда ризницы уже были переданы советским властям, на Дальних Пещерах при храме по недосмотру было украдено две тысячи метров лионского шелка, который был в свое время пожертвован на облачение св. мощей. Кроме того, можно было предположить, что кое-что из лаврских ценностей было скрыто. Обычай прятать церковные ценности в Лавре существовал издавна. Цари, как, например, Петр Великий, одаривали Лавру щедро, но в тяжелые для родины времена и сами требовали жертв от монастырей. Защищая свои богатства, монахи прятали ценности, но об этом обыкновенно знал лишь ограниченный круг доверенных лиц из высшей лаврской администрации. Поэтому иногда создавались своеобразные положения. Умирал наместник, случалось неожиданное несчастье с еkkлeсиархом, и с ними вместе, если они не успевали сказать, где клад, оставалась и тайна клада в недрах земли. Рассказывали, будто перед смертью последнего еkkлeсиарха Лавры к нему приходил наместник и просил сообщить о тайнах сокрытых ценностей. Как-то во время капитального ремонта Великой церкви стали подымать пол храма. Неожиданно обнаружили большие богатства, которые были когда-то спрятаны, а затем забыты, так как лицо, знавшее тайну клада, ушло в вечность.

О лаврской ризнице написано много книг. Особенно приобрела известность работа проф. Ф. И. Титова «Ризница Киево-Печерской Успенской Лавры», изданная в двух роскошных объемистых томах. Данный капитальный труд весьма обстоятельно описывает исторические, материальные и религиозные богатства этого богатейшего хранилища. При таких условиях, казалось, монахам трудно было что-либо утаить. В упомянутых книгах всякая мелочь была описана и часто даже сфотографирована. Действительно, когда во время изъятия церковных ценностей в 1921-1922 годах представители власти явились для конфискации ценностей в Лавру, они имели с собой, кроме официальных списков, составленных монахами, также и упомянутые книги. Так требовали они одну вещь за другой. «Позвольте, это еще не все. А где Иоаннинское Евангелие, кованное золотом, вот его фотография». И вслед за этим на столе перед комиссией по изъятию ценностей появлялось драгоценное Евангелие. «А где панагия Анны Иоанновны, осыпанная бриллиантами?» — продолжает председатель комиссии. Вынимали из заветных мест и драгоценную панагию. Так, вещь за вещь были собраны колоссальные богатства лаврской ризницы. Когда мне разрешили войти и посмотреть на эту дивную коллекцию, то я растерялся. Это было необыкновенное зрелище. Бриллианты разной величины, начиная с мелких и кончая экземплярами в несколько каратов, жемчуга, золото, платина, рубины и другие драгоценные камни при свете восковых свечей сияли, играли, переливались дивным феерическим блеском, тысячами огней. Вот прекрасной художественной работы панагия — дар Петра Великого. На обратной стороне подпись самого императора. Вот плашаница, вышитая жемчугом руками самой императрицы; вот бесценные бриллиантовые панагии, вот дивной работы литой золотой крест — дар Богдана Хмельницкого, вот чудесная риза с иконы Божией Матери, кованная из золота и осыпанная бриллиантами. Трудно было бы описать все богатства, собранные в этой комнате. Сколько любви, преданности, души было сосредоточено во всех этих приношениях.

Во избежание сопротивления со стороны верующих, вывоз ценностей и само изъятие производились ночью. Значительная часть населения была весьма повышено настроена в связи с разнесшимся слухом об изъятии лаврских ценностей. Бывали случаи, когда верующие ложились на землю перед машинами, чтобы воспрепятствовать вывозу; для сохранения спокойствия были приняты чрезвычайные меры — вся Лавра была окружена наиболее надежными частями войск и курсантами. Всюду были расставлены пулеметы. Началось изъятие в половине второго ночи и закончилось лишь утром. В то время я жил в келье около Святых ворот. В этот час ко мне постучали прокурор УССР Михайлик и зам. наркома НКВД Серафимов. Они только что закончили судебный процесс над

епископом Алексием, обвинявшимся в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Представитель ревтрибунала Н.М. Варгин прошел прямо в Великую церковь, чтобы руководить изъятием. Члены комиссии попросили меня согреть чаю и также отправились в храм. Утром грузовые машины, до верха нагруженные лаврским богатством, выезжали из Святых ворот. Некоторые вещи, представляющие неизмеримую историческую и художественную ценность, по требованию Академии Наук, были возвращены. К сожалению, многие из них, как, например, крест Богдана Хмельницкого, были сильно повреждены и помяты при погрузке на машину, так как драгоценный металл уминали ногами, чтобы компактнее нагрузить машину.

В 9 часов утра раздался обычный звон к поздней литургии. В то время колокола еще висели на колокольне; изъятие их произошло значительно позже. Небольшие колокола снимали при посредстве особых приспособлений, больших колоколов снять не могли и потому их перепиливали электрической пилой на колокольне. Помню, что верующие со слезами собирали на память кусочки металла, падающие при пилке, чтобы потом их сохранять как реликвию.

Я предполагал, что на этом операция изъятия ценностей в Лавре и закончится. Я долго жил в Лавре, довольно близко знал братию и все лаврские дела, монастырский быт и допускал, что у наместника еще имеются некоторые мелкие драгоценности; но я никак не мог допустить, что в Лавре таятся еще, кроме официально известных и описанных в книге проф. Титова, большие скрытые богатства. Оказывается, значительная часть лаврских ценностей, быть может большая, чем та, которая была изъята, была зарыта в разные места Лавры, а, главным образом, в 10 километрах от Киева за стеной Китаевской пустыни. Секрет стал известен властям. Я хорошо помню ту страшную ночь, когда все это совершилось. Неожиданно снова в Лавру нагрянули военные силы. В Духовном Соборе было организовано нечто вроде временного НКВД. Там производились допросы монахов. В результате около 70 монахов были арестованы, а величайшие ценности конфискованы. Трудно подсчитать материальную сумму изъятых лаврских богатств. Мне передавали, что за эти дни в Лавре было взято не менее 4 пудов золота, около 4 фунтов бриллиантов, около 700 пудов серебра и множество других драгоценностей.

11. ЭКЗАРХ УКРАИНЫ МИТРОПОЛИТ МИХАИЛ

После убиенного митрополита Владимира митрополичья кафедра, а вместе с тем и настоятельский престол в Лавре остались незамещенными, вдовствующими. Для Киева и Лавры наступали особенно тяжелые дни. Постоянные смены властей, обыски, грабежи, расстрелы, голод, артиллерийская бомбардировка, преследования религии обрушились на древний монастырь.

Много повреждений было нанесено Лавре артиллерийским обстрелом советских войск в 1918 г. Бронированный поезд под командой Полупанова подошел к Киеву со стороны Ларницы и выбрал мишенью для обстрела Лавру. Таким образом, в течение суток по Лавре было выпущено свыше 700 снарядов. Сильно пострадали кельи Верхней Лавры, а также алтарная стена Великой церкви. Впоследствии монахи отремонтировали ее, однако, красными штрихами отметили места прежних повреждений. Отдельные повреждения (купол Трапезной церкви) были нанесены Лавре и во время нападения на Киев поляков.

В это время Лавра как нельзя больше нуждалась в твердом стойком руководителе. Между тем, именно такой крепкой церковной власти не было. Управляющим киевской епархией в то время был викарий, епископ Чигиринский Назарий. Хотя он прошел в миру блестящую военную карьеру и занимал не малые чины, он при всех своих хороших душевных качествах не отличался энергией, инициативой и прочими талантами администратора. Проживал он в то время в Лавре в наместничьем доме, занимая скромную маленькую келью. Я изредка по делам монастыря заходил к нему и из наших бесед неизменно выносил одно и то же впечатление: владыка казался чрезмерно осторожным и был

склонен скорее предоставить все естественному течению событий. Не было в это время и тесной связи с патриархом. Таким образом, вся власть в Лавре сосредоточивалась, по существу, в руках наместника Климента. Так не хватало митрополита, облеченного полнотой власти, авторитетом и обладающего крепкой волей и умом. И несмотря на то, что пребывание митрополита в Лавре в качестве настоятеля ее встречало в некоторой части братии отрицательное отношение, сама Лавра в значительной мере потеряла вследствие его отсутствия. Торжественные митрополичьи богослужения, величавый характер представительства Лавры в лице первосвященника Церкви, наконец, самый факт пребывания митрополита в стенах Лавры сообщали ей особый духовный авторитет, как бы подчеркивали ее значение и вместе с тем еще больше привлекали народ. Однажды утром мой Петя сообщает, что сегодня прибывает экзарх Украины митрополит Михаил и остается жить в Лавре. Я пошел проверить эту новость, действительно, в Лавре было заметно необычное оживление. В Великой церкви происходили деятельные приготовления: устанавливали архиерейскую кафедру, раскладывали на горнем месте торжественные облачения, зажигались все люстры. Перед церковью, где уже собралось много народа, также царило приподнятое настроение.

Раздался могучий трезвон всех лаврских колоколов, и духовенство Лавры во главе с Духовным Собором ее в полном составе двинулось из церкви встречать святителя. Появился митрополит. Он был высокого роста, несколько худощавый. Выражение его умного лица было просто и сосредоточенно. С радостью смотрели мы на его белый клобук, прерогативу митрополита, как на знак восстановления и укрепления Лавры. Но тогда казалось, что, наконец, явился крепкий начальник монастыря, который сумеет поднять авторитет Лавры, защитить ее и оздоровить ее внутреннюю жизнь. После торжественной литургии, которая совершалась с участием множества духовенства, митрополит прошел в наместничьи покои, где ему уже была приготовлена небольшая комната. Такую же комнату получил и приехавший с ним его келейник, иеродиакон, впоследствии иеромонах Иосиф. Появление в Лавре митрополита, естественно, вызвало среди братии оживленные разговоры на тему о новом положении. Большинство ожидало, что митрополит проявит свою волю и воспользуется своими правами, чтобы установить в Лавре другие порядки. Понятно, что о. Климент и его сторонники проявили известную нервозность и беспокойство. Митрополит был окружен лаской, предупредительностью. Были изучены все его привычки и слабости, чтобы лучше влиять на него в желательном направлении. Затем о. Климент стал действовать смелее и, воспользовавшись установившимися добрыми отношениями с митрополитом Михаилом, постарался сделать следующий шаг к укреплению своего положения. Именно, он решил добиваться настоятельства и восстановления всех древних прерогатив главы Лавры и, вместе с тем, полной ставропигии. При его такте, умении подойти к митрополиту, этот план удался в совершенстве, и вскоре мы узнали, что наместник о. Климент назначается настоятелем Лавры, что, таким образом, митрополит отказывается от всех прав в отношении монастыря и дарует Лавре ставропигию. С этого момента наступило полное торжество о. Климента и его сторонников. Последняя преграда пала. Он возведен на высшие ступени, и именно при его участии совершилась давно желательная многим реформа. Его прерогативы как настоятеля Лавры простирались не только на его положение в Лавре, но также нашли отражение и в ряде внешних отличий. Так, перед началом богослужений его стали встречать, как архиерея. Ему предшествовал жезлоносец и свещеносец, его облачали в мантию со скрижалями, украшенными накладными вышитыми золотом цветами и символами. Он осенял народ дикириями и трикириями. Но, конечно, гораздо важнее были полученные им преимущества в управлении Лаврой. Он стал единоначальным главой ее. Продолжавший существовать Духовный Собор стал к нему в то же подчиненное положение, в каком он находился в прежнее время в отношении митрополита, то есть явился совещательным при нем органом. Отец Климент получил желаемое. Стремиться к епископству у него не было особых стимулов, положение настоятеля Лавры, облеченного не только большой церковной и духовно-административной властью, но и управляющего значительным хозяйством, вполне его удовлетворяло. Как раз к этому времени относится мое сближение с митрополитом Михаилом. Он стал чаще навещать

меня, советоваться по юридическим делам, делиться своими думами. Я всегда рад был общению с высококультурным иерархом, и мы, бывало, не раз коротали вечерние часы в хорошей, дружеской беседе у меня в келье. Здесь в минуты откровенности митрополит поведал мне о своих стесненных условиях жизни в Лавре: «Сегодня хотел помыть голову, обратился к келейнику Степану, чтобы он приготовил горячей воды, а он отвечает: «Батюшка (то есть настоятель) не велел ставить самовар, так как углей у нас мало». «Бедные мы архиереи», — так закончил свой рассказ митрополит. Часто митрополит присылал ко мне, чтобы узнать, не поеду ли я в город, чтобы и его взять с собой. Я, конечно, с радостью соглашался. Бывало, утром приходит ко мне митрополит скромно одетый в рясу и скуфью и волворяется рядом со мной в моем убогом экипаже. Уже лаврские колокола не провожают митрополита, когда мы выезжаем со двора. Встречный люд, узнав в моем спутнике святителя, обнажает головы и кланяется, а митрополит благословляет свою паству. Владыка митрополит был весьма умным, содержательным и интересным собеседником. Вместе с тем он являлся многогранным, не узким человеком. Получив первоначальное образование в реальном училище, он затем круто изменил свой жизненный путь. Мы видим его студентом духовной академии. Закончив курс академии, он принимает монашество, а затем вскоре получает епископский сан. С особенной любовью владыка вспоминал годы своего епископства в Гродно. Его там ценили и уважали. Много интересных воспоминаний у него было связано с личностью императора Николая II. Владыка был известен государю и получил от него ряд знаков внимания и наград.

Преосвященный Михаил был прекрасным художником, тонко вырезал по кости, а также искусно рисовал акварелью. На груди он носил художественной работы панагию, им самим вырезанную из слоновой кости, с изображением Богоматери, нарисованной акварелью. Он щедро дарил на память своим друзьям работы своей кисти. Всегда обходительный и тактичный, владыка был желанным и интересным гостем, желанным членом общества. Он любил все прекрасное.

В своих отношениях к подчиненным, окружающим митрополит был прост и доступен. В силу своей скромности и корректности он никогда не пользовался своим положением в смысле создания для себя известного комфорта и получения достаточного питания. Его личная жизнь в Киеве была полна треволнений. Он принял бразды правления в исключительно трудное время. Надвигалась сильная волна религиозных преследований, гонений на Церковь и духовенство. Всюду подстерегали неприятности. Советская власть постаралась внести разделение в среду самой Церкви, разложить ее изнутри. В роли тарана должна была служить так называемая «Живая церковь». Официальные ее представители, прежде всего секретарь «Высшего церковного управления» Львов, решили устранить экзарха Украины митрополита Михаила от занимаемой им должности и прислали ему телеграмму следующего содержания: «В.Ц.У. увольняет Вас от управления киевским экзархатом. Секретарь В.Ц.У. Львов». Поздно вечером с телеграммой в руках пришел ко мне взволнованный митрополит, чтобы посоветоваться. Как юрист я прекрасно понимал, что на основании декрета об отделении Церкви от государства подобное требование В.Ц.У. не имеет никакой силы. Это было лишь требование морального характера, обращенное от одной частной организации к другой. Но я понимал, что за спиной Львова скрывается советская власть. Я высказал митрополиту свое мнение, впрочем, для большей основательности созвал юридический консилиум. Все участвовавшие в нем юристы не могли не согласиться с моей точкой зрения. На мой вопрос по этому поводу, обращенный к прокурору, тот ответил: «Понятно, что с юридической точки зрения подобная телеграмма не имеет никакой обязательной силы для митрополита, однако следует помнить, что церковные вопросы все более и более переносятся из плоскости законности в плоскость политическую». Не долго пришлось митрополиту оставаться на киевской кафедре. Тучи сгустились, враждебные силы проявляли все большую активность. Как раз в это время подошла кампания изъятия церковных ценностей. Вместе с тем усилилась акция живоцерковников. Почти ежедневно к митрополиту стали приезжать представители власти с требованием присоединиться к «Живой церкви». Однако у митрополита они встречали решительный отпор. Также неудачны были и требования подписать воззвание к верующим

и духовенству о безоговорочной выдаче всех церковных ценностей. Митрополит соглашался выпустить воззвание с призывом добровольно жертвовать на нужды голодающих, в духе патриаршего воззвания. Когда я заходил к митрополиту после ухода представителей власти, то всегда заставлял его в подавленном состоянии духа. Он жаловался на страшную усталость. «Боже, как они меня мучают,— говорил митрополит.— Моя душа подобна этому бедному деревцу». И он показывал в окно на согнувшуюся от осеннего ветра слабую молодую вербочку. «Вымогают от меня признания «Живой церкви», угрожая в противном случае арестом. Когда же я решительно отверг их требования, то они довольно цинично признали, что я, быть может, поступил и правильно, так как все равно и «Живую церковь» они в конце концов ликвидируют». Через несколько дней митрополит был арестован и сослан на Кавказ.

Прошло несколько лет, и вдруг по Киеву разнеслась радостная весть, что митрополит Михаил возвратился из ссылки. Мы не знали причины освобождения нашего владыки, но все были искренне рады этому возвращению. Наша встреча состоялась в Свято-Троицком монастыре, что на зверинце (предместье Киева). После Литургии, совершенной митрополитом, я подошел к кресту и под благословение. Он очень обрадовался нашей встрече и вкратце рассказал, что ссылку на Кавказе переживал тяжело, что возвращен в Киев на покой и будет проживать в Михайловском монастыре. Однако недолго пришлось владыке воспользоваться земным покоем: через весьма короткое время мы узнали о его кончине. Он преставился в Михайловском монастыре. Его похоронили торжественно сначала в стенах Софийского собора, а затем его прах по распоряжению властей был перенесен на Печерск. Его ближайший келейник, иеромонах Иосиф, не пережил смерти своего владыки и через два дня скончался от разрыва сердца.

12. ЛАВРА ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Великая Лавра пережила не одно столетие, видала на своем веку немало бед: и разгромы, и пожары, и гонения. Она выходила из них неизменно крепкой, закаленной и еще более величественной. Она, казалось, таила в своей древней, могучей груди неисчерпаемые запасы нравственной силы и жизненной энергии. Простояв тысячелетия и не согнувшись перед историческими катастрофами, она, думалось, не дрогнет перед любой бурей, вырвать такой дуб с такими глубокими корнями, казалось, было невозможным. Однако, случилось иначе. В 1924 г. Лавру закрыли. Непосредственно после прихода большевиков к власти Лавра продолжала жить той же размеренной, веками установленной и налаженной жизнью. В положенное время совершались богослужения, монахи выполняли свои послушания, стекались в Лавру богомольцы, в установленные часы раздавался колокол, зовущий братию на трапезу и т.д. Даже в отношении своих хуторов и угодий первое время Лавра продолжала сохранять свое хозяйственное единство и права. Правда, настроение среди братии, особенно в переходное до установления власти время, когда безнаказанно совершались грабежи, дерзкие налеты, обыски и т. д., было тревожным: часто можно было видеть на улицах Лавры, около келий, группы монахов, передававших всевозможные слухи о зверствах большевиков, о чинимых ими насилиях над Церковью. Но все эти волнения больше касались внутренней жизни Лавры, и со стороны официальной власти никаких враждебных шагов не предпринималось. Беда на Лавру надвинулась исподволь. Тиски сжимались постепенно. Трудно было сразу повалить такой колосс, как Лавра. Еще крепко жили в народе верования и традиции, высок был в его глазах авторитет древнего монастыря.

Грозными признаками надвигающейся грозы были попытки самоуправной конфискации монастырского имущества со стороны отдельных групп красноармейцев, матросов и каких-то гражданских лиц, обыкновенно предъявлявших на этот случай весьма сомнительные документы. Однако до поры до времени все эти попытки с успехом отражались, главным образом благодаря крепким лаврским стенам и воротам, а также созданной из братии монастыря вооруженной милиции,

которая в своих красноармейских шинелях и «буденовках» производила весьма внушительное впечатление.

Советская власть упрочилась, а вместе с тем и надежды на скорое изменение строя поблекли. Мало-помалу советское правительство подходило к разрешению церковных дел. Наркомюст, в котором последние были сосредоточены, издал ряд постановлений и разъяснений, обеспечивающих проведение в жизнь декрета об отделении Церкви от государства. Подоспели и соответствующие законоположения о национализации земель, секуляризации монастырского достояния. На Украине этот процесс шел быстро, так как у правительства в это время был уже практический опыт, накопленный в РСФСР, где власть большевиков существовала дольше и без перерывов. Правда, на Украине быстрой ликвидации монастырей помешала неустойчивость военных и гражданских властей. За период с 1918 по 1920 гг. Киев несколько раз переходил от украинских властей к большевикам, а в 1919 г. в продолжение нескольких месяцев находился под властью правительства генерала А. Деникина. С закреплением власти большевиков организация нового государственного строя пошла быстрыми темпами. С первых же дней Лавра почувствовала уже некоторые реальные правовые ограничения. В соответствии с декретом о земле от Лавры были отняты все ее угодья, хутора, сенокосы и т.д. Правда, во вновь организованных там советских хозяйствах (совхозах) в качестве рабочих и даже уполномоченных продолжали оставаться монахи, однако для всех было ясно, что это положение носит временный характер, впредь до замены их мирскими людьми-специалистами, светскими рабочими, которых в то время найти было не так-то легко. Пока что монахи продолжали оставаться выгодной рабочей силой, так как работали бесплатно, получая лишь некоторую толику продуктов со своих же полей. При создавшемся положении власть настоятеля Лавры в отношении хуторов оказалась далеко не номинальной: для братии, продолжавшей работать на монастырских землях, в бывших монастырских хозяйствах, авторитет настоятеля Лавры был значительно выше и сильнее, чем руководство назначенного советской властью заведующего совхозом. Они продолжали смотреть на свою работу как на послушание в обители, считая, что власть советов — явление временное и долг братии — сохранить монастырское достояние от расхищения. Создавалось несколько странное положение, при котором распоряжения заведующего совхозом нуждались в утверждении со стороны монастырского начальства. До поры до времени власть мирилась с таким положением. Пока оно оставалось выгодным для обеих сторон: совхоз имел кадры опытных, преданных делу к тому же и бесплатных рабочих, монахи же продолжали занимать свои прежние места и, что ни для кого не было секретом, помогать братии, которая жила в Лавре. Постепенно, однако, были отстранены от должностей расположенные к Лавре заведующие совхозами (среди них были люди весьма религиозные, которые сочувствовали обители и по мере возможности помогали монахам), стали появляться новые рабочие. Правда, они были далеко не так выгодны, как монахи: работали мало, требовали много, создали свои комитеты, которые обращали больше внимания на политическую пропаганду, чем на сельскохозяйственную работу. Однако цель была достигнута: монастырь утрачивал свой характер и облик. Появились семейные люди, монахов стали понемногу стеснять в жилищах, а вскоре и совсем лишили келий. В качестве рабочих допускались теперь лишь послушники, временно трудящиеся и монахини, а также послушницы. Впрочем, и за этой категорией установили бдительное наблюдение, чтобы они не имели какой-либо связи с монастырем и его духовным начальством. Не могу обойти молчанием интересный опыт колонизации монастырских хуторов людьми извне. В Голосеевском лаврском хозяйстве появилась группа хорошо одетых людей с семьями. Они привезли с собой прекрасный сельскохозяйственный инвентарь, машины и т.д. Как оказалось, это приехали в свое время эмигрировавшие из России в Америку русские поселенцы. Наслышавшись со слов советской пропаганды, что в России устроен «рай земной», они устремились к себе на родину. Большинство их состояло из идейных коммунистов, которые были счастливы осуществить теперь свои идеалы на родине. Приехав, они попытались организовать образцовую коммуны. Однако с первых же шагов деятельности их ожидало горькое разочарование: не было

порядка, сильно донимала советская пропаганда, невероятно давила правительственная опека, всюду за ними следовал бдительный контроль, да, к тому же, нечего было есть. Я видел этих переселенцев несколько месяцев спустя после их приезда. Выглядели они сильно потрепанными, оборванными: оказывается, свой обильный гардероб они были вынуждены продать или обменять на продукты. Та же участь постигла и привезенный сельскохозяйственный инвентарь. Появилось разочарование и озлобленное настроение. Оставалось лишь одно желание — скорее вырваться обратно в Америку. Не знаю точно, чем кончилась эта эпопея, но, кажется, после страшных мытарств, вплоть до арестов, им удалось вырваться назад, в свободную страну.

Скоро была наложена рука и на лаврские предприятия. Постепенно, одно за другим, они переходили в государственный фонд. Так были изъяты свечной завод, электростанция, мастерские и т. д. В лаврской пекарне стали выпекать хлеб для какой-то кооперативной организации, впрочем, временно было предоставлено право пользоваться ею и для нужд братии. Знаменитая лаврская типография перешла в так называемый «Трест Киев-печать». Стоило многих сил и стараний, чтобы отстоять некоторые машины и оставить их в стенах Лавры для Украинской академии наук — учреждения, стоявшего ближе по духовным интересам.

Сама Лавра и церковное имущество ее пустыней (Голосеевской, Китаевской и Преображенской) перешли в ведение отдела исполкома, который назывался ОЛИРУ, то есть Отдел по ликвидации имущества религиозных установлений. В составе этого учреждения со столь странным названием был некий Глеб Верховский, человек высокого роста с прекрасной черной шевелюрой, красивыми глазами и общей импозантной внешностью. Как впоследствии выяснилось, он был священником униатской церкви и даже совершал официально богослужения в местном католическом костеле. Как-то раз он пригласил меня на дом и там в моем присутствии совершил домашнюю литургию по православному обряду с поминовением, однако, митрополита Шептицкого. Окончил он Оксфордский университет, был очень образованным и умным человеком и интересным собеседником. Он частенько заходил ко мне. Как-то раз он привел с собой еще какого-то священника с очень маленьким наперсным крестом. Я почему-то на это обратил особое внимание. Как потом оказалось, это был униатский епископ Николай. Должен признать, что Глеб Верховский относился к Лавре весьма благожелательно и, как мне казалось, делал все, чтобы смягчить положение при советах. Во всяком случае он несколько задержал процесс ликвидации обители.

В то время как церковное имущество Лавры находилось в ведении ОЛИРУ, все жилые здания и весь комплекс лаврских построек, не имеющих непосредственного отношения к Церкви, был передан в руки Собеса, то есть Отдела социального обеспечения Городского совета. В управлении и надзоре за лаврским церковным имуществом принимал участие также и Комитет по охране памятников искусства и старины. Также и это учреждение сделало немало, чтобы сохранить монастырский облик Лавры. Во всяком случае и там мы нашли сочувствующих людей. Собес же постарался использовать монастырь в своих интересах. Прежде всего, для непосредственного управления Лаврой был назначен комиссар. Сначала в этой должности состоял некий Бороденко, а затем Кирилук. Оба они были неплохими людьми. Не состоя в партии, они не были настроены против Церкви и монастыря. Больше того, они часто и много помогали и содействовали Лавре. На свою должность они смотрели, как на временное устройство судьбы, и, по правде сказать, устройство весьма хорошее, так как Лавра со своей стороны делала все возможное, чтобы окружить их известным комфортом и снабдить необходимым продовольствием. Конечно, и эти комиссары, при всем своем доброжелательном отношении к Лавре, не могли изменить ход событий и направление советской политики в отношении Церкви. Они только несколько ослабляли натиск на Лавру со стороны власти и замедляли неизбежный процесс ее ликвидации. Но среди монахов и населения держалось убеждение, что Лавра не будет закрыта. Верующие люди просто не могли допустить мысли, что Лавра может быть ликвидирована и потому горячо вели борьбу с наступающим безбожием.

Вскоре на воротах Лавры появилась надпись «Инвалидный городок». Вслед за этим Собес перевел туда ряд своих учреждений: инвалидов домов, домов для слепых и т. д. Кроме того, отдельным инвалидам были предоставлены квартиры. Лавра наполнилась всевозможными калеками: слепыми, хромыми, безрукими, дряхлыми.

Сама по себе идея образования в Лавре инвалидного городка с успехом могла конкурировать с проектом создания в ней антирелигиозного музея. Первая идея была ближе по духу монастырю. Однако новые поселенцы принадлежали далеко не к спокойным жителям. Они были не обездоленными мирными инвалидами, а морально мелкими людьми, озлобленными на всех, особенно на «буржуазию», к которой относили и монахов. Они делали все, чтобы нарушить покой и мирную жизнь обители, и Лавра в этот период много страдала. Уже при входе в Лавру богомольцев встречали крики, пьяные песни, музыка, ругань, шум. Но пока монахи еще оставались в стенах Лавры, хотя и были стеснены до крайности. Специального закона о ликвидации Лавры не было, но Лавра на основании отдельных законоположений была распределена между рядом ведомств. Искусство представителей монастыря в этом процессе заключалось в том, чтобы среди возможных юридических претендентов выбрать наиболее приемлемого для монастыря и затем приложить усилия, чтобы именно этот претендент получил право на ту или иную часть монастырского имущества. Вот конкретный пример: добрые люди сообщают настоятелю Лавры, что в городском совете вынесено постановление о закрытии Преображенской пустыни. Возникает вопрос: кому же передадут пустынь? По прямому назначению вся пустынь с ее сельским хозяйством, будучи к тому же окружена угольями земотдела, должна перейти именно к последнему. Однако этот выход был бы наименее желательным, так как стало известным недоброжелательное отношение к Лавре со стороны руководителей этого учреждения. Более приемлемо было бы, если бы эту пустынь в свое ведение взяла такая общественная организация, как Комитет по улучшению быта ученых (КУБУЧ). После переговоров с представителями этого учреждения выясняется, что в пустыни можно организовать дом отдыха для научных работников. И в этом направлении прилагаются усилия. В результате, вместо враждебного монастырю учреждения, в пустыни водворяется научная организация, весьма благожелательно относящаяся к Лавре и ее обитателям. Благодаря этому, и при существовании дома отдыха, в церкви пустыни совершаются богослужения, а монахи, хотя и потеснились, продолжают жить в стенах монастыря.

Для того чтобы лаврские церкви не были закрыты или отданы в пользование посторонним для Лавры людям, создается дозволенная советскими законами церковная община под названием «Киево-Печерская Успенская Лавра». Вначале эта община состояла из монашествующих и послушников, а органом управления ее был «Совет» из членов Духовного Собора. Председателем общины состоял настоятель Лавры. В сущности, изменились лишь штамп и печать Лавры, а в остальном церковная жизнь продолжала идти без изменений. Во главе церковной общины стоял тот же настоятель Лавры, только на бумагах он подписывался «Председатель Церковной Общины Климент Жеретиенко». Правда, при проверке списков членов Общины ревизоры обращали внимание на имена участников ее. В большинстве это были Варсонофии, Иероны, Анемподисты, Иосии, Иоили и т. д., то есть типичные монашеские имена. Однако при добром отношении ревизоров к Лавре все сходило благополучно.

После того как было издано постановление советской власти о запрещении монашествующей братии состоять членами церковной общины, пришлось проявить некоторую гибкость и создать организацию исключительно из светских людей, послушников и сестер обители. Нашлись преданные Лавре люди, которые взялись за создание такой организации. По существу, и при этом все оставалось по-прежнему, так как каждое мероприятие церковной общины предварительно обсуждалось в Духовном Соборе Лавры, а затем оформлялось для внешнего вида в совете. У светского состава совета было достаточно такта и понимания положения вещей, чтобы не создавать оппозиции монастырскому начальству. Все начинания последнего обыкновенно безболезненно проходили в совете. Такая

«двухпалатная» система управления Лавры представляла собой, бесспорно, явление ненормальное, временное и, к сожалению, послужила переходом к действительной ликвидации монастыря.

Все начинания общины совершались с благословения настоятеля обители, формально же и настоятель, и все священнослужители Лавры состояли лишь на службе у церковной общины.

Для ведения сельского хозяйства, которое было необходимо для пропитания братии монастыря, организовали сельскохозяйственную общину. Устав ее был составлен в духе коммунистической артели и должен был импонировать правоверным большевикам. По существу же эта община продолжала оставаться хозяйственной единицей Лавры, во главе ее стоял настоятель Лавры и она даже носила наименование «Киево-Печерская трудовая община». Вскоре, однако, и здесь участие монашествующих было запрещено. Правление общины было избрано вновь из светских людей, а община получила наименование «Сельскохозяйственная трудовая артель “Трудолюбие”». Участие монашествующей братии в работах артели было предусмотрено одной из статей устава, которая допускала работу «временных рабочих». Опять-таки и в данном случае, благодаря такту и пониманию светских людей — участников артели, фактическое руководство сельским хозяйством этой организации сосредоточивалось в руках настоятеля Лавры. Прибавился, в сущности, еще один штамп, да одна лишняя печать и осложнилась работа лаврского начальства, суть же дела осталась прежней. Также и в пустынях были организованы церковные общины, и во главе последних, пока это допускала советская власть, стояли настоятели пустыней. Люди простые и грубоватые, они никак не могли понять происшедшую политическую перемену и значение новой формы. Поэтому и среди них, как и среди многих из братии, раздавались голоса недовольства по поводу отступлений от исконного монастырского устава. Мне и наместнику Лавры стоило многих усилий, чтобы объяснить им неизбежность такого положения. Они оставались при мысли, что Лавра нерушима, что никто не смеет посягнуть на ее уклад и что наши новшества есть результат заблуждения.

Имена некоторых членов правления артели «Трудолюбие» память мне сохранила. Так, председателем его был избран (то есть намечен начальством Лавры) Виктор Михайлович Тверской, человек с духовным образованием и преданный интересам обители. Членами правления состояли: послушница Лавры врач Н. И. Марцинкевич, послушник учитель Рудич, послушник электромонтер лаврской электростанции Михаил. Для органической связи с хуторами Лавры в состав правления артели были введены также послушники, состоявшие рабочими на этих хуторах.

Кроме юридических трудностей, которые все же можно было обойти или смягчить, возникали более существенные фактические трудности, и эти препятствия, таившиеся во всей антицерковной политике Советов, представляли собой непреодолимые препятствия. Так, например, после того как от Лавры были отняты все ее земли, уголья, артель обратилась с просьбой предоставить ей другие участки земли. Однако удобных наделов в наличии не оказывалось, а, если даже и оказывалось, то их монастырской артели (состав которой скрыть было невозможно) не давали. Вместо этого ей предоставлялись совершенно неудобные земли, лесные пни под раскорчевку. Правда, монахи брались и за эти участки и с невероятным трудолюбием и настойчивостью возделывали и эту землю. Однако, как только они приводили ее в порядок и состояние плодородного участка, тотчас на эти земли находились другие претенденты, и мелиоративная работа монахов шла на пользу посторонним людям. Наконец, и такие участки перестали предоставлять монастырской артели. Тогда по моему почину в Лавре и других монастырях были организованы трудовые артели, которые, не обладая земельными участками, предлагали организованно лишь рабочую силу своих членов. Был составлен специальный устав. Таким образом в форме трудовой артели мы пытались продлить существование Лавры как хозяйственной единицы. Все же несмотря на то, что подобные монастырские артели зарекомендовали себя с лучшей стороны и выполняли порученную им работу неизменно усердно и дешево, и их настигла та же участь, и они подверглись запрещению. После подобных неудач мы с настоятелем решили идти «напрямик», поставить вопрос честно во всем объеме и обратиться за соответствующим

разрешением к высшей власти УССР, которая в то время находилась в Харькове. Однако это было не легко осуществить. Требовались значительные материальные затраты, нужны были соответствующие люди, трудно было при тогдашних путях сообщения попасть в столицу Украины. Было организовано собрание из представителей всех киевских монастырей, на котором решили просить принять это поручение меня и настоятеля.

В Харькове мы энергично принялись за дело и в несколько дней, несмотря на сопротивление злого гения Церкви, заведующего церковным отделом Наркомюста Сухоплюева, добились разрешения от Наркомюста УССР на участие монашествующих в сельскохозяйственных кооперативах. Радостные возвращались мы домой. Однако Сухоплюеву после нашего отъезда удалось задержать, а затем и добиться отмены благоприятного для монашествующих постановления. В результате и первое постановление, и второе, отменяющее его, были получены в Киеве одновременно и, конечно, не изменили положения монахов в этом вопросе к лучшему.

Удаление монахов в качестве рабочих с хуторов пагубно отразилось на бывших монастырских хозяйствах. Наемные рабочие, более занятые общественными делами, небрежно относились к своим обязанностям, земля обрабатывалась кое-как, расходы сильно увеличились, и заведующие советскими хозяйствами искренне сожалели, что пришлось удалить монахов.

Новые законы последовательно вели Лавру к полной ликвидации. Создание сельскохозяйственных артелей, церковных общин, все это были лишь этапы на пути к ликвидации монастыря. Прикрываясь формой дозволенных светских организаций, Лавра оттягивала свой конец, но не могла предотвратить его. С другой стороны, участие светского элемента в жизни монастыря было неизбежно, но вместе с тем не могло не отражаться на монастырском укладе, ослабляя дисциплину и нарушая устав Лавры. В конце концов, хотя эти светские люди и ясно понимали свою задачу прикрытия интересов монастыря и были настроены вполне благожелательно, все же они в отношении Лавры являлись как бы инородным телом и невольно вносили диссонанс в строгий распорядок уставной монастырской жизни. Монастырь постепенно терял свой облик: проникновение такого большого количества мирян во все поры обители устанавливало ряд ненужных, вредных для внутреннего уклада монастыря связей.

Вскоре Лавра была превращена в Музейный городок и передана в ведение Наркомпроса. Эта перемена отразилась неблагоприятно: это означало, что Лавра должна стать политической организацией. На Лавре появилась надпись «Музейный городок», а затем «Лаврский заповедник». Над воротами и по стенам были вывешены лозунги, вроде «Религия есть опиум для народа».

Толчком для окончательной ликвидации Лавры послужило изъятие церковных ценностей и установленное властью сокрытие монахами части их. Способом же для ликвидации был избран излюбленный большевиками метод «разделяй и властвуй». Изъятие, а затем обнаружение скрытых церковных ценностей несомненно приблизили трагическую развязку, ускорили конец Лавры. В ответ на сокрытие церковных ценностей большевики «ударил» по монастырю. Однако это было трудно сделать прямо, поэтому советская власть прибегла к испытанному верному средству. Она постаралась внести раскол в ряды самого духовенства и создать взаимную борьбу среди него. Ликвидация Лавры была проведена весьма искусно. Воспользовавшись внутренними раздорами в правящих кругах монастыря и оппозицией архимандрита Филадельфа, власть сумела проникнуть в тайны сокрытых лаврских ценностей, и это обстоятельство позволило ей обвинить большинство монашествующих в преступлении против советского строя. Значительное количество братии было арестовано и сослано. Был инсценирован большой процесс епископа Алексия (Готовцева). Опорной фигурой советской власти в Лавре в борьбе против лаврского строя оказался о. Филадельф. Советская власть постаралась сделать все, чтобы представить монашествующую братию как оплот контрреволюции, мракобесия и консерватизма. При участии о. Филадельфа была создана и в Лавре «Живая церковь», которая служила развалу Православной Церкви. Врагам религии и Церкви ничего не оставалось, как лишь наблюдать

эту борьбу, обессиливающую Церковь изнутри, и только по временам разжигать вражду с новой силой. Организация «Живой церкви» в Лавре была равносильна закрытию монастыря. За «Живой церковью» шло незначительное меньшинство, масса же верующих и духовенства оставались верными Православной Церкви. Лавра опустела, богослужения совершались лишь в Великой церкви и на Дальних Пещерах при пустующих храмах. Кроме архимандрита Филадельфа и его ближайшего друга игумена (впоследствии архимандрита) Михаила (также члена полтавской группировки) и нескольких монахов и послушников, я не помню других сторонников «Живой церкви». Да и сам архимандрит Филадельф сильно раскаивался и страдал после своего вступления в ряды «Живой церкви» из-за своей измены и предательства. Вовлеченный в борьбу власти с Церковью своими страстями, он сам испугался результатов своего увлечения, которых он не желал, но было уже поздно, и он ничего не смог сделать, чтобы спасти Лавру. Он неоднократно просил меня зайти к нему. Когда же я исполнил его просьбу, он со слезами и горьким раскаянием рассказывал мне о своем переходе в «Живую церковь». Как умный человек и привязанный к монастырю, он тяжело переживал свое предательство. Он объяснил свои поступки лишь как реакцию на поведение наместника о. Климента. Из-за наместника он стал в оппозицию, в дальнейшем же все действия были продиктованы ему свыше. Он жаловался мне, что сильно тяготится своим положением отщепенца, что он по-прежнему любит Лавру и только глубокие оскорбления и несправедливости со стороны настоятеля Лавры о. Климента заставляют его находиться во враждебном лагере. Впрочем, обе стороны зашли слишком далеко, и о повороте не могло быть и речи. Я чувствовал, что о. Филадельф глубоко сознает тяжесть своей измены и страдает очень сильно, однако я не был в состоянии чем-либо ему помочь. Вскоре о. Филадельф скончался. Его смерть была бесконечно тяжелой, одинокой. С ним умерла и «Живая церковь» в Лавре, просуществовав всего лишь несколько недель под управлением архимандрита Михаила⁸.

Так как монастырь был передан «Живой церкви», а настоятель Лавры о. Климент арестован, то возник вопрос о дальнейшем существовании огромного числа братии, которая осталась верной обители и Православной Церкви. Любовь к обители была настолько велика, что братия, несмотря на гонения и невзгоды, решила не расходиться и бороться с обстоятельствами. Сначала стали собираться для молитвы в находящейся рядом с Лаврой Феодосиевской церкви, а также в Никольском монастыре. Когда же это стало невозможным из-за их закрытия, монахи нашли приют в Печерской Ольгинской приходской церкви. Там старались еще поддерживать лаврские традиции, совершали ежедневные службы, пели на два клироса с канонархами. Когда и здесь монахов настигла рука безбожников, они объединились в церкви Китаевской пустыни, которую официально взяли, как приходской храм, окрестные крестьяне.

Было очень трогательно наблюдать, как стойко придерживались монахи своих старых традиций. Привязанность к своему монастырю, к великой святыне была настолько сильна в их сердцах, что никакие гонения, притеснения не могли сломить твердости их духа. Особенно трудно было им оставаться непреклонными, когда было отдано распоряжение о выселении из Лавры всех монахов и у входа в монастырь появилась надпись «монахам и духовенству вход в Лавру строго воспрещается». Помимо того, что это был большой удар по чувствам каждого члена монастыря, это вместе с тем означало, что монашествующая братия принуждена была идти буквально на улицу. И все же братия не разошлась и не сдала позиций. Расселились кто как мог: в сараях, у добрых людей, в окрестных селах, нанимая полуподвалы и подвалы на пятьдесят человек, но все же оставались вблизи дорогой обители. Все как-то не верили в то, что Лавра может прекратить свое существование. Но и такое «разрешение жилищного вопроса» было не так-то легко. Дело в том, что всякое соприкосновение с монахами считалось по советским понятиям предосудительным и было небезопасным. Это бросало

---

⁸ Насколько велика была ненависть верующих к «Живой церкви» и отщепенцам от Православной Церкви можно судить по следующему факту. Как-то раз епископ Феодосий, которого сильно подозревали в причастности к «Живой церкви», служил в Великой церкви Лавры. Когда он во время Литургии вышел со св. Чашей, то какая-то женщина вырвала из его рук чашу. Такие случаи в отношении духовенства, перешедшего в «Живую церковь», были частым явлением.

известную политическую тень на подобного человека. Поэтому не всякий решался пустить к себе, даже в подвал, духовное лицо. Часто, пустив туда монахов, брали с них за угол бешеную квартирную плату, как бы в виде страховки. Ничто, однако, не могло остановить верных сынов обители, и они мужественно сопротивлялись тяжелым обстоятельствам жизни. Вот в эти тяжелые дни последней борьбы монастыря за свое существование, когда настоятель о. Климент был арестован, встал вопрос об избрании нового настоятеля. Единогласно выбранным оказался архимандрит Гермоген (Голубев). Сын известного историка Церкви, профессора Киевской духовной академии С. Т. Голубева, о. Гермоген воспринял от отца возвышенные взгляды в области духовной жизни. Не допуская никаких компромиссов, он был светочем идеи подлинной иноческой жизни. Своей страстной убежденностью он напоминал исторические образы подвижников Православия. Высокого роста, с худощавым изможденным лицом, с тонкой, устремленной вперед фигурой, он всегда был полон движения вперед, динамичности. Его религиозное воодушевление сквозило во всем его поведении, в каждом его движении, в его речи, в его проповедях, горевших огнем. В сложной обстановке умирающей Лавры о. Гермоген умел своей энергией, умом, а, главное, своей горячей верой задержать процесс ликвидации монастыря как общины, уже оторванной от своего исторического места. Под впечатлением образов великих организаторов Лавры он с воодушевлением боролся за создание крепкой монастырской общины в духе прежнего иночества. Он со всем энтузиазмом верующего человека и юношеской энергией принялся за организацию монастырской жизни в столь трудной обстановке. По-прежнему, согласно монастырскому уставу, совершались богослужения (кроме ночных), по-прежнему соблюдалось монастырское послушание, по-прежнему собирался Духовный Собор с участием эконома, казначея, келаря и прочих соборных старцев и даже, несмотря на крайнюю скудность, ежедневно братии выдавалось вспомоществование продуктами, так как общей трапезы приготовить было негде. В Китаеве поселились некоторые монахи из Лавры, и там была создана как бы хозяйственная база для Лавры. Отец Гермоген окружил себя подобными ему энтузиастами иноческого жития, и казалось, что даже в изгнании Лавра при столь горячем и настойчивом строительстве выйдет победительницей. Однако арест о. Гермогена, арест других монахов, закрытие церквей не позволили осуществить его мечты. После нескольких лет ссылки его освободили, и он даже появился на киевском горизонте, однако вскоре его снова арестовали и, по-видимому, уже надолго.

Лавра прекратила свое существование. То, чего не могли сделать орды половцев, полчища татар, пожары, грабежи и прочие невзгоды, сделали большевики. Оставшиеся в живых и на свободе монахи вынуждены были идти в села, поступали там на сельскохозяйственную работу или, пока это было возможно, по приглашению прихожан совершали требы. Кое-кто остался в Киеве, подвергая, однако, себя опасности ареста и высылки, так как монахам, при проведении паспортной системы, паспортов с разрешением проживать в Киеве не выдавали.

Проходя рано утром мимо Лавры, я наблюдал у Святых ворот трогательную картину, которая и сейчас живо встает передо мной. Старенький монах, сняв скуфейку, со слезами на глазах стоял перед Святыми вратами и молился на ту обитель, в которой он провел не один десяток лет, всю жизнь, отдавая ей свои силы и лучшие годы и на стенах которой сейчас красуется надпись, запрещающая ему даже войти туда. Разве это не полная трагизма картина?

Вскоре, однако, после закрытия Лавры (как монастыря) к общему удивлению, все храмы ее по приказу советских властей начали энергично ремонтировать, иконы реставрировать, пещеры электрифицировать, купола освежать. Это было тем более странно, что в стенах Лавры был организован антирелигиозный музей, центральное учреждение музейного городка. Однако недоумение разрешилось, когда однажды утром в Лавре появился наряд милиционеров, одетых с иголки и в белоснежных перчатках. Вслед за ними к Святым вратам подкатили вереницей роскошные интуристские автомобили. Из них вышли иностранные гости. Оказывается, их привезли осматривать Лавру, чтобы убедить, будто советская власть не уничтожает монастырей, не разрушает

храмов, не преследует духовенства. Лавра производила на гостей весьма импозантное впечатление нетронутого монастыря. Кресты и купола блестели позолотой, на колокольне оставались висеть несколько колоколов, в которые для пробы можно было и позвонить, иконы поражали своей яркостью и свежестью⁹, все здания были тщательно отремонтированы. Одно время у входа в монастырь даже позировали два замаскированных под монахов субъекта. Это был весьма утонченный политический маневр — убедить иностранных гостей в терпимости советской власти в вопросах религии. Лавра как величайшая историческая редкость и святыня не могла не интересовать приезжих гостей, туристов из-за границы. Нетронутая, невредимая Лавра являлась лучшей пропагандой в пользу мнения о религиозной терпимости советской власти и устраняла разговоры о гонениях на религию. Поэтому-то вошло в обыкновение всех иностранных гостей, при их посещении столицы Украины, прежде всего возить в Лавру. Именно этим антирелигиозным целям должна была служить теперь поруганная, ограбленная, ликвидированная обитель.

Таким образом, Лавра как монастырь закончила свое существование и стала в лучшем случае лишь историческим памятником, открытым для публичного обозрения, а в худшем — ширмой для проведения антирелигиозной пропаганды. У Святых ворот, через которые в прежние времена с благоговением вступали в Лавру толпы богомольцев, а теперь проходили и проезжали без всякого уважения и воспоминания о святости места, посетителей встречал рой гидов или попросту антирелигиозных работников. Для входа в Лавру вы должны были приобрести билет, причем таковые были нескольких сортов: с правом осмотра лишь Великой церкви или Трапезной, или исторического музея, или антирелигиозного музея. За добавочную плату посетитель приобретал дополнительный купон на право осмотра пещер. Несмотря на закрытие Лавры как монастыря, православный люд продолжал посещать ее не как антирелигиозный музей, а как дорогое сердцу каждого верующего место. Приходили богомольцы даже издалека, приходили во внешне оскверненную, но идеально по-прежнему святую обитель и, купив билет на право посещения храмов и пещер, с истовым чувством религиозного человека поклонялись святыне. При посещении пещер я не раз замечал, что некоторые посетители отставали от группы экскурсантов и, набожно крестясь, прикладывались к св. мощам. Под назойливый рассказ экскурсовода на антирелигиозные темы о всяких небылицах они творили молитву.

В дни, когда Лавра не принимала знатных гостей из-за границы, она в значительной степени теряла свой облик вековой святыни. При входе в Лавру продавали в киоске антирелигиозную литературу, советские газеты. Магазины икон и священных книг, помещавшиеся непосредственно у Святых врат, были превращены в парикмахерскую, справочное бюро антирелигиозного музея и пр. В Великой церкви Успения Богородицы было организовано отделение антирелигиозного музея. Статуя князя Острожского, о которой мы упоминали выше, была открыта для обозрения, как и гробница святителя Павла Тобольского. Посетители часто заходили в храм в шапках, проходили через Царские врата и рассматривали реликвии православного мира с явным желанием подчеркнуть свое пренебрежение и свободный от «предрассудков» взгляд на святыню. В Трапезной церкви, а также в Благовещенском храме были устроены исторический и антирелигиозный музеи.

Прежние жители Лавры исчезли. Постепенно монастырь заселялся новыми обитателями. Это были главным образом инвалиды войны, люди, потерявшие свое здоровье, калеки, люди озлобленные, неверующие. Так как после выселения монахов многие помещения остались свободными, коменданты Лавры начали бессовестную торговлю квартирами, и монастырь наполнился самой разношерстной публикой. Появился темный элемент: проститутки, спекулянты, уголовники и т.д. В Лавре участились преступления, кражи. Однажды из ризницы Дальних Пещер была совершена большая кража со взломом. Там же было совершено другое зверское преступление. Одна женщина убила девочку,

---

⁹ В последнее время эту работу по реставрации икон выполнял опытный специалист Каспорович. При его участии был реставрирован ряд старинных икон, а также те огромные иконы с изображением всех святых Пещер, которые были расположены по обеим сторонам каре при входе в Святые врата.

подругу своей дочери, и мясо ее продала на базаре. Эти два факта среди множества других, которых моя память не удержала, я помню хорошо.

Вместо тишины, покоя, Лавра наполнилась криками, музыкой, пением неприличных песен. Сами коменданты, имея в своих руках вооруженную охрану, не были в состоянии справиться с этой распушенностью. Киевляне стали бояться посещать Лавру.

Из-за вандальских опустошений Лавры жителями она изменила свой облик: много вековых деревьев было срублено, заборы, скамьи, даже постройки ломали на топливо, на кладбище разрушали памятники, разрывали и грабили могилы, оскверняли святыни. Несмотря на большие ассигнования, которые отпускались правительством для поддержания исторических ценностей, Лавра постепенно разрушалась, часто незаметно для глаза. Днепр, который подходил к Лавре совершенно близко, из-за отсутствия правильных укрепительных работ, начал решительное наступление на Лавру. Высокий берег, на котором стояла Лавра, постепенно подмывался водой и, наконец, высокая стена Лавры, что граничила с живописной мастерской, рухнула. Всюду прорывались канализация, водопровод. Видно было, что любящий заботливый хозяин ушел, а пришли чужие, казенные люди. И только мелодичный перезвон лаврских курантов напоминал о былом величии Лавры. Кстати, после того как состоялось массовое выселение из Лавры монахов, там еще долгое время продолжал оставаться жить мой бывший келейник о. Ефрем. Его вынуждены были не трогать, так как только он один умел регулировать работу больших лаврских курантов.

Лавра наполнилась чужими людьми, совершенно не связанными с ней и, даже больше, враждебно к ней настроенными. Первое время мне было очень тяжело проходить по улицам Лавры, где все дышало такими прекрасными воспоминаниями, и встречаться с новыми гостями. Я выбирал для прогулок ночное время, когда новая жизнь в монастыре замирала. Я посещал мои любимые места, любовался Днепром в бликах лунного сияния, обрывами над ним и широко раскинувшейся по горам древней обителью. В эти минуты мне казалось, что ничто в жизни Лавры не изменилось, что и сейчас в кельях мирно почивают монахи, что скоро раздастся мощный удар ночного колокола, зовущий на ночную молитву, и со всех сторон к храму направятся облаченные в мантии и клобуки таинственные тени монахов.

Как я уже отметил, почти все монахи были удалены из Киева. Если несколько и осталось, то они продолжали жить нелегально. Разошлись по селам, на родину, и родные деревни, чтобы там под когда-то оставленным родительским кровом снова найти приют и покой. И только осевшие недалеко от Киева монахи могли с болью и слезами созерцать величественно высящуюся над Днепром красавицу Лавру, такую дорогую, близкую их сердцу, сейчас осиротевшую и оскорбленную.

Некоторые иноки лавры в последний момент покончили с собой. В 1930 г. Два схимника бросились с лаврской стены в Днепр. Тогда же старый звонарь великой колокольни, служивший при ней около 30 лет, бросился на каменные плиты лаврского двора.

13. ЛАВРА ВО ВРЕМЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

Однако Лавре суждено было еще раз встать, воскреснуть. В стенах Лавры снова началась иноческая жизнь. Произошло это в 1941 г., после того как Киев был занят немцами.

В смятении большевики поспешно эвакуировались. Перед своим уходом они варварски уничтожили чудесную стариннейшую лаврскую библиотеку, которая сохранялась в течение сотен лет во втором этаже колокольни Великой церкви. Я сам видел при посещении ее, какие чудесные фолианты там были любовно собраны. Все это теперь выбрасывалось на двор и уничтожалось, причем попытки верующих что-либо спасти оканчивались неудачей, только несколько томов удалось унести благодаря детям, которые выполнили просьбу старших. Правда, началась эта полоса жизни для Лавры

не радостно. Спустя два месяца после занятия Киева врагами Лавру постигла великая катастрофа. Ценнейший лаврский храм, Великий Успенский Собор с чудотворной иконой Богородицы был взорван. Это было колоссальной утратой и для истории, и для каждого верующего человека. С момента занятия Киева немцами Верхняя Лавра была под строжайшей охраной немецких патрулей, а виновниками взрывов являются большевики, которые перед своим отступлением минировали Лавру, установив заряды большой разрушительной силы, но замедленного действия. Во всяком случае и после взрывов, почти в течение года, Верхняя Лавра продолжала оставаться под охраной немецкой жандармерии, немецкий патруль стоял у Святых врат Лавры и никого посторонних туда не пропускал. Что касается Нижней Лавры и гостиницы, то в них жизнь не прерывалась. Население, появившееся при советской власти (кроме тех, кто эвакуировался), продолжало жить, но пришли и старые жильцы, настоящие хозяева Лавры — монахи. Среди братии, оставшейся в живых, быстро разнеслась молва, что немцы разрешают монастыри и церкви и что снова возродится Лавра. Правда, инициативная группа монахов смогла сначала добиться передачи ей лишь церкви Ближних Пещер и нескольких корпусов для жилья, однако и это было большой победой. Позднее были переданы монахам и Дальние Пещеры и, наконец, перед самым своим уходом, немцы разрешили братии занять и Верхнюю Лавру, вернее руины ее.

Непосредственно после взрыва Великого собора, благодаря любезности немецкого католического священника, мне удалось проникнуть в стены Верхней Лавры. То, что я увидел там, меня буквально потрясло. Почти вся Великая церковь превратилась в руины: остатки ее стен высились зубцами над грудой кирпича и огромными воронками, произведенными взрывами. Также и за собором со стороны алтарной стены, обращенной на восток, образовался огромный провал. Трапезная церковь и митрополичий храм Благовещения оставались целыми, хотя и с разбитыми окнами. Внутри них царил страшный хаос. Все было перевернуто, валялись статуи греческих и римских богов — остатки экспонатов антирелигиозного музея, лежали огромные кучи мусора. Странно было видеть эту мерзость запустения. Печально смотрели разбитыми окнами здания епископского и благочиннического корпусов. С трепетом я побежал в Свято-Троицкую церковь над Святими вратами. К счастью, знаменитые старинные фрески, которые так поражали меня своей красочностью и яркостью, были невредимы, как невредимым оставался и сам храм. Через год после роковых взрывов немецкие патрули были сняты и заменены местной полицией. С тех пор начался открытый погребительный грабеж. Понемногу разбирали крыши, уносили двери, столбы, рамы, на топливо сдирали полы. Лаврский двор и все свободное от руин участки земли были вспаханы под огороды. Однажды на пустынных валах и обрывах, ведущих к Днепру, далеко от Лавры, были обнаружены оставленные четыре большие прекрасной живописи иконы, которые стояли в иконостасе Трапезной церкви.

После ухода советской власти религиозная жизнь в Киеве забила ключом. Глубокая вера вспыхнула в сердцах людей с новой силой. Наступила реакция. Стихийно стали открываться храмы, монастыри. Не хватало духовенства, не хватало предметов богослужебного значения. Почти ежедневно производилось рукоположение в священники и диаконы. Нередко совершались и архиерейские хиротонии. Появилась и оживленная торговля крестами, иконами, церковной утварью. Но все это не могло удовлетворить растущих потребностей: то, что при советской власти считалось «одиозными» предметами, теперь оказалось не только духовной, но и материальной ценностью. За иконы платили большие деньги. Понятно, что иконы сделались предметом краж.

Однажды, зайдя в кабинет заместителя председателя Киевской городской управы, я увидел в переднем углу знаменитую Игоревскую икону Божией Матери, которая как величайшая святыня и историческая ценность находилась в Великом Успенском Лаврском соборе. Как попала в управу эта икона и какова была последующая ее участь, сказать не могу. На лаврской колокольне еще оставалось несколько колоколов, и однажды утром киевляне были поражены прекрасным звоном, правда, небольшого, но мелодичного колокола. Благовест призывал верующих на литургию. Это была

большая радость для православного мира. Однако вскоре по неизвестным причинам благовест был вновь запрещен. Вплоть до немецкой оккупации хранителем Лаврского музея был проф. Черногуб, разжалованный и переведенный из Москвы, где прежде ему была доверена Третьяковская галерея. Проф. Черногуб ревниво охранял ценности от бессовестного разбазаривания. Во время бегства Красной армии под напором немцев сокровища были хорошо запрятаны и не подверглись вывозу в тыл, где их безусловно растащили бы еще по дороге. Немцы, придя на Украину, разрешили свободное совершение богослужения. Это завоевало им симпатии многих и не стоило им ничего. Народ на собственные средства восстанавливал свои храмы. Начались работы по восстановлению Владимирского и Андреевского соборов. Наскоро устраивались в бывших жилых помещениях маленькие церкви.

Но главное внимание как православных, так и немцев, было обращено на древнейшее киевское сокровище — Лавру. Проф. Черногуб долго не решался на ее восстановление. В это время уже сгорел Крещатик и весь центр Киева от мин, тайно подложенных большевиками в частные дома. Может быть и другие опасения останавливали профессора. В немецкой печати то и дело стали появляться статьи, вроде следующей: «Ценная находка в Киеве». Дальше сообщалось о том, что в Киеве были случайно обнаружены первые оттиски, сделанные Иоганном Гуттенбергом. Затем следовало их подробное описание. Одно лишь умалчивалось: где именно была сделана находка? Можно было предположить, что драгоценные листки были найдены где-нибудь в пыли на чердаке, где глупые, необразованные киевляне бросили их на съедение мышам. Но сотрудники библиотеки Академии наук грустно говорили по секрету, что эти оттиски были конфискованы у них, в академической библиотеке. А в Лавре можно было бы сделать немало «находок», не менее ценных.

Но открытие Лавры было общим желанием местного населения. Да и какое верующее сердце не билось при мысли о восстановлении древнейшей христианской святыни в ее прежнем блеске и величии, очищенной от многолетнего осквернения и поругания? Проф. Черногуб уступил. Да и мог ли он сопротивляться? Начались восстановительные работы. Производились изыскания: не подложены ли под здание мины? Ничего найдено не было. Да и мудро было обследовать все катакомбы и подземные пещеры монастыря. Наконец, советские плакаты были сняты, безбожные надписи смыты и храму было придано прежнее благолепие. На осмотр собралось множество киевлян и немцев. В первый раз был включен свет. Электричество вспыхнуло. Вслед за этим раздался взрыв и высокие своды Успенского собора рухнули, погребая под своими обломками людей и сокровища. Непоправимая потеря! Все было уже вынесено наверх. Ничего не осталось спрятанным в подвалах. По общему мнению, подложенные под здание мины были соединены с электрической проводкой. Включением тока они были приведены в действие.

Обследовать огромную гору развалин не было возможности. Проф. Черногуб случайно остался в живых. Он был совершенно подавлен катастрофой. Его прежние смутные опасения перешли в догадки. Он мог лучше других уяснить все случившееся. Увы, знание тайны часто бывает опасным. Однажды на рассвете к нему постучали. Он пошел открыть и, поговорив несколько минут с двумя неизвестными мужчинами, вернулся в спальню сказать жене, что он должен выйти и через полчаса вернется. С тех пор никто не видел его живым. Незадолго до ухода немцев из Киева его тело было найдено зарытым на территории Лавры. Я встретил г-жу Черногуб необычайно взволнованной и потрясенной. Она сообщила мне о печальной находке. «Завтра состоится похороны. — сказала она. — Меня уговаривают придти проститься с мужем, но я не могу решиться. Я хочу сохранить его в памяти таким, каким он был при жизни. Боюсь, что вид того, что осталось от него, навсегда заслонит от меня его прежний образ. Боюсь, что вид этот будет ужасен. Ведь со времени его смерти прошло одиннадцать месяцев». На другой день она собралась с духом. Однако она не только смогла взглянуть на покойника, но и дала ему прощальный поцелуй. Святая земля не дала тлению коснуться тела. Профессор Черногуб был только бледнее обычного и казался похудевшим. Лицо его было спокойно

и, казалось, улыбалось. Он был убит выстрелом в затылок. По-видимому, смерть была такой быстрой и неожиданной, что не успела дойти до сознания.

Немцы разрешали группам православных верующих открывать храмы и за редкими исключениями (например, монастырь Церковщина) передавали им церковные и монастырские здания. Имея некоторый досуг, я охотно посещал эти восстановленные святыни, и меня всегда поражало, как стихийно, быстро воскресали обители, храмы. Какая огромная религиозная сила была скрыта в сердцах верующих и как она бурно вырвалась! Там, где храмы были разрушены, создавались временные, барачные, нанимались частные дома. Так, вновь возникли: Введенская обитель (в своем прежнем помещении на Печерске), Флоровская обитель (также в еще не разрушенных помещениях прежнего монастыря, которые большевиками были определены под фабрику), Покровская обитель (на прежнем месте), Никольский монастырь на Печерске (вместо разрушенного храма была устроена церковь в бывших архиерейских покоях), Михайловский Златоверхий монастырь (как известно, он был, несмотря на резкие возражения археологов и историков, варварски разрушен, а фрески перенесены в Софийский собор), который теперь помещался в нескольких частных домиках, но на тех же местах, и, наконец, Лавра, которая была передана монахам в нижней своей части: Дальние и Ближние Пещеры.

В начале немецкой оккупации была воскрешена советская система управления Лаврой первых лет военного коммунизма. Именно, с властью настоятеля конкурировал комендант Лавры, назначенный от городской управы. При наличии монастырского начальства создание подобной должности вызывало естественное недоумение, а часто и недовольство монашествующих. В самом деле, монахи считались хозяевами монастыря, несли львиную долю всяческих повинностей и налогов, а в то же время не пользовались доходами: квартирной платой с жильцов, топливом, овощами и фруктами с лаврских огородов и т. д. Наоборот, комендант пользовался рядом материальных благ от крох бывшего монастыря. Таким образом, система «кормления» комендантов первых лет советской власти была воскрешена уже совершенно неосновательно.

Настоятелем Лавры собравшиеся иноки избрали бывшего уставщика правого клироса Великой церкви игумена, а затем архимандрита Валерия. В период советской власти он каким-то чудом уцелел в роли чернорабочего. Естественно, что с восстановлением Лавры он получил и прерогативы настоятеля ставропигиального монастыря, которые были переданы митрополитом Михаилом настоятелю о. Клименту. Для столь сложной и трудной обстановки, в столь тревожное время, каким была немецкая оккупация, в условиях жизни разрушенного монастыря, когда нужно было проявить много энергии, ума, такта, выбор настоятеля нельзя признать особенно удачным. Впрочем, у о. Валерия был большой монашеский стаж, он являлся лаврским старожилом, имел высокий сан и весьма важное монашеское качество — душевную простоту. В этом отношении ему нужно отдать должное: он был далек от интриг, в нем не было лукавства, и в своих отношениях к людям он проявлял искренность и непосредственность. В нем не было властолюбия, и он смотрел на свой настоятельский жезл, как на символ послушания, сам сознавая, что является неподходящим лицом на столь высокой административной должности. И после прихода советских войск в Киев (1943 г.) о. Валерий продолжал оставаться настоятелем Лавры.

В обновленную Лавру собралось около тридцати монахов и послушников, почти исключительно из числа бывшей братии монастыря. Среди них я встретил своего прежнего друга монаха инженера о. Варфоломея. В этот период он увлекался биологией и философией. Бывшего келейника наместника Климента, о. Феопемпта я застал в сане игумена и членом Духовного Собора. Увидел я вновь в послушническом одеянии скромного вратаря Дмитрия, моего старого соседа по келье в благочинническом корпусе. Встретил я и многих других знакомых монахов. Появились и прежние сестры обители. Впрочем, большинство иноков, оставшихся в живых и бывших на свободе, продолжали жить в деревнях, где их застала перемена, так как их страшили неуверенность в

завтрашнем дне и неустойчивое положение Лавры. Условия монашеской жизни в новой Лавре были весьма несовершенными. Кроме того, монахи голодали, как, впрочем, голодало и все население Киева. Они жили главным образом на тот скудный паек, который выдавался всему гражданскому населению. Правда, крестьяне окрестных сел, приезжавшие на богомолье, приносили кое-что из продуктов и этим поддерживали братию, однако такая помощь оказывалась в ничтожных размерах, так как сообщение с Киевом было затруднительно; немецкие патрули проверяли путешественников и отбирали продукты. Также и братия ходила на село, работала на полях и приносила с собой в монастырь некоторую толику продуктов, однако такие случайные подкрепления не могли в корне изменить трудное продовольственное положение Лавры. Все же была восстановлена традиция монастырской трапезы: дважды в день варили горячее — в обед обыкновенно приготавлился борщ, а вечером суп. В праздники или в дни поминовений стол бывал значительно богаче, и обед состоял из двух блюд, с прибавлением иногда и пирогов.

Ежедневно служили литургию и вечерню. Богослужения происходили в главном храме Ближних Пещер, который сохранился в неприкосновенности со своим старинным иконостасом. В Киеве, который особенно потерпел от безбожников, это был один из немногих храмов (не считая Владимирского и Софийского соборов), который так хорошо сохранился, поэтому было особенно приятно посещать его. Служба совершалась торжественно, по монастырскому уставу. Пел небольшой монастырский хор с канонархом и на старинные лаврские напевы. По воскресеньям и праздникам богослужение совершалось, кроме того, еще и в подземной церкви Дальних Пещер.

Так как в зимнее время в главном храме становилось очень холодно, то монахи соорудили над Пещерами другую церковь, теплую, и молились там. Для братии было выделено на Ближних Пещерах два корпуса (кроме домика схиархиепископа Антония), где она и устраивала свою монастырскую жизнь. Очень стесняло то обстоятельство, что там же на Пещерах продолжали жить самые различные, подчас враждебные монастырю светские люди. Стесненность монастыря в помещениях не позволяла, между прочим, принимать новых иноков в обитель.

Лавра своей стариной, своими пещерами привлекала внимание немцев как военных, так и штатских. В течение целого дня у входа в Ближние Пещеры можно было видеть их в разнообразных формах и различных рангов. К сожалению, они держали себя не всегда корректно: при входе в Пещеры не снимали головных уборов, смеялись, громко разговаривали и т.д. Мы с о. Варфоломеем вывесили на немецком языке объявление с просьбой к посетителям при входе в Пещеры снимать головные уборы, и с тех пор большинство обнажало головы.

Из прежних «могикан» в Лавре сохранились бывший председатель сельскохозяйственной артели «Трудолюбие» В. М. Тверской, который был назначен комендантом Лавры, и Виктор Ананьевич Гренчак.

И материально убогая Лавра продолжала все старые обычаи: так, в день преподобного Феодосия совершали торжественный крестный ход к колодцам преподобных Антония и Феодосия. Один из них был очищен и там совершали водоосвящение; на Успение возобновили трогательный обряд торжественного Отпевания Богоматери. Также в торжественные праздничные дни монахи предлагали своим гостям трапезу от своего скромного стола.

Близость фронта, стеснения со стороны немцев, общая разруха, отсутствие регулярного железнодорожного движения, открытого для общего пользования, не давали возможности Лавре крепко встать на ноги. Жизнь ее теплилась, но не расцветала, как этого можно было ожидать. Однако и опустошенная, и оскверненная, и разрушенная Лавра осталась святым местом, дорогим для верующего человека, влекущим к себе людей, ищущих покоя души и тепла. И богомольцы все же приходили.

14. СКИТ «ПРЕЧИСТАЯ ЦЕРКОВЩИНА»

В двенадцати километрах от Киево-Печерской Лавры, в стороне от проезжей дороги, в лесах, в глубокой котловине хорошо скрытый от постороннего глаза расположился скит «Пречистая Церковщина». Здесь, по летописным сказаниям, много лет тому назад проводили дни великого поста основатели Киево-Печерской Лавры преподобные Антоний и Феодосий. На берегу Днепра, в дремучих лесах, в горе они выкопали себе пещеры наподобие лаврских. Там, среди живописной природы, проводили они в полном уединении, в посте и молитве семь недель. Однако и здесь настигла их слава великих подвижников. И сюда стали стекаться ищущие спасения души. В Пещерах образовался монастырь. По-видимому, он просуществовал недолго. Произошла какая-то катастрофа, быть может обвал земли. Во всяком случае, в Пещерах, которые в настоящее время уже расчищены, можно видеть множество скелетов, причем в самых разнообразных, нележачих положениях. Отсюда возникло предположение, что катастрофа настигла братию подземного монастыря внезапно. Между прочим хорошо сохранились железные вериги, параманы, старинные подсвечники и даже восковые свечи.

С тех пор прошло несколько столетий. Место, где когда-то находились Пещеры, было забыто. Все заросло густым лесом. В лесу водилось множество змей, и потому это урочище местные жители прозвали «Гадючим». Днепр за это время изменил свое русло и ушел от монастыря на три километра влево.

Как-то летом в конце прошлого столетия в эти места забрел со своим стадом пастух. Ковыряя батогом землю, он к своему удивлению заметил, что земля проваливается и образуется как бы кратер. О своем наблюдении он рассказал в селе. В это время в соседнем монастыре, пустыни Китаево, проживал какой-то ученый монах-епископ. Заинтересовавшись слухами, он лично отправился на это место. При его содействии отверстие было расширено и был обнаружен таинственный ход. Начались раскопки, научная проверка и были, наконец, установлены изложенные выше факты. Трудями энергичного и предприимчивого иеромонаха Михайловского монастыря о. Мануила на месте Пещер возникла мужская обитель, названная «Церковщина». Выросла она в лесу, не обладая ни угодьями, ни другими богатствами, благодаря кропотливому упорному труду самой братии. Сначала эта обитель считалась «приписной» к Михайловскому монастырю. В период своего большого расцвета она насчитывала в своих стенах не более 30-40 монахов и послушников. Из-за отдаленности от Киева и плохой дороги, а также наличия других, более благоустроенных монастырей, богомольцев здесь бывало сравнительно мало. Жизнь закалила братию и приучила к тяжелому упорному труду. С громадными усилиями приходилось производить мелиорационные работы, корчевать лес под огороды. Тем не менее монастырь развивался. Скоро у него появились угодья и скиты в Умани (один из них странно назывался «Углярка»), были выстроены церковь, братские корпуса, гостиница и т.д. Отцом Мануилом было составлено и напечатано описание монастыря «Церковщина».

Умер о. Мануил, и на его место был назначен игумен, впоследствии архимандрит Феофан. Несомненно, это был один из сильных духом людей, убежденных до фанатизма в правоте своего дела, патриот своего начинания до конца, и не только на словах, но и в кипучей деятельности. Это был интересный и большой человек, напоминавший мне всегда образ Петра Великого.

Отец Феофан не получил никакого специального образования, да и общее у него было небольшим. Тем не менее он всегда поражал меня своей сообразительностью, тонкостью ума, тактом и умением обходиться с людьми. Присутствие этого последнего качества в нем было тем более удивительно, что по своему внешнему виду и движениям он отличался некоторой угловатостью. К каждому человеку, вне зависимости от того, нужен ли он ему или нет, он обращался с необыкновенной сердечностью и теплотой, которая ярко светилась за его внешней грубоватостью. Он нес послушание настоятеля монастыря в самое тяжелое время. Кругом раздавались резкие призывы к закрытию монастырей и церквей. Росла антирелигиозная пропаганда. Правда, до поры до времени Церковщину

спасало несколько обстоятельств. Прежде всего, как сказано выше, этот монастырь был расположен в стороне от большой дороги, как бы затерявшись в лесах и горах. Был он скитом бедным и для любителей чужой собственности не представлял ничего особенно заманчивого. Богомольцев там было немного, и потому как объект антирелигиозной пропаганды он также не останавливал на себе внимания большевиков. Но самым главным, что продлеvalo существование данного монастыря, был особый трудовой уклад жизни обители. Монастырский устав там был суровый. Служение в церкви не являлось профессией, а лишь духовным отдыхом монахов. Каждый из них был обязан нести какое-либо послушание и в большинстве случаев выполнять тяжелую физическую работу. В деле снабжения продуктами братия не могла рассчитывать на кого-либо, на помощь богомольцев, а лишь на помощь Божию и на свое усердие. На неудобных землях овощи росли после тщательной обработки участков. Приходилось вести тяжелую борьбу с природой. Наконец, каждый монах, кроме работы на земле, имел еще какую-либо дополнительную профессию. Большинство из них были прекрасными столярами, плотниками. Монастырские ранеты были известны далеко в окрестности. Да и сам архимандрит Феофан в этом отношении был великий мастер. Его часто можно было видеть в простом крестьянском платье с топором в руках. Однажды группа красногвардейцев забрела в Церковщину. Узнав, что здесь монастырь и живут «враги народа — монахи», красногвардейцы решили с ними расправиться. Настоятель и вся братия в это время оказались на работе в соседнем селе Пирогове. Оставшиеся в монастыре старики и инвалиды указали им путь туда. С оружием в руках солдаты отправились в село. Однако там никого в монашеском одеянии не нашли. На вопрос, где церковщинские монахи, крестьяне указали им на группу плотников, которые делали сруб новой хаты. На стропилах верхом сидел архимандрит и обрабатывал топором какую-то часть. На вопрос красногвардейцев, где же «главный поп», все указали на настоятеля. Однако простой вид крестьянского платья, тяжелая работа, топор в руках в представлении красногвардейцев не гармонировали с положением настоятеля монастыря и они не поверили до тех пор, пока какой-то случайно проходивший верующий крестьянин, увидев уважаемого о. Феофана, не подошел к нему с земным поклоном под благословение. Пораженные трудолюбием монахов красногвардейцы оставили обитель и ее обитателей в покое.

Однако ни усердие монахов, ни просьбы окрестных сел, для которых хозяйственная помощь специалистов из братии была необходима, ни такт архимандрита, не спасли монастырь от ликвидации, а лишь замедлили процесс упразднения и несколько отдалили его конец.

С о. архимандритом я познакомился на деловой почве. Как-то раз мой Петя докладывает, что ко мне пришел настоятель Церковщины. Я уже до этого был много наслышан о замечательном монастыре и его умном настоятеле и потому вышел в приемную с чувством большого любопытства. Перед собой я увидел коренастого, среднего роста, с большой бородой и открытым лицом монаха. На нем была поношенная ряска, в руках он держал такую же скуфью. Он грубоватым, но ласковым голосом приветствовал меня и заключил в свои крепкие объятия. Во всем его виде, во всех его движениях, словах, обращении было столько непосредственности, добродушия и детской простоты, что выражение его чувств мне было приятным. В простых, бесхитростных выражениях он со слезами просил меня не оставить монастырь в горе и помочь в деле организации монастырской артели. Со свойственной ему добротой и лаской он заставил меня принять монастырские подарки, состоявшие из молока, овощей и прекрасных, приготовляемых по какому-то особому рецепту в Церковщине кислой капусты, яблок и огурцов. У Пети он узнал, что я нуждаюсь в дровах. На следующий день большая подвода с сухими дровами подъехала к крыльцу моей кельи. И впоследствии, когда моя помощь уже не была нужна и монастырь постепенно угасал, он все же не оставлял меня и делился из последнего продуктами, которые его братия получала с такими большими усилиями.

История ликвидации этого монастыря в общем была похожа на другие. Монастырь сначала был закрыт лишь официально. Монастырская жизнь продолжалась в других формах. Были созданы церковная община и сельскохозяйственная артель. Монахи отдавали работе все силы, чтобы возможно

лучше зарекомендовать свой труд, однако, ничто не помогло. Сначала власти отняли созданные братией с такими усилиями участки пахотной земли и предоставили взамен ее под раскорчевку неудобную, на крутых склонах, с пнями. Когда же монахи со свойственным им трудолюбием превратили и эту неудобную землю в пахотную, то земотдел не преминул отнять от них и эти участки. В монастыре еще долгое время держалась артель плотников, которая обслуживала соседние села, впрочем, скоро и она была ликвидирована. Дольше существовала церковная община. Даже и тогда, когда в монастыре была создана колония для дефективных детей, иначе говоря, дом малолетних преступников, церковная община продолжала существовать. Соседство распущенных маленьких бандитов в значительной степени нарушило уклад монастыря, однако, братия мирилась со всеми неудобствами, терпеливо переносила оскорбления, кражи и пр., лишь бы не лишиться дорогого пристанища и храма. Незадолго до полной ликвидации обители о. Феофан с братией пожелал отметить мои скромные заслуги в деле помощи монастырю. Он собрал монахов в церковь и пригласил меня. Сам со старшими иеромонахами облачился в ризы и, раскрыв царские врата, торжественно вынес мне икону Богородицы «Нечаянной радости», икону, которая считалась покровительницей монастыря. В самых простых, не витиеватых, но трогательных выражениях, со слезами на глазах, он благодарил меня за мою работу для обители. Его признательность была от всего сердца. Он обнял меня и заплакал. Все это было так непосредственно, искренно, что и я был сильно растроган. Я любил посещать этот монастырь. Меня там принимали так ласково, тепло и сердечно, что невольно тянуло туда отдохнуть от тревог мирской суеты. Мало того, так принимали не только меня, но и всех тех, кто бывал со мной. Мы часто целой компанией приезжали в Церковщину и под сенью гостеприимной обители оставались несколько дней. В стенах старого монастыря, среди ласковых добрых лиц в окружении прекрасной природы невольно забывали мы душевные невзгоды, волнения; нас охватывало тихое, мирное настроение. Я любил в Церковщине вечерние богослужения, особенно в кануны больших праздников. Обыкновенно народу было немного. Храм не блистал позолотой, но отличался особенным уютом. Пение было скромное, но умирительное. На литию духовенство выходило из храма и совершало эту часть богослужения на открытом воздухе. Кругом царил вечерний покой леса, и только трели соловья, который смело подлетал к молящимся и садился на ветку зеленого шатра деревьев, присоединялись к славословию людей.

Если я не принимал участия в монастырском хоре, то в церкви я всегда стоял с правой стороны притвора. В молитвенном настроении я обратил внимание на большую картину, изображенную во всю стену притвора. Как и в других монастырях, картина представляла Страшный Суд. Сюжет заключался в том, что перед Господом Саваофом расположились праведники и грешники. Первые по правую сторону, вторые по левую; со стороны молящихся расположение было обратное, таким образом я по своей позиции оказывался против группы грешников. По замыслу художника все грехи были, так сказать, персонифицированы, то есть каждый изображенный на картине грешник воплощал в себе и олицетворял какой-либо грех. Именно против моего места расположилось изображение, какой-то девы. Она была одета в белую ниспадающую тунику. Грациозная, тонкая она стояла с глазами, устремленными романтически вдаль. Внизу в виде пояснения было написано наименование греха: «очарование». Это изображение, лишь только я его разглядел, ввело меня в соблазн, и я даже переменял место для молитвы. Почему столь вдохновенная дева попала в группу грешников? Почему она вся в белом, — символ чистоты, — олицетворяет грех? В довершение всего меня смущала и надпись. Мне почему-то всегда казалось, что очарование не может считаться грехом, а скорее лишь определенным впечатлением, часто к тому же произвольным. Мои соблазнительные сомнения были рассеяны монахом, который мне разъяснил, что грех «очарование» свойственен тем людям, которые занимаются чарами, волшебством, чародейством. Моя любознательность была удовлетворена, но для того, чтобы лучше сосредоточиться, я, как уже сказал выше, переменял свое постоянное место в храме.

Служба кончалась часам к девяти. Впереди был монастырский ужин, слобренный для гостей каким-либо деликатесом, вроде рыбных котлет или жареной соленой рыбы. Основу же ужина

составляли всевозможные монастырские соленья овощей и грибов, приготовленных по какому-то магическому, необыкновенному рецепту. К ужину о. Феофан доставал и вино, сам, впрочем, его не вкушая. Однако, чтобы не сконфузить гостей, он наливал и себе и делал вид, что пьет. Я знал, что все это предлагалось не от богатства, а от скудости, убогости, но и от чистого сердца.

За столом завязывалась тихая мирная беседа. Делились воспоминаниями. Бьет 10 часов вечера. Нужно помнить, что завтра о. Феофан служит литургию и ему нужно дать покой. Меня провожают в монастырскую келью, уступленную, по-видимому, на эту ночь кем-то из братии, и через несколько минут я наслаждаюсь полным покоем скромного ложа. Я засыпаю под густое жужжание голоса о. Феофана, который все еще не может уgomониться в своих хозяйственных хлопотах и отдает распоряжения по поводу предстоящего дня и угощения гостей.

Долго продолжала жить обитель. Стойкий там был настоятель, крепко стояли монахи. Удвоили, утроили они свои усилия, чтобы сохранить дорогой для них монастырь. С утра и до вечера, сплошь да рядом бесплатно, трудились они на земле, на столярных и плотницких работах. Всячески приспособлялись они к духу времени, создавая светские по форме товарищества, артели, куда входили лишь послушники и преданные светские люди; старались они сохранить и наилучшие отношения со всеми окружающими. Ничто не помогло. Монастырь закрыли окончательно и монахов разогнали. Однако живуча была сила духа и любви к обители.

И после закрытия монастыря монахи продолжали собираться в частном доме и молились. Но и здесь нашла их рука безбожников. Так и разбрелись они по белу свету. Отца Феофана я встречал еще несколько раз в алтаре загородной церкви (Выдубицкого монастыря), затем он бесследно исчез. Думаю, что его уже нет в живых.

Воскрешая в своей памяти светлый образ о. Феофана, я часто задумываюсь над вопросом, кем был бы он, если бы свое скромное положение настоятеля убогой обители променял на государственную карьеру. Мне кажется, что он со своим здоровьем, быстрым умом, живой сообразительностью и непреоборимой, как весенний поток, кипучей энергией был бы выдающимся государственным деятелем. Во всяком случае, в своей жизни я редко встречал людей столь деятельных, трудолюбивых, честных и простых. Всегда ищущий новых возможностей для укрепления положения горячо любимой обители, он сохранял в душе детскую наивность, чистоту, которые у него соединялись с глубокой мудростью. Он был горячим патриотом своей обители. Закрепив позиции в Умани, организовав там два скита, как бы «филиальных отделения» Церковщины, он добился получения часовни «Нечаянной радости» в центре Киева и поселил там также своих монахов. Эта часовня была расположена при доме Религиозно-просветительского общества. Это было большое красивое здание, примыкающее непосредственно к часовне. Отец Феофан задумал и это здание приобщить к своему монастырю. Так как общество к тому времени перестало существовать, то о. Феофан предпринял шаги к передаче всего здания в ведение его обители. В течение нескольких дней его можно было видеть носящегося, как метеор, по городу, посещающего различные учреждения и, наконец, с торжественным выражением лица победителя, суetyящегося в большой зале, где он организовывал церковную общину, устраивал храм и уже служил всенощную.

После того как сильным натиском антирелигиозных организаций он был выбит из своих позиций и, учитывая своим проницательным умом, что далекий монастырь Церковщина должен иметь какую-то базу в городе на случай временных остановок для связи с городом, где были расположены различные учреждения, нужные монастырю, и, наконец, на случай ликвидации самого монастыря, он приобретает на Демиевке, в предместье Киева, домик, строит в нем храм и поселяет там монахов. Действительно, после закрытия Церковщины это подворье сослужило большую службу монастырю и приютило братию на несколько месяцев, пока и здесь их не постигла общая участь, и домик с храмом был отнят у обители. Все это делалось о. Феофаном не из каких-либо личных побуждений

властолюбия. Лично он жил убого и всегда оставался в тени. Его единственной заветной мечтой было благо и укрепление обители.

Традиции Церковщины еще долго хранились ее сынами. Эти связи я обнаружил много лет спустя, в одном из колхозов. Бывший председатель сельскохозяйственной монастырской артели, которая, как читатель помнит, была создана для сохранения хозяйства монастыря, Яков Иванович Калашников, верный сын обители, бесконечно любивший Церковщину, надежный помощник о. Феофана во всех его начинаниях, сумел остаться в роли председателя вновь организованного на базе артели колхоза. Он сохранил эту позицию каким-то чудом до момента отступления советских войск и за это время много помог отдельным монахам и послушникам.

Во время немецкой оккупации Церковщину удалось восстановить лишь частично, так как немцы чинили о этом деле всевозможные препятствия. Однако монахи теперь уже могли собираться в своей домово́й церкви, что была создана стараниями о. Феофана на Демиевке. Тут вновь начали они свою трудовую жизнь в молитве и послушании. Здесь-то я снова встретился с обаятельным Яковом Ивановичем, который сумел сохранить себе жизнь и кипучую, унаследованную от о. Феофана энергию и глубокую веру. Однако он уже не был Яковом Ивановичем, но смиренным иноком Исаией. Наконец, его заветная мечта, сбросив навязанную личину всевозможных общин, артелей, колхозов, стать полноправным членом монастырской братии, исполнилась. Горячо принялся он за восстановление монастырской жизни. С утра до позднего вечера он, подобно о. Феофану, кипел во множестве дел, всюду стараясь поспеть и защитить интересы монастыря. Однако он был один, у него не было помощников, которые могли бы разделить сложную и трудную в то время работу. С прежней лаской он отнесся ко мне и во все время немецкой оккупации старался всеми силами, незаслуженно с моей стороны, поддерживать меня своей кипучей энергией, бодростью и оптимизмом.

На храмовой праздник я был приглашен на Демиевское подворье. Храм был заново отремонтирован. Служил архиерей, собралось множество народа. На литургии о. Исаию возводили в сан иеромонаха. Торжественно возложили на него священнический крест, фелонь, епитрахиль. На следующий день я снова пришел к вечерне. Служил вновь посвященный иеромонах. Истово и старательно совершал он богослужение. Его долголетняя мечта — стать перед престолом храма — сбылась. В этот день мы виделись с ним в последний раз. Наутро ко мне прислали нарочного с сообщением, что о. Исаия скоропостижно скончался от разрыва сердца, даже его крепкая натура не выдержала переживаний последних лет: его силы надорвались. Не стало одного из последних моги́кан Церковщины. Через многие годы тяжелого труда, вынужденных маскировок, жуткого террора и чуждого окружения, покойный сумел пронести невредимой и целой чистую, детскую веру в Бога и бесконечную и самоотверженную преданность монастырю. И никакие соблазны мира сего, никакая атеистическая пропаганда не разрушили в его душе святого и высокого.

В Церковцинском монастыре братия была здорова духом, чиста своей моралью. Обстановка суровой природы, трудовой уклад обители и воспитание о. Феофана сделали свое положительное дело. Во время немецкой оккупации заместителем настоятеля был выбран игумен, имени которого я не помню. Уже преклонных лет, человек прекрасной души, но не от мира сего, настоящий монах, далекий от суеты и прелестей светской жизни, новый о. настоятель с трудом справлялся со сложным делом администрации монастыря в столь тяжелые годы. Правда, ему деятельно помогал о. Исаия и без него я не представляю, как бы могла в то время существовать обитель. Отец игумен любил меня, неизменно помнил обо мне и в торжественные дни всегда приглашал меня на праздник. Верная своим славным традициям широкого гостеприимства Церковщина и в те тяжелые голодные дни, когда продовольственный паек был сужен до ничтожного минимума и сам монастырь, собственно говоря, был «в изгнании», устраивала братскую обильную трапезу. Отца игумена за заслуги было решено возвести в сан архимандрита. В одну из архиерейских служб, совершенных архиепископом Пантелеимоном в храме монастырского подворья, среди других награждаемых был намечен и наш

любимый старец игумен. По какой-то случайности протодиакон забыл напомнить о новом возведении в сан архимандрита и подать митру, сам же игумен этого сделать не захотел. Когда по окончании богослужения все присутствующие захотели поздравить вновь возведенного архимандрита с наградой, оказалось, что наш игумен по-прежнему остался скромным игуменом. На досадное замечание, почему же он не напомнил об этом через кого-нибудь епископу, он скромно ответил: «до старости не имел архимандричьей митры, проживу без нее и до смерти». А мне вполголоса прибавил: «Да, по правде говоря, она мне и не нужна». Так глубоки были в его душе смиренность и скромность.